

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

114

ДРЕВНОСТИ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

114

ДРЕВНОСТИ СИБИРИ, ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

П-86

вот: 114

П 60725

Краткие сообщ-
ения о докл-х
и полевых иссл-х
Ин-та археол.

ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. И. САРИАНИДИ

О ВЕЛИКОМ ЛАЗУРИТОВОМ ПУТИ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Изделия из лазурита, встречаемые при раскопках на Древнем Востоке, неоднократно привлекали внимание не только археологов, но и специалистов других смежных наук. Чрезвычайно широкий ареал этого минерала, включающий страны Древнего Востока, и ограниченные пункты его месторождения дают реальные перспективы для изучения экономических и культурных связей, некогда существовавших на этой обширной территории. Картографирование все новых пунктов находок лазуритовых изделий на Древнем Востоке и упоминание этого минерала в шумерийских текстах позволяют поставить вопрос о древнем лазуритовом пути, некогда существовавшем на Востоке.

Наиболее ранние находки из лазурита на территории Средней Азии происходят из раскопок древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана середины IV тысячелетия до н. э.¹ (рис. 1.). В Иране лазуритовые изделия также известны в памятниках второй половины IV тысячелетия до н. э. (Сналк III)². Существует мнение, что разрушение поселения Сналк на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. связано с экспансией племен из Элама, которые «...занимали ключевую позицию на торговом пути с севером, чтобы контролировать торговлю лазуритом»³. К этому же времени относятся лазуритовые предметы в Эламе (Сузы IA)⁴, и Месопотамии (Урук. Ур. Джемдет Наср)⁵, но высказано предположение, что лазурит, возможно, ввозился в Месопотамию еще раньше, в пору расцвета убейдской культуры⁶.

В долине Инда и Белуджистане наиболее ранние находки из лазурита происходят из поселений хараппской культуры (вторая половина III — первая половина II тысячелетия до н. э.)⁷.

На древнейшем поселении Афганистана (Мунидигак) лазуритовые бусы встречаются в первом нижнем слое (конец IV тысячелетия до н. э.) и продолжают до седьмого слоя⁸. В Египте, как в погребениях Севера, так и

¹ R. Pumphrey. *Exploration in Turkestan*. Washington, 1908, p. 158; В. М. Мас-сон. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. САИ, БЗ—8, 1962, стр. 22.

² R. Chirshman. *Iran from the earliest Times to the Islamic Conquest*. London, 1961, p. 41.

³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 295.

⁴ Там же, стр. 216.

⁵ A. L. Perkins. *The Comparative Archeology of Early Mesopotamia*. Chicago, 1957, p. 146, 147.

⁶ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 185.

⁷ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 86; W. Fair-
servis. *Excavations in the Quetta Valley*. New York, 1956, p. 230. Следует учитывать,
что более древние слои в долине Инда находятся ниже уровня подпочвенных вод и пло-
хо изучены; теоретически можно допускать в них наличие лазуритовых изделий.

⁸ J. M. Casal. *Fouilles de Mundigak*. VI. MDAFA, t. XVII. Paris, 1961, p. 240.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — доктор исторических наук Т. С. Пассек

Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук П. А. Раппопорт

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурима, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

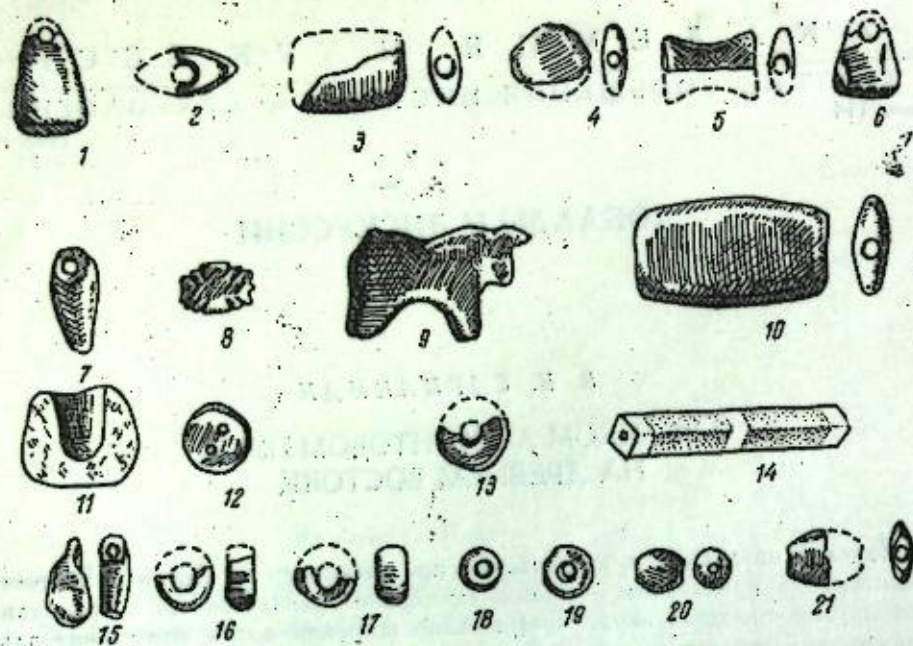

Рис. 1. Лазуритовые изделия из Южного Туркменистана

1—6, 8, 10, 13, 15—17, 21 — Геокюр I (рубеж IV—III тысячелетия до н. э.); 7, 12 — северный холм Анау (R. Pampelly, Exploration in Turkestan, vol. 1, 1908, pl. 40, 1; pl. 41, 2); 9 — Намалга-депе, раскоп Горной (III тысячелетие до н. э.); 11, 18—20, Хануз-депе (рубеж III—II тысячелетия до н. э.); 14 — Латиян-депе, погребение 60 (II тысячелетие до н. э.)

Юга предметы из лазурита довольно широко распространяются в герзейский период (ориентировочно — вторая половина IV тысячелетия до н. э.)⁹. В Анатолии лазуритовые украшения известны с середины III тысячелетия до н. э. и встречаются в богатых могилах Трон и Дорака¹⁰. И, наконец, на Кавказе наиболее древние находки лазуритовых бус происходят из Старомышастовского клада и Майкопского кургана, где они относятся к середине III тысячелетия до н. э., и, по мнению специалистов, являются привозными из Месопотамии¹¹.

Как известно, массовое распространение лазурита в странах Древнего Востока относится уже ко второй половине IV тысячелетия до н. э., хотя лазуритовые месторождения до сих пор известны лишь в Южной Америке, Прибайкалье и Бадахшане, включая и Памир¹² (рис. 2). Правда, в литературе имеются упоминания о лазуритовых месторождениях в горах под Бухарой, Самаркандом и Ташкентом¹³. Однако, по мнению А. Е. Ферсмана,

⁹ Единичные лазуритовые бусы известны в первом додинастическом периоде. Х. А. Кинк. Египет до Фараонов. М., 1964, стр. 116. В древнеегипетских надписях лазурит неоднократно упоминается начиная с XII династии (А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958, стр. 601).

¹⁰ I. Meilaart. Anatolia, c. 4000—2300 B. C. Cambridge, 1965 p. 26, 32. В хеттских документах упоминается лазурит, который добывался в горах Тагнияра (см.: Э. М. Менабде. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, стр. 61).

¹¹ А. А. Иессен. К хронологии «Больших кубанских курганов». СА, 1950, XII, стр. 177; Г. Г. Леидейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 25.

¹² А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, М., 1954, стр. 270.

¹³ А. А. Семенов. Из области воззрений мусульман Средней Азии и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. «Мир Ислама», 1912, т. I, № 3, стр. 311.

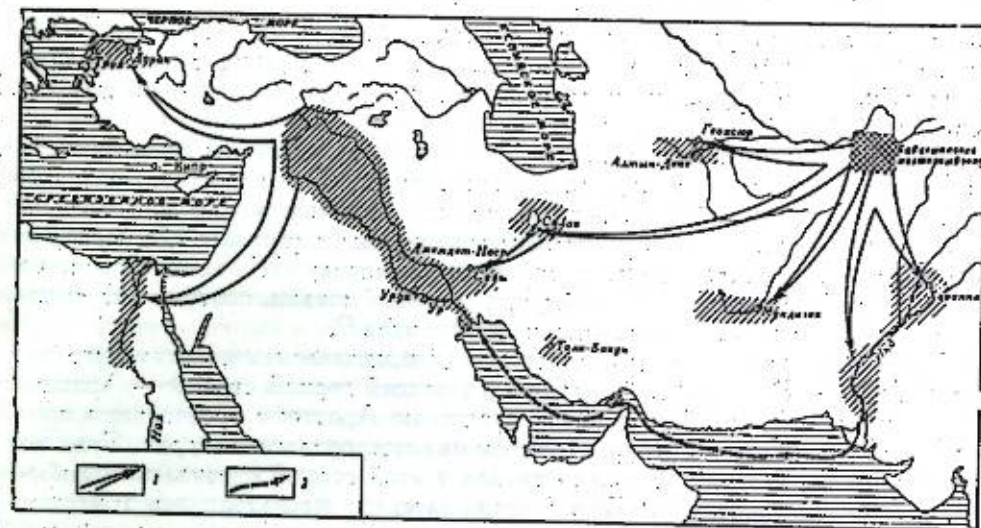

Рис. 2. Схема распространения бадахшанского лазурита на Древнем Востоке
Условные обозначения: 1 — предполагаемые пути распространения лазурита; 2 — предполагаемый морской путь

«...Это скорее предположения, чем действительные указания на находки»¹⁴. Точно так же широкое распространение лазурита в додинастическом Египте послужило основанием для утверждения о наличии его месторождений в самом Египте или соседней Нубии; однако, по справедливому замечанию ряда специалистов, при этом не приводятся никакие доказательства¹⁵.

Подобные утверждения нередко связаны с тем, что лазурит часто смешивается с синими минералами меди. Таким образом, единственным достоверным месторождением лазурита на Древнем Востоке до сих пор остается Бадахшан.

Это обстоятельство послужило основанием для многих авторов (Г. Чайлд, Э. Маккей; А. Лукас, С. В. Киселев, В. М. Массон) считать древневосточные лазуритовые изделия, изготовленные из материала бадахшанских месторождений, но эта точка зрения не является общепринятой. Попытаемся проследить, насколько основательна данная гипотеза и как она согласуется с имеющимися фактами.

Лазуритовые копи Бадахшана находятся в Северном Афганистане, в бассейне р. Аму-Дарья, около Фиргама. Еще в XIX в., по личным наблюдениям Вуда, добыча лазурита здесь производилась весьма примитивным способом — при помощи огня; лучшими сортами являлись те, в которых вкраплены включения золотистого колчедана. Любопытно отметить, что издревле добыча лазурита строго контролировалась местными властями. Так, еще до недавнего времени лазуритовые разработки считались прерогативой афганского эмира, и частный вывоз лазурита из страны мог осуществляться только контрабандным путем¹⁶.

Упоминания о знаменитых лазуритовых копиях Бадахшана имеются у ряда средневековых авторов Востока и у Марко Поло (XIII в.)¹⁷. Видно, об этих же разработках говорится в донесении ассирийского агента,

¹⁴ А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни России. Пг., 1922, стр. 171. Теоретически допускается наличие лазуритовых месторождений в Белуджистане и в районе Кандагара, в Афганистане (там же, стр. 171), однако практических доказательств этому до сих пор нет.

¹⁵ А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, стр. 270.

¹⁶ А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни России, стр. 172.

¹⁷ Марко Поло. Путешествие. СПб., 1902, ст. 64. Более подробно об этом см.: А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. I, стр. 267—273; А. Фалькерзам. Лазоревый камень и его применение в искусстве. «Старые годы», 1913, май, стр. 24.

посланного своим царем в некую горную местность за лазуритом¹⁸. Таким образом, налицо многовековая литературная традиция, повествующая о единственных лазуритовых разработках Древнего Востока — бадахшанских.

Последние открытия в области древнейшей шумерийской письменности дают новые данные для изучения этого вопроса. Как известно, большинство шумерийских табличек — хозяйственные документы или мифологические поэмы. Одним из немногих исключений является поэма «Эмеркар и верховный жрец Аратты»¹⁹, восходящая к началу III тысячелетия до н. э. В ней повествуется о событиях реальной жизни, поэтому она является одним из немногих исторических источников²⁰.

В поэме рассказывается о споре между правителем месопотамского города Урука — Эмеркаром и владельцем некоей горной страны — Аратты. Эмеркар посылает своего гонца к владельцу Аратты с требованием прислать в Урук золото, серебро, строительные материалы и лазурит. Судя по тексту поэмы, лазурит не только имелся в этой горной стране, но и добывался местными жителями. Возникает вопрос, где же находилась эта вполне реальная страна Аратта?

Страна Аратта довольно часто упоминается в различных шумерийских сказаниях, однако точная локализация ее пока еще не установлена. Специалисты единодушно помещают ее к востоку от Шумера, так как в поэме неоднократно упоминается, что гонец Эмеркара по пути в Аратту должен был пересечь высокие горы, а главное, пройти через города Элама — Сузы и Аншан²¹.

Это указание находит свое четкое подтверждение в другой шумерийской поэме, в которой герой Лугальбанда по дороге в Аратту пересекает горы и проходит Аншан с одного конца в другой²². Но дальше мнения расходятся. Одни авторы условно помещают страну Аратту в горах Южного Ирана, в современном Луристане²³, другие — в Центральном Иране²⁴, третьи — в горах восточнее Элама²⁵.

Не отвергая всех этих предположений, представляется возможным локализовать эту горную страну в Северном Афганистане, в районе современного Бадахшана²⁶. В самом деле, если сопоставить такие выражения, как «куски лазурита», «лазурит, извлеченный из скал», «лазурит у его месторождений», то станет очевидным, что речь идет об области, уже в то время славившейся разработкой лазуритовых копей. Больше того, судя по тексту поэмы, создается впечатление, что еще пять тысяч лет назад это было основное месторождение лазурита на Древнем Востоке. Таким образом, древнейшие письменные сведения вполне согласуются с современными минералогическими данными о Бадахшане, как о единственном известном до сих пор лазуритовом источнике. Правда, шумерийские тексты рисуют нам чрезвычайно развитое общественное устройство жителей Аратты, что вряд ли может быть буквально приложимо к горным племенам. Однако не исключено, что шумерийские авторы механически перенесли на далекий им

народ ту социально-политическую номенклатуру, которая существовала в самом Шумере.

К сожалению, первобытные памятники Северного Афганистана пока мало изучены археологами, но ряд косвенных данных свидетельствует о его заселении в IV—III тысячелетиях до н. э.²⁷ Правда, древние поселения, расположенные в горах или в непосредственной близости от них, в результате интенсивных процессов дефляции сохранились гораздо хуже, чем памятники долин и равнин, и намного труднее поддаются выявлению. Но, где бы ни локализовать страну Аратту, важен факт существования горных племен. Учитывая вышеприведенные данные шумерийских табличек, мы вправе ставить вопрос о наличии горных племен, хозяйство которых базировалось не столько на земледелии, сколько на скотоводстве и добыче благородных металлов, поделочных минералов и строительных материалов. В самом деле, поэма «Эмеркар и верховный жрец Аратты» вполне определенно свидетельствует о существовании на Древнем Востоке горных племен, терпевших недостаток в сельскохозяйственных продуктах, но имевших в родных горах достаточно всевозможных минералов и редких металлов. Всего этого лишены были жители равнин, в частности Месопотамии, так что между этими племенами существовал регулярный обмен (чему по существу и посвящена вся упомянутая поэма)²⁸.

Каким же образом могла идти предполагаемая торговля лазуритом между североафганскими племенами и жителями плодородных равнин Древнего Востока? Скорее всего эти связи носили опосредствованный характер. Многоступенчатые обменные торговые пути с далекой Месопотамией могли идти через районы, расположенные к юго-востоку от Гиндукуша, Белуджистана и Сеистана, и вдоль побережья Персидского залива, достигая Шумера. Почти на всем этом пути тянется цепочка небольших древнеземледельческих поселений²⁹, которые могли служить промежуточными звеньями в предполагаемом торговом лазуритовом пути. Отсюда, из Месопотамии, лазурит мог попадать в Сирию и Египет, что благодаря наличию густонаселенных поселков и городов на всем этом пути не представляло особых трудностей.

Из клинописных документов известна чрезвычайно широкая, налаженная торговля, которая существовала в Месопотамии во II тысячелетии до н. э. Особенно важно для нас упоминание лазурита в табличках, найденных в Уре³⁰. В Анатолию лазурит мог попадать из Месопотамии, так как известно, что Северная Сирия и Северная Месопотамия имели тесные торговые связи с Анатолией в начале II тысячелетия до н. э. Документально установленный факт существования в Анатолии, в Канише (Куль-тепе) международного торгового объединения³¹ может свидетельствовать о традиционных торговых путях между этими странами и в более древнее время. О направлении лазуритового пути в Иран можно судить по поселению Мундигак, расположенному в Южном Афганистане (где лазуритовые бусы

¹⁸ И. М. Дьяконов, *Ассирийско-вавилонские источники по истории Урарту*, ВДИ, 1951, № 2, стр. 355, 356. И. М. Дьяконов первый сопоставил эти данные с лазуритовыми месторождениями Бадахшана, что представляется вполне оправданным.

¹⁹ S. N. Kramer, *Enmerkar and the Lord of Aratta*, Philadelphia, 1952; И. Т. Канева в а. Шумерийский героический эпос. ВДИ, 1964, № 4.

²⁰ И. Т. Канева, *Указ. соч.* ВДИ, 1964, № 3, стр. 247.

²¹ Там же.

²² S. N. Kramer, *From the Tablets of Sumer*, Philadelphia, 1956, p. 236.

²³ S. N. Kramer, *Enmerkar and the Lord of Aratta*, p. 1.

²⁴ В. М. Массон, В. А. Ромоданов, *История Афганистана*, М., 1964, стр. 35.

²⁵ И. Т. Канева, *Указ. соч.* ВДИ, 1964, № 3, стр. 247.

²⁶ По существу такое отождествление, хотя и в очень осторожной форме, впервые было высказано С. М. Бацневой (см.: С. М. Бацнева, *Рец. на кн.: S. N. Kramer. From the Tablets of Sumer*, ВДИ, 1958, № 2, стр. 209).

²⁷ В. М. Массон, В. А. Ромоданов, *Указ. соч.*, стр. 34; В. М. Массон, *Древнейший Афганистан*, СА, 1962, № 2, стр. 354—356. Укажем, что до настоящего времени, как, видимо, и в древности, горные районы Бадахшана были густо населены земледельцами и скотоводами.

²⁸ Любопытно отметить, что правитель Аратты, готовый уступить притязаниям Эмеркара, вновь вступает в спор, получив от Шумерийского бога дождя дикорастущую пшеницу и бобы. Нет ли здесь указания на то, что, овладев техникой земледелия, горные жители уже не находились в такой зависимости от земледельцев равнин, как раньше?

²⁹ См.: A. Stein, *Innermost Asia*, vol. I—II, Oxford, 1928; W. Fairervis, *Archaeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran*, New York, 1961.

³⁰ W. F. Leemans, *Foreign Trade in Old Babylonian Period*, Leiden, 1960, p. 18.

³¹ Н. Б. Яковлевская, *Международное торговое объединение Каниша*, ВДИ, 1965, № 3, стр. 192. В касситский период цари Вавилона, Ассирии и Месопотамии посылали царю Египта в большом количестве лазурит (см.: W. F. Leemans, *Указ. соч.*, стр. 124).

наиболее обильны среди других украшений), которое, по материалам раскопок, обнаруживает несомненные связи с иранскими памятниками, особенно Гиссаром³².

Однако наряду с этим направлением есть все основания допускать наличие и другого, более короткого пути, когда бадахшанский лазурит мог попадать сюда вдоль предгорий, через районы иранского Хорасана.

Относительная территориальная близость, а главное, культурно-историческая общность, намечающаяся в период культуры Амри и увеличивающаяся в хараппское время, позволяющие решить вопрос о путях проникновения лазурита в Пакистан, Белуджистан и долину Инда. Территория Южного Туркменистана отделена от Афганистана труднопроходимыми горами, так что наиболее удобный перевалочный путь проходит через долину р. Герируд (в пределах СССР — р. Теджен). Не исключено, что это был один из основных путей, по которому лазурит попадал в Среднюю Азию. Торговые связи издревле существовали между Месопотамией и такими отдаленными странами, как Египет³³ и особенно Индия³⁴. Открытие древнего морского порта в Лотхале свидетельствует не только о сухопутных, но и об оживленных морских связях³⁵.

Как можно судить по другой шумерийской поэме, между Месопотамией и Араттой существовали и водные пути сообщения. В тексте этой поэмы, к сожалению, полностью еще неизданной, вновь повествуется о споре между Уруком и Араттой, однако теперь уже инициатором ссоры выступает правитель Аратты³⁶. Народ Аратты отказывается поддержать притязания своего правителя против Урука и лишь жрец Аратты Машмаш обещает свое содействие. В своей речи он хвастается перейти «реку Урук» (т. е. Евфрат), покорить все страны «от моря до гор» (всю Месопотамию) и вернуться в Аратту с тяжело нагруженными лодками³⁷.

Таким образом, археологические и исторические данные свидетельствуют о довольно оживленных сухопутных и водных связях между Месопотамией и Араттой³⁸.

Если обратиться к карте, то нетрудно заметить, что Бадахшан связывается густой сетью речных систем с другими странами Востока. Достаточно указать, что со стороны Афганистана в Аму-Дарью впадают реки Кокча (в Бадахшане), Кундуз, Балх. Крупнейшая р. Гильменд у своих истоков практически соприкасается с бассейном р. Инда и теряется в Сеистане: р. Кабул начинается от южных склонов Гиндукуша, проходит через ряд горных ущелий и выходит в Пешаверскую долину в Пакистане, где также впадает в Инд. Не являлась ли эта водная магистраль одним из путей, по которому лазурит спускался в устье и через Персидский залив попадал в Шумер?

Реки Аму-Дарья, Мургаб и Герируд (Теджен) связывают Северный Афганистан с древними среднеазиатскими областями. Очевидно, предпо-

лагаемая торговля лазуритом частично сушей, частично водными путями проходила через многие, порой отдаленные страны Древнего Востока. Что касается путей проникновения лазурита на поселения Южного Туркменистана, то находки лазуритовых украшений в геокюрском оазисе энеолитических поселений³⁹, в дельте древней р. Теджен, лишней раз указывают на Герируд-Теджен как главный путь лазуритового обмена в страны древнеземледельческого мира. Фактическое подтверждение этому дают и специальные определения лазуритовых украшений с геокюрских поселений, которые оказались изготовленными именно из бадахшанского лазурита⁴⁰.

Из древнеземледельческих оазисов на рубеже III—II тысячелетия до н. э. лазурит довольно широко распространяется еще дальше на север, о чем красноречиво свидетельствуют находки лазуритовых украшений в низовьях Заравшана (Заман — баба)⁴¹.

Резюмируя все вышесказанное, мы вправе ставить вопрос о существовании на Древнем Востоке горных племен, специализировавшихся на добыче лазуритовых минералов начиная уже с IV тысячелетия до н. э. Одно из наиболее крупных лазуритовых месторождений (а скорее единственное) располагалось на севере Афганистана, в районе Бадахшана, откуда это сырье распространялось опосредствованным путем (частью сушей, частью по воде) по другим странам Древнего Востока. Племена, занимавшиеся добычей лазурита, в порядке меновой торговли обменивали благородные металлы, поделочные камни и строительные материалы на сельскохозяйственные продукты. В результате этих экономических связей происходило взаимопроникновение культурных движений: часть горных племен спускалась в предгорья и переходила к земледельческому способу хозяйства. В свою очередь население равнин могло заимствовать от горных племен определенные технические достижения, как, например, навыки в обработке металлов и т. д. В III тысячелетии до н. э. объем лазуритовой торговли настолько возрос, что часть земледельческих племен основывает новые поселения (Мундигак и др.) или даже силой занимает старые поселения (Сналк), лежавшие на основных магистралах лазуритовой торговли.

³⁹ В. И. Сариниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ. ВЗ — 8, 1965, стр. 39.

⁴⁰ Определения любезно сделаны сотрудниками Минералогического музея АН СССР Ю. А. Орловым и В. В. Якубовой.

⁴¹ Я. Гулямов, У. Исламов, А. А. Аскарлов. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Ташкент, 1966, стр. 156. Единичные лазуритовые бусы отмечены здесь еще раньше, на рубеже IV—III тысячелетия до н. э. (Я. Гулямов и др. Указ. соч., стр. 63).

³² I. M. Casal. Указ. соч., стр. 103, 106—108, 240. Существует предположение, что поселение Мундигак, возможно, возникло именно в связи с лазуритовым обменом (В. М. Массон. Рец. на кн.: I. M. Casal. Fouilles de Mundigak. CA, 1964, № 4, стр. 241).

³³ H. Frankfort. Cylinder Seals. London, 1939, p. 197, 293; Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 131, 132.

³⁴ Э. Маккей. Указ. соч., стр. 131, 132.

³⁵ S. R. Rao. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. «Expedition», vol. 7, № 3, 1965, p. 30, 36.

³⁶ S. N. Kramer. From the Tablets of Sumer, p. 231—233.

³⁷ С. Крамер специально подчеркивает термин «лодки» (см.: S. N. Kramer. From the Tablets of Sumer, p. 232).

³⁸ И. Т. Канева (Указ. соч. ВДИ, 1964, № 3, стр. 248) делает даже вывод о морском пути, что впрямь до опубликования всей поэмы представляется преждевременным. С. М. Бациева формулирует этот вопрос более осторожно: «...Между Уруком и Араттой было, возможно, сообщение на лодках» (см.: С. М. Бациева. Указ. соч., стр. 208).

Ю. С. ГРИШИН

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙ ДОБЫЧЕ ОЛОВА
В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Одним из наиболее интересных и сложных вопросов древнейшей сибирской металлургии является вопрос о времени первоначальных разработок в Забайкалье оловянных месторождений, известных главным образом на р. Онон. Широкая известность Ононских оловянных месторождений привела некоторых исследователей сибирских древностей еще в прошлом веке к мысли о том, что они являлись основным источником снабжения оловом даже таких сравнительно отдаленных областей Сибири, как Минусинская котловина¹. Однако никаких аргументированных доводов не приводилось. Советские археологи впервые занялись конкретным изучением вопроса о древней добыче ононского олова. В 1934 г. в статье «К истории добычи олова на востоке СССР» Г. П. Сосновский рассматривает этот вопрос, привлекая известные в то время забайкальские материалы². На основании находок медно-бронзовых изделий в могилах карасукского времени, так называемых гробничных погребениях, нахождения этих могил в районах, богатых оловянной рудой (касситеритом) собственного бронзолитейного производства, карасукских металлических изделий (нахождение каменных литейных форм) высказывается предположение о добыче олова в Забайкалье в карасукское время (XIII—VIII вв. до н. э.). Хотя С. С. Черников высказал предположение, что разработки олова на Ононе существовали в XVII в., он не исключал возможности более древней его добычи³.

Спектральный анализ забайкальских медно-бронзовых изделий эпохи средней и поздней бронзы XIII—III вв. до н. э.⁴ дает уже сейчас некоторые основания для подтверждения правильности точки зрения Г. П. Сосновского.

Металлические изделия разделены на две группы: в таблице 1 представлены медно-бронзовые изделия из Западного Забайкалья, а в таблице 2 — из Восточного Забайкалья. Преобладающая их масса относится к карасукским типам (рис. 3).

Как видно из таблиц, восточнозабайкальские медно-бронзовые изделия (табл. 1), за исключением одного экземпляра, являются бронзовыми, содержащими от 3 до 10% олова. Состав же западнозабайкальских медно-бронзовых изделий (табл. 2) довольно разнообразен: наряду с двумя явно

¹ См.: Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, № 90, 1960, стр. 140.

² Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 1-2.

³ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 136.

⁴ Анализы производились в лаборатории химической технологии Ленинградского отделения института археологии И. В. Богдановой-Березовской.

бронзовыми изделиями, содержащими 4 и 6% олова, остальные три, судя по малому его количеству, являются практически медными. Может быть, это объясняется тем, что оловянные разработки известны были в древности только в Восточном Забайкалье. В XVII в. русскими рудоискателями были обнаружены древние «чудские» разработки оловянной руды⁵, что говорит о том, что здесь была местная сырьевая база для добычи олова.

Однако можно ли утверждать, что сплавы, из которых изготовлены забайкальские бронзовые изделия, являются искусственными? Известны

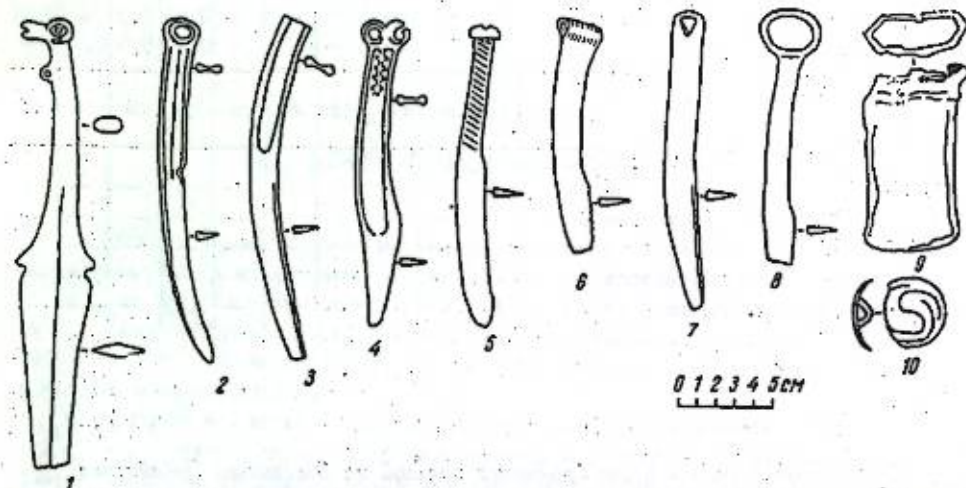

Рис. 3. Забайкальские медно-бронзовые изделия, подвергшиеся спектральному анализу

1 — кинжал из долины р. Онон близ с. Усть-Тулуутай; 2 — нож из долины Харгантай близ с. Усть-Ильа из р. Онон; 3, 7 — ножи из долины р. Онон; 4 — нож из района г. Нерченска; 5 — нож из долины р. Онон близ с. Усть-Тулуутай; 6, 8 — ножи из долины р. Хилок; 9 — наглет из долины р. Джиды у с. Ключи; 10 — пуговка из долины р. Онон близ с. Кукур

(хотя и очень редко и лишь в отдельных местностях) месторождения станнита — природного соединения меди с оловом, который при плавке дает естественную бронзу. Но, как правило, такие сплавы дают случайный состав бронзы, мало отвечающий практическим требованиям, предъявляемым к металлическим орудиям и оружию бронзового века. Хотя основную массу анализированных забайкальских бронзовых предметов составляют ножи, а другие изделия отмечены лишь единичными экземплярами, средний процент содержания олова в них представлен, как правило, в иных пропорциях. Процент олова в бронзовых ножах составляет от 3 до 6, в кинжале — 4, в мече — 7, а в орнаментированной пуговке, являющейся предметом украшения, — 10%. Следовательно, есть основания полагать, что забайкальские бронзовые изделия рассматриваемого времени изготовлялись из искусственных сплавов. Возникает однако вопрос, являются ли эти сплавы местными? В Забайкалье известны древние медные рудники и следы плавки медной руды на стоянках бронзового века⁶.

Некоторые косвенные данные указывают на возможность использования забайкальских, скорее всего наиболее богатых и легкодоступных Ононских, месторождений олова еще в карасукское время. Необходимы рекогносцировочные исследования на самих рудопроявлениях для выяснения вопроса о древних местных рудных разработках.

⁵ А. А. Кузин. История открытия рудных месторождений в России. М., 1963, стр. 193—196.

⁶ Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, стр. 8, 9; Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения Онона. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 87—89.

Таблица 1

Спектральный анализ медно-бронзовых изделий из Западного Забайкалья

Музей, инв. №	Наименование предмета, его № или № типа (на рис. 1)	Элементы										
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	
КМ, № 2506-1	Кельт 9	93	0,5	0,05	+	+	+	0,02	0,2	0,6	0,04	
ЧОМ, № 990	Нож типа 2	97	0,5	0,2	+	+	+	0,05	0,1	+	0,06	
ЧОМ, № 987	Нож 8	98	1,5	0,2	-	+	+	0,03	0,1	0,01	+	
ЧОМ, № 992	Нож типа 2	95	4	0,5	+	-	+	0,04	0,2	+	0,01	
ЧОМ, № 995	Нож 6	93	6	0,2	+	0,01	+	0,2	0,5	0,02	+	
		Ca	Mn	Si	Mg	Al	Au	Co	Ge	In	Ti	
КМ, № 2506-1	Кельт 9	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 990	Нож типа 2	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 987	Нож 8	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 992	Нож типа 2	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 995	Нож 6	+	-	+	+	+	-	0,02	-	-	-	

Таблица 2

Спектральный анализ медно-бронзовых изделий из Восточного Забайкалья

Музей, инв. №, вспелания	Наименование предмета, его № или № типа (на рис. 1)	Элементы										
		Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	
ЧОМ, № 1093	Нож 5	99	0,1	0,2	-	+	+	0,05	0,5	0,02	0,04	
ЧОМ, № 875	Нож 2	96	3	0,1	+	0,02	+	0,03	0,2	0,1	+	
ЧОМ, № 982	Нож 3	92	6	0,1	+	+	+	0,2	1	+	0,4	
ЧОМ, № 996	Нож типа 3	93	6	0,05	-	+	+	0,05	0,1	+	+	
МАЭ, 1959 г.	Нож типа 2	93	6	0,01	-	+	+	0,05	0,7	0,04	0,01	
ЧОМ, № 986	Нож 7	92	6	0,2	-	0,07	+	0,2	1,5	0,02	0,04	
НМ, б/н	Нож 4	96	3	0,01	+	-	+	-	-	0,4	+	
НМ, б/н	Нож типа 4	96	3	+	+	+	+	-	-	0,02	+	
ЧОМ, № 905	Кинжал 1	95	4	0,01	+	0,01	+	-	-	0,03	+	
СМ, № 53	Меч типа 1	92	7	0,01	+	+	+	-	-	+	+	
МАЭ, 1959 г.	Пуговица 10	80	10	9	-	0,02	+	0,3	0,1	0,01	0,04	
		Ca	Mn	Si	Mg	Al	Au	Co	Ge	In	Ti	
ЧОМ, № 1093	Нож 5	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 875	Нож 2	+	-	+	+	+	-	+	-	+	-	
ЧОМ, № 982	Нож 3	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 996	Нож типа 3	+	-	+	+	+	-	+	-	-	-	
МАЭ, 1959 г.	Нож типа 2	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	
ЧОМ, № 986	Нож 7	+	-	+	+	+	+	-	+	-	-	
НМ, б/н	Нож 4	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
НМ, б/н	Нож типа 4	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
ЧОМ, № 905	Кинжал 1	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	
СМ, № 53	Меч типа 1	+	-	+	+	+	-	-	+	-	-	
МАЭ, 1959 г.	Пуговица 10	+	-	+	+	+	-	+	-	-	-	

Е. Е. КУЗЬМИНА

КЛАД ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КАРАКОЛА

В 1884 г. профессором Казанского университета Н. В. Сорокиным в Семиречье были приобретены два клада бронзовых изделий, хранящиеся ныне в музее Антропологии МГУ. Один из них, происходящий из г. Каракол (ныне Пржевальск), включает копьевидное долото, два тесла и обломок ножа¹. Комплекс этот достаточно выразителен и заслуживает специального рассмотрения.

Входящий в состав клада из Каракола однолезвийный нож (рис. 4) имеет треугольное сечение лезвия. Концы и рукоять обломаны. Длина обломка 14,2 см, ширина лезвия 2,4 см. Нож отлит в односторонней форме. Лезвие проковано и зазубрено. Этот нож принадлежит к широко распространенному в эпоху бронзы типу однолезвийных пластинчатых ножей. Находки их очень многочисленны во всех областях Средней Азии, в том числе и в Семиречье². Однолезвийные пластинчатые ножи с прямым лезвием и без рукояти встречаются в евразийской степи, в памятниках всей второй половины II тысячелетия до н. э.; формы их довольно однообразны на обширной территории³, так что фрагмент ножа не может быть критерием ни при определении центра производства клада, ни при установлении возраста комплекса. Клиновидное тесло, входящее в Каракольский клад (рис. 4, 4), очень массивно. Сечение его овальное, пятка широкая, лезвие шире пятки, оно не расковано и не уплощено. Длина тесла 17 см, ширина лезвия 3,8, пятки 2, толщина 2 см. Предмет отлит в двусторонней форме — следы швов отчетливо заметны по бокам.

Близкие аналогии этому типу мне не известны не только в Семиречье, но и в других культурах Евразии.

Это примитивное по своей форме орудие могло употребляться и как тесло, и как топор; не исключено его использование в горном деле.

Входящее в состав клада из Каракола копьевидное долото (рис. 4, 3) имеет длинную утолщенную на конце коническую втулку диаметром 2 см, рабочая часть узкая, но массивная, конец обломан; сохранившаяся длина орудия 15,4 см. Аналогичные орудия представлены среди случайных находок в Казахстане⁴. Они обнаружены и в составе кладов Садовое⁵, Турк-

¹ Музей Антропологии МГУ, № 328, 1—4.² А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 106; А. И. Терещенко и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, XVI; Б. А. Литвинский. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 202 и сл.³ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4—9, 1966, стр. 44—49.⁴ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 80.⁵ А. Кибиров, П. Н. Кожемяко. Новые памятники эпохи бронзы. ТИИАЭ АН Киргизской ССР, вып. II, 1956, стр. 44—43, рис. 9; Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 27, табл. III, 7.

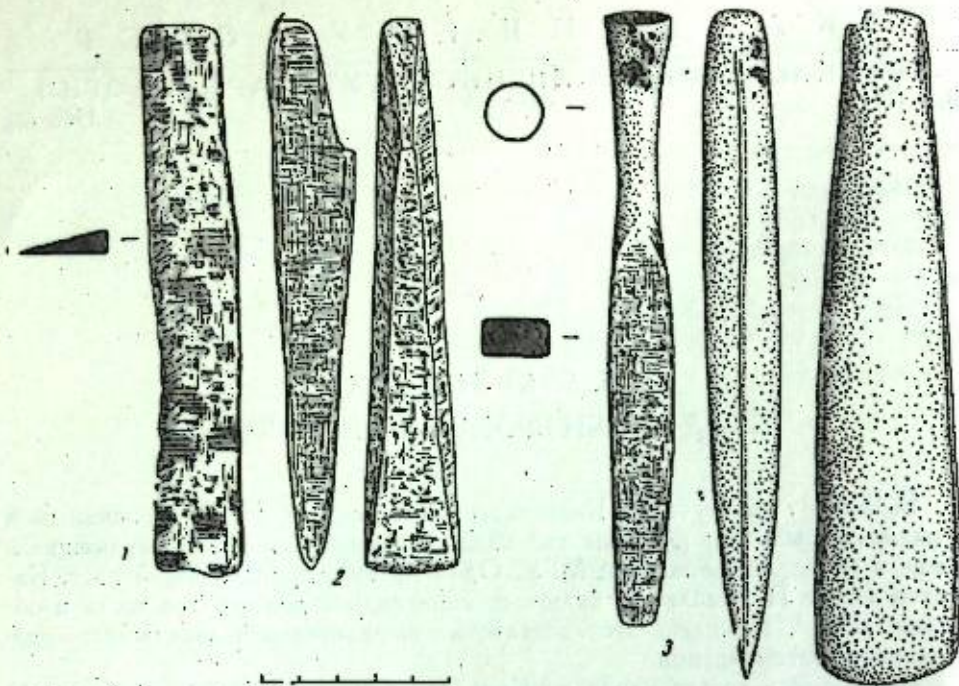

Рис. 4. Находки из Каракола
1 — нож; 2, 4 — тесла; 3 — долото

сиб⁶, Баландинский⁷, на поселении чуйской культуры Дальверзин в Фергане⁸ и на позднеандроновских поселениях в районе Степняка⁹.

Эти комплексы синхронизируются между собой по большому количеству встречающихся типов. Дата их определяется концом II — началом I тысячелетия до н. э.¹⁰ Копьевидные долота на территории от Западной Европы до Казахстана характерны для конца эпохи бронзы, и в памятниках железного века они уже больше не встречаются¹¹.

Таким образом, копьевидное долото из Каракола позволяет датировать клад концом эпохи бронзы. Эта дата подтверждается при изучении каракольского тесла с уступом. Длина тесла 14,4 см, в том числе рабочей части 11, ширина лезвия 2,6 см, ширина пятки 1,2; высота уступа 2,4 см. Тесло из Каракола встречает многочисленные соответствия в уже упоминавшихся комплексах из с. Садовое¹², Сукулука¹³, Алексеевского¹⁴, Камен-

⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Иля. Алма-Ата, 1963, рис. 83.

⁷ В. И. Мошникская. Баландинский клад бронзовых инструментов. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 145, рис. 61, 2.

⁸ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, стр. 31, табл. XXII, 5.

⁹ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, т. XV, 1951, рис. 2, 5.

¹⁰ Е. Е. Кузьмина. Хронология некоторых кладов Семиречья. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 106—110, табл. I.

¹¹ Исключение составляет Западная Сибирь, где этот тип представлен и в тагарских памятниках (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 151).

¹² А. Кибилов, П. Н. Кожемяко. Указ. соч., стр. 37, 38, рис. 1.

¹³ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. 1; Б. Зима. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. «Тр. Института истории, языка и литературы Киргизского филиала АН», вып. II, 1948, стр. 123, рис. 4.

¹⁴ И. И. Копылов. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. «Уч. зап. Казахского пединститута им. Абая», вып. XV, 1958, стр. 159, табл. III.

ное плато¹⁵, Сарыозек¹⁶, Баландинского¹⁷, с поселений в районе Степняка¹⁸ и среди случайных находок¹⁹. Из Киргизии, из окрестностей с. Александровское, происходит литейная матрица для отливки этих орудий²⁰. Взаимовстречаемость тесел и долот подтверждает синхронность клада из Каракола с другими кладами Семиречья позднебронзовой эпохи.

М. П. Грязнов отнес тесла с уступом к казахстанскому металлургическому очагу²¹, С. С. Черников — к группе орудий восточно-казахстанских форм²². Основная масса находок этого типа концентрируется в районе предгорий — от Семиречья до Алтая. В этом же районе распространены некоторые другие специфические типы металлических изделий: серпы с несомкнутой втулкой, кельты-лопатки и другие предметы, что позволяет выделить на территории евразийской степи особую металлургическую провинцию, включающую Семиречье и Восточный Казахстан²³.

Рудной базой Семиречья в конце эпохи бронзы могли служить медно-рудные месторождения в окрестностях Алма-Аты, древние выработки на которых обследовались И. В. Мушкетовым²⁴. Другим центром древней добычи меди была долина р. Чу²⁵. Древние горные выработки меди отмечены также на Киргизском хребте²⁶. Наконец, древние рудники были обследованы В. Т. Сургаем в окрестностях оз. Иссык-Куль²⁷. Что касается олова, то оно могло поступать из Восточного Казахстана²⁸. Не исключено также, что разработки месторождений касситерита на Центральном Тянь-Шане²⁹ также восходят еще к эпохе бронзы.

¹⁵ Д. Джусупов. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. ТИИАЭ Казахской ССР. Т. I. Археология, 1956, стр. 261—263, рис. 1.

¹⁶ ГИМ, инв. № 54322.

¹⁷ В. И. Мошникская. Указ. соч., рис. 61, 5.

¹⁸ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана, рис. 2, 10.

¹⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 164, табл. LXIV, 9; LXVII, 5; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, стр. 19, 20.

²⁰ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 98, табл. XXXVIII. Место находки указано неверно. См. отчет экспедиции по археологическому надзору на строительстве Большого Чуйского канала. Архив ЛОИА, ф. 35, 1941 г. Дневник Пасько.

²¹ М. П. Грязнов. Казахский очаг бронзовой культуры. «Казахи», III, Л., 1930, стр. 162.

²² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 83.

²³ Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, гл. II.

²⁴ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. II. СПб., 1906, стр. 35; он же. Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. ЗРГО, т. XXXIX. СПб., 1910, стр. 210.

²⁵ В. Э. Полярков. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам оз. Иссык-Куль. «Памятная книжка Семиреченского областного комитета, г. Верный», т. II, 1898, стр. 66; М. Е. Массон. Из результатов поездки в долину Талас для выяснения горной промышленности. «Бюллетень САГУ», 1930, № 2, стр. 35.

²⁶ А. Д. Каленов. Маршрутные поиски в районе Кетмень — Тюбе — Джамагол. «Записки Средней Азии», 1935, № 7, стр. 83.

²⁷ В. Т. Сургай. К истории горного промысла Киргизии. Фрунзе, 1951.

²⁸ Б. А. Аккерман. О казахских разработках олова эпохи бронзы. «Изв. АН Казахской ССР», 1948, № 46; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы», стр. 130, 131.

²⁹ Б. А. Литвинский. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1961, стр. 177.

В. И. ЦАЛКИН

ФАУНА ИЗ РАСКОПОК КАРА-КОРУМА

У подножия северо-восточных склонов Хангая, на правом берегу р. Орхона, в XIII—XIV вв. находился город Кара-Корум, столица монгольского государства Чингизидов. Раскопки этого археологического памятника были произведены в 1948—1949 гг. экспедицией Института археологии АН СССР, работавшей под руководством С. В. Киселева¹. Культурный слой Кара-Корума оказался очень богатым костными остатками животных. За два года раскопок удалось собрать около 20 тыс. костей, которые были доставлены для исследования в Москву. Из этого общего количества нами было определено 14 805 экз., что составляет около 76%.

Таблица 1

Видовой состав костных остатков

Вид	Количество костей	Минимальное количество особей
Крупный рогатый скот	873	84
Мелкий рогатый скот (овца и коза)	13383	1254
Лошадь	484	66
Верблюд	17	5
Собака	38	12
Кулан	10	4

Приведенные данные показывают, что определенные из раскопок Кара-Корума кости принадлежат всего семи видам животных. Очень характерно, что дикие виды представлены в исследованном материале только немногочисленными костями кулана. Именно почти полное отсутствие диких животных объясняет бедность видового состава, констатированного при изучении материала из раскопок Кара-Корума. Вместе с тем отмеченное обстоятельство служит весьма конкретным свидетельством крайней незначительности той роли, которую играла охота в хозяйственной жизни населения древней монгольской столицы.

Изучение имеющихся костных остатков открывает известную возможность получить представление об облике домашних животных и структуре их стада в древней Монголии. Насколько нам известно, попытка подобного рода предпринимается впервые. Обратимся к рассмотрению некоторых результатов изучения остатков по отдельным видам.

¹ С. В. Киселев. Древнемонгольские города. М., 1965.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ (ОВЦА И КОЗА)

Кости мелкого рогатого скота из раскопок Кара-Корума составляют почти 90% всех исследуемых костей и 88% минимального количества особей. В числе обнаруженных остатков имеется значительное количество фрагментов мозгового отдела черепа. Интересно, что все они (118 экз.), за одним лишь исключением, принадлежат овцам и происходят как от рогатых, так и от комолых экземпляров. Последние численно преобладают и на их долю приходится примерно 2/3 изученных фрагментов.

Сочетание комолых и рогатых особей характерно не только для древней, но и для современной монгольской грубошерстной овцы. Как сообщает Н. А. Долгушина², количественные соотношения между теми и другими неодинаковы в разных районах страны: местами встречаются почти исключительно комолые, местами преобладают рогатые. В южной части Хобдосского округа, где Н. А. Долгушина производила свои исследования, комолые особи составляли около 60% среди самок и около 25% среди самцов. Те же примерно соотношения наблюдаются и в материале из раскопок Кара-Корума.

Таблица 2

Остеометрическая характеристика метаподий овец

Признак	n	Lim	M	±m	σ	C
Пясть						
Длина кости, мм	30	125—158	140,00	1,37	7,50	5,4
Ширина верхнего конца, мм	21	23,5—30	26,17	0,32	1,48	5,7
Ширина нижнего конца, мм	23	26,5—32	29,08	0,29	1,38	4,7
Ширина диафиза наим., мм	22	14,1—19,2	16,68	0,28	1,20	7,4
Индекс 2:1	20	17,3—20,6	18,88	0,19	0,83	4,4
Индекс 3:1	22	19,5—22,1	20,93	0,17	0,78	3,7
Индекс 4:1	22	10,8—14,1	11,93	0,19	0,91	7,6
Плюсна						
Длина кости, мм	26	133—162	147,50	1,74	8,85	6,0
Ширина верхнего конца, мм	22	21,5—25	23,50	0,21	1,00	4,3
Ширина нижнего конца, мм	25	25,5—30	27,42	0,27	1,37	5,0
Ширина диафиза наим., мм	26	13—16	14,57	0,17	0,88	6,0
Индекс 2:1	22	14,9—18,1	16,08	0,19	0,92	5,7
Индекс 3:1	25	17,4—21,5	18,78	0,21	1,04	5,5
Индекс 4:1	26	8,8—11,4	9,89	0,11	0,56	5,7

Наиболее интересную часть костных остатков овец из раскопок Кара-Корума составляют относительно хорошо сохранившиеся метаподии, представленные 30 пястными и 26 плюсневыми костями. Свойственная метаподиям овец широкая изменчивость размеров и пропорций достаточно хорошо известна. Весьма наглядно проявляется она и у древних монгольских овец (табл. 2). Обращают на себя внимание прежде всего очень крупные размеры метаподий: длина пястей достигает 158, а плюсен — 162 мм. Метаподии подобной величины среди субфоссиальных овец (во всяком случае в Восточной Европе, которая в интересующем нас отношении лучше изучена) — яв-

² Н. А. Долгушина. Материал к изучению скотоводства на юге Бани-чиндомани-ула аймака Монгольской Народной Республики. Тр. Монгольской комиссии АН СССР, № 7, 1933.

1160725

Таблица 3

Сравнение размеров костей овец

Признак	Монгольская		Болгарская		Золотоордынская		M. diff.	
	Lim	M±m	Lim	M±m	Lim	M±m	монгольская-болгарская	монгольская-золотоордынская
	Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, мм	74—90	80,65±0,28	72—88	80,42±0,81	69—88	77,73±0,56	0,3
Ширина нижнего блока плечевой кости, мм	31—33	33,40±0,12	26—40	33,50±0,15	27—40	31,54±0,17	0,5	8,9
Длина плести, мм	125—158	140,00±1,37	118—161	140,40±0,93	110—161	133,70±1,41	0,2	3,2
Ширина нижнего конца плести, %	19,5—22,1	20,93±0,17	18,0—24,5	20,85±0,13	18,6—22,4	20,92±0,19	0,4	0,0
Ширина диафиза плести, %	10,8—14,1	11,93±0,19	9,9—14,3	11,02±0,09	9,6—12,3	11,16±0,13	1,5	3,3
Длина плюсны, мм	133—162	147,50±1,74	131—169	148,30±1,04	123—158	140,95±1,41	0,4	2,9
Ширина нижнего конца плюсны, %	17,4—21,5	18,73±0,21	17,0—21,1	18,85±0,12	17,4—19,9	18,67±0,15	0,3	0,5
Ширина диафиза плюсны, %	8,8—11,4	9,89±0,41	8,7—11,4	9,73±0,07	8,7—10,6	9,56±0,11	1,3	2,1

ление довольно редкое³. Однако не менее чем размеры общей длины характерны для метаподий овец из раскопок Кара-Корума их пропорции. Метаподии, особенно пястные кости древних монгольских овец, отличаются очень широким диафизом. Ширина этого последнего достигает 14,1% общей длины кости, тогда как максимальная величина этого признака у большинства субфоссильных овец Восточной Европы не превышает 12,3%.

Мы не будем приводить здесь более подробных данных о европейских субфоссильных овцах, имеющих в упомянутой выше статье. Заметим лишь, что, очень сильно отличаясь от лесной древнерусской, овца из Кара-Корума оказывается совершенно сходной с разводившейся населением Великого Болгара в Среднем Поволжье (табл. 3). Вполне вероятно, что в обоих этих случаях мы имеем дело с одной и той же породой овец. Вместе с тем подобно болгарской древнемонгольская овца отличается от золотоордынской.

Установленным нами средним размерам длины пястных и плюсовых костей древнемонгольской овцы соответствует высота в холке — примерно 68 см. Для большинства современных овец, разводившихся на территории Монголии, средняя высота в холке составляет от 62,1 до 67,7 см⁴. Цифры эти несколько ниже полученной нами. Но, оценивая это обстоятельство, следует иметь в виду, что упомянутые авторы приводят данные о росте только самок, тогда как высота в холке у баранов примерно на 5 см больше. В остатках же из раскопок Кара-Корума имеются, естественно, кости особой того и другого пола, что приводит к некоторому увеличению среднего роста животных. Кроме того, точность вычислений роста по костям конечностей всегда относительна. В действительности, по-видимому, древние и современные монгольские овцы были по росту очень близки.

Остеологические особенности разводившейся в настоящее время в Монгольской Народной Республике грубошерстной короткожирнохвостой овцы пока совершенно не изучены, и нет возможности сравнить ее в этом отношении с овцами из раскопок Кара-Корума. Создается, однако, впечатление, что это одна и та же порода овец, мало изменившаяся на протяжении веков.

В заключение надо отметить, что остатки овец принадлежат обычно взрослым особям. В пищу использовались, по-видимому, особи старше полтора-двух лет, что подтверждает и указ Угэдэя⁵, который обязывал арапов сдавать для ханского стола овец в двухлетнем возрасте.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ

Среди сравнительно немногочисленных костных остатков крупного рогатого скота имеются три довольно хорошо сохранившихся фрагмента мозговой коробки. Они непригодны для измерений, которые позволили бы характеризовать размеры черепа, но дают представление о таком важном структурном признаке, как форма междурожья. У всех трех экземпляров линия междурожья оказывается почти совершенно прямой. Вместе с тем, размеры костных стержней рогов, как показывают приведенные ниже цифры, невелики:

длина по большой кривизне (n-3)	216,7 (180—240) мм
обхват у основания (n-14)	177,1 (160—200) »

³ В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий у овец. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отд. биологии, 1961, № 5.

⁴ Я. Я. Лус. Овцы Монголии. В кн.: Я. Я. Лус и др. Домашние животные Монголии. Тр. Монгольской комиссии АН СССР, № 22, 1936 И. Ф. Шульженко. Животноводство Монгольской Народной Республики. Тр. Монгольской комиссии АН СССР, № 61, 1954.

⁵ С. А. Козин. Сокровенное сказание. «Монгольская хроника, 1240», т. 1. М.—Л., 1941.

большой диаметр у основания (п-14)	59,5 (54—66) мм
малый диаметр у основания (п-14)	51,2 (47—59) »
индекс массивности (п-3)	81,1 (74—91) %
индекс уплощенности (п-14)	86,2 (79—93) »

Одноименные кости подобных же абсолютных и относительных размеров очень обычны у субфоссильного скота, особенно средневекового. Это может быть сказано, впрочем, и об исследованных нами костях пограничного скелета. Так, сравнивая результаты относительно многочисленных измерений некоторых костей конечностей древнего монгольского скота с аналогичными данными по скоту Волжской Болгарии и Золотой Орды (табл. 4), мы легко убеждаемся, что все эти группы субфоссильного скота по размерам костей сходны между собой.

Таблица 4

Сравнение размеров костей крупного рогатого скота

Признак	Монгольский		Болгарский		Золотоордынский		M. diff	
	Lim	M±m	Lim	M±m	Lim	M±m	монгольский	болгарский
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	53—70	60,74±0,73	51—71	59,82±0,68	51—68	60,90±0,50	1,0	0,2
Длина пяточной кости, мм	122—146	134,30±1,29	115—151	128,48±1,59	115—152	136,62±1,07	2,8	0,9
Длина таранной кости, мм	55—73	64,40±0,51	51—73	62,88±0,36	52—74	63,54±0,37	2,4	1,4
Ширина нижнего конца пясти, мм	54—67	61,07±0,96	48—74	59,04±0,95	49—74	61,92±0,74	1,5	0,7
Ширина нижнего конца плюсны, мм	51—70	58,50±1,78	52—74	60,45±0,29	52—72	61,41±0,17	0,9	2,6

К сожалению, количество сохранившихся целыми метаподий ограничивается всего двумя пястями и четырьмя плюснами (табл. 5). На основании столь малочисленного материала нет возможности судить о структуре популяции. Но заслуживает внимания тот факт, что найденные кости распределяются поровну между коровами и быками. Возможно, это указывает на высокий процент последних в стаде, связанный, вероятно, с широким использованием быков для транспортных целей.

Таблица 5

Размеры метаподий крупного рогатого скота

Название кости	Общая длина	Индекс ширины верхнего конца	Индекс ширины нижнего конца	Индекс ширины диафиза	Пол
Пясть	190	32,1	33,2	17,9	Корова
»	192	32,8	34,4	19,3	Бык
Плюсна	213	23,9	29,1	15,0	»
»	231	—	28,6	14,7	»
»	218	21,1	—	12,8	Корова
»	199	22,1	25,1	12,1	»

Определение на основании длины сохранившихся метаподий роста животных в холке⁶ показывает, что у коров он варьировал в пределах от 106 до 116, в среднем 112 см, у быков, соответственно, 118—129, в среднем 122 см. По данным И. Ф. Шульженко, средние размеры высоты в холке колеблются у взрослых коров по различным районам Монголии от 108 до 114 см. Таким образом, полученные нами данные определения роста у коров древней Монголии очень близки к приведенным в литературе для современного монгольского скота. Примерно такую же высоту в холке имеют и быки. По-видимому, в исследованных нами остатках сохранились метаподии только крупных быков и вычисленный на основании их рост даст преувеличенные данные, вряд ли характерные для основной массы поголовья.

Среди субфоссильных популяций крупного рогатого скота примерно такие же размеры высоты в холке имеет скот из раскопок археологических памятников Волжской Болгарии и Золотой Орды.

ЛОШАДЬ

Кости лошадей встречены во всех слоях Кара-Корума, но они немногочисленны и значительно уступают в этом отношении не только овцам, но и крупному рогатому скоту. Подобно костям ранее рассмотренных видов, они в преобладающем большинстве случаев сильно разрушены, что связано с использованием мяса животных в пищу. Исключение составляют лишь очень немногие экземпляры метаподий, пяточные и таранные кости, фаланги пальцев.

Полученный из раскопок Кара-Корума материал для изучения лошадей древней Монголии незначителен. Анализ произведенных измерений костей конечностей устанавливает, что размеры их у древнемонгольской и золотоордынской лошади довольно близки. Судя по длине трех сохранившихся пястных и одной плюсневой кости, лошади из Кара-Корума должны быть отнесены к числу так называемых малорослых, имеющих высоту в холке в пределах 128—136 см. Таков же примерно рост лошадей и в современной Монголии.

ВЕРБЛЮД

Кости верблюда редки и найдены лишь в немногих слоях памятника. Всего определено 17 костей минимум от пяти особей, из которых одна — молодая. Все они принадлежат, по-видимому, животным, использованным в пищу. За исключением зубов и нескольких фаланг пальцев, кости сильно разрушены и для измерений непригодны.

СОБАКА

В культурном слое Кара-Корума кости собак редки. Общее количество найденных экземпляров ограничивается всего 38, происходящими минимально от 12 особей. На общем фоне костных остатков из раскопок упомянутого памятника кости собак резко выделяются своей хорошей сохранностью. Среди них преобладают не только лишенные повреждений длинные трубчатые кости конечностей, но и целые черепа. Все это ясно указывает, что население столицы древней Монголии мясо собак в пищу не использовало.

Костные остатки животных, изученные из раскопок Кара-Корума, позволяют судить не только о физическом облике домашних животных, но и получить известное представление о хозяйственной жизни населения древней Монголии.

⁶ В. И. Цалкин. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности. «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии», 1960, № 1.

В свете показаний древних арабских и монгольских источников⁷, монгольские племена XII в. разделялись на лесные, или звероловные, и степные, или скотоводческие. Первые жили у оз. Байкал, в верховьях Енисея и по Иртышу, вторые кочевали по степям и горным пастбищам от района оз. Кулуи-Буир до западных отрогов Алтайских гор.

Лесные племена, как сообщает Б. Я. Владимирцов, занимались не только охотой на диких животных, но и приручали их, особенно «марала-изюбра и косую, мясом и молоком которой они питались». Достоверность этого сообщения вызывает самые серьезные сомнения. Приручение маралов и изюбрей и разведение их в условиях неволи дело лишь очень недавнего прошлого, вряд ли ранее середины XIX в.

Таблица 6

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей

	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Верблюд
Кара-Корум, XIV в.	6,0	89,0	4,7	0,3
Современная Монголия (по И. Ф. Шульженко)	5,7	95,1	6,5	2,7
Алтайский район	4,5	78,7	9,2	7,6
Гобийский »	13,0	74,7	11,1	1,2
Хангайский »	11,7	72,6	12,8	2,9
Восточный »				

Что же касается приручения косули в сколько-нибудь широких масштабах и тем более использования ее для молока, то об этом вовсе ничего не известно. По-видимому, здесь ошибочно переведены на русский язык названия животных, упоминающихся в древних литературных источниках. И. Н. Березин, например, переводит те же названия животных, как «горный бык» и сайга. Можно предположить, что под всеми этими названиями скрываются в действительности як и северный олень — виды домашних животных, в настоящее время разводящиеся в ряде районов Монголии и Южной Сибири, но вовсе не отмечающиеся, если судить по И. Н. Березину и Б. Я. Владимирцову, в древних литературных источниках.

Видовой состав костных остатков из раскопок Кара-Корума, среди которых почти полностью отсутствуют дикие животные, показывает со всей очевидностью, что это памятник именно скотоводческого населения, основной экономической жизни которого было разведение крупного рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов.

Рассматривая соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в остатках из раскопок Кара-Корума, легко убедиться в огромном численном преобладании овец над всеми остальными видами. Овцы, несомненно, составляли важнейшую основу животноводства древней Монголии и были наиболее значительным источником мясной пищи. Крупный рогатый скот и лошадь представлены в остатках из Кара-Корума близким процентом особей. Последнее по численности место принадлежало верблюду.

Совершенно аналогичная структура стада, как показывают приводимые И. Ф. Шульженко статистические данные, и в современной Монголии (табл. 6). Особенно близкими оказываются цифры Кара-Корума и Алтайского горностепного района Монгольской Народной Республики, включаю-

щего Гоби-Алтайский, Хобдосский, Убсанурский и Боян-Ульгейский аймаки.

Обращают, однако, на себя внимание и некоторые черты различия. Они касаются главным образом количества коз. По И. Ф. Шульженко, эти последние хотя и уступают овцам, но все же достаточно многочисленны, составляя примерно от 20 до 35% поголовья мелкого рогатого скота, тогда как в Кара-Коруме их едва ли больше 3—5%. По-видимому, увеличение количества коз в местном животноводстве произошло позднее. Может быть отмечен также значительно меньший процент верблюдов в остатках из Кара-Корума, но, оценивая это обстоятельство, следует, вероятно, иметь в виду тот факт, что мы сравниваем между собой данные изучения состава пищевых остатков с данными, полученными при непосредственном учете поголовья животных. Вполне возможно, что в древней Монголии, как и в современной, использование верблюдов в пищу имело очень ограниченное распространение, а обнаруженный процент их в костных остатках несколько меньше процента в поголовье стада домашних животных.

При всех этих обстоятельствах достаточно очевидно, что формы животноводства монголов сложились уже в глубокой древности и за истекшие со времен существования Кара-Корума шесть столетий претерпели лишь сравнительно незначительные изменения.

⁷ И. Н. Березин. Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Тр. Восточного отделения Русского археологического общества, ч. 5, 1858; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934; С. А. Козин. Указ. соч.

А. А. ГАВРИЛОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ
ПЕРИОДА ГОСПОДСТВА КЫРГЫЗОВ

О богатстве кыргызской знати свидетельствуют не только письменные источники¹, но и обилие столовой посуды из серебра, известной по раскопкам Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева на кыргызском Чаа-гаче у с. Копены (1939—1940 гг.)². Подобные находки обнаружены в 1964 г. Красноярской археологической экспедицией ЛОИА, руководимой М. П. Грязновым. К ним относятся: серебряная чарка с золочеными рисунками и уйгурской надписью, бронзовая чаша с циркульным орнаментом на внутренней стороне (примесь белого металла делает ее похожей на серебряную) и тисненные серебряные бляшки, украшавшие пояс.

Эти интересные вещи найдены при раскопках могильника Над Поляной на северном склоне Афанасьевой горы, близ с. Батени, на левом берегу Енисея, на 140 км севернее г. Абакана. Беспорядочное скопление камней привели М. П. Грязнова к предположению, что здесь были богатые могилы поздних кочевников с характерными для них небольшими каменными насыпями, разграбленные в древности. Раскопками это предположение подтвердилось. Площадь четырех больших раскопов и пятого контрольного (всего около 500 м²) занимал разрушенный могильник, состоявший из двух групп, расположенных на расстоянии около 30 м одна от другой и отличающихся обрядом погребения. В группе из 15 могил погребения были совершены по обряду трупоположения, в группе из четырех могил — по обряду трупосожжения.

В могилах с трупоположением глубиной от 0,30 до 1,10 м под небольшими каменными насыпями, большей частью разрушенными, погребены лишь старики (4 могилы) и дети (11 могил). С одним из стариков положен ребенок (могила 3), с подростком — младенец (могила 9). Трое погребены с конями: старик — с одним (могила 12), старуха — с двумя (могила 13), подросток — с жеребенком (могила 6); во многих погребениях — кости барана. Большая часть могил сильно потревожена и разграблена. Поэтому ориентировка установлена лишь для некоторых погребенных: трое были положены головой на северо-запад (могилы 1, 2, 15); трое — на восток (могилы 8, 12, 13), один на юго-восток (могила 5), один — на север (могила 7) и один — на запад (могила 14). Лишь две могилы (1 и 15) сохранившиеся полностью, дают возможность установить время их сооружения. Приводим их описание.

Могила 1. Задернованная каменная насыпь размерами 2,5 × 1,5 м. Под нею могильная яма размерами 1,7 × 0,80 м, глубиной 0,70 м. В яме находился скелет юноши 14—15 лет, положенного на спине головой на

северо-запад. Голова и слегка согнутые ноги повернуты вправо. Около головы справа поставлены три глиняных сосуда: кыргызский кувшин высотой 17 см с поперечными и продольными полосами, заполненными оттисками четырехгранной палочки, горшок баночной формы с четырьмя выступами на венчике и горшочек очень плохого обжига. Между сосудами и правым плечом сохранились кости барана: ребра, хвостовые и бедренная.

Могила 15. Под незначительным скоплением камней находилась могильная яма глубиной 0,75 м. В яме — скелет подростка семи лет, положенного на правом боку, головой на северо-запад. Ноги слегка согнуты, левая рука лежит на туловище, правая отведена вправо. В засыпи могилы попадались кальцинированные кости и кусочки золотой фольги, из них — один круглый с неясным орнаментом. Между правым предплечьем и ребрами лежала бронзовая полая пуговица, между кистью правой руки и левым бедром, на поясе и под тазом — серебряные тисненные украшения от пояса взрослого человека. Сохранились: 1 большая концевая бляха от ремня (рис. 5, 1), 3 малые концевые от подвесных ремешков (рис. 5, 2), 8 блях-оправ для продевания подвесных ремешков (рис. 5, 3), 3 фигурные бляшки средних размеров (рис. 5, 4) и 24 мелкие фигурные бляшки (рис. 5, 5).

На кыргызское время сооружения могильника указывает кувшин, типичный для кыргызских могил, отличающийся лишь меньшими размерами. Труднее судить о времени изготовления серебряного пояса. Бляхи-оправы для подвесных ремешков появляются не ранее VII—VIII вв., но длительность их бытования при датировке обычно не учитывается. Между тем подобные бляхи мы находим на уйгурских поясах, изображенных на росписи ханского дворца в Идикутшари и отличающихся от известных нам поясов VII—VIII вв. тем, что бляхи-оправы утратили на них свое практическое назначение и применены лишь в декоративных целях³. Исходя из того, что и на найденном нами поясе количество блях-оправ значительно превышает количество остатков подвесных ремешков, можно предполагать, что пояс изготовлен не ранее IX в. — в период, когда после разгрома уйгуров кыргызами в 840 г. возникло Уйгурское княжество в Турфане. Обитавшие там уйгуры носили пояса, отличающиеся от бытовавших в VII—VIII вв. ранних поясов с продетыми через бляхи-оправы подвесными ремешками. Поэтому ранние бляхи-оправы делались прочными, литыми, а поздние могли быть и тиснеными. Не исключена возможность, что единичные подвесные ремешки на поясе из могилы 15 не продевались, а пришивались к ремню, как на некоторых поясах из могильника Сростки I.

В могилах с трупосожжениями глубиной 40—60 см находились остатки пепла с кальцинированными костями человека (зубы, нижняя челюсть), необожженные кости животных и немногочисленные отдельные предметы: серебряные обоймы — три малые и обломок большой (могила 16), остатки железного ножа (могила 17) и бронзовая чаша в виде пиалы, украшенная внутри циркульным орнаментом (могила 18). Серебряные обоймы бляшки к медным обоймам на бортике деревянной чашечки, найденной С. А. Теплоуховым в могиле с конем, раскопанной в 1924 г. на пристани близ с. Батени, т. е. в непосредственной близости от могильника Над Поляной. Эта могила отнесена С. А. Теплоуховым к VII в., но в ней же найдена медная бляха-оправа, не литая, а тисненная⁴, что не исключает ее датировку более поздним временем. Определеннее датирует могильник чаша с циркульным орнаментом внутри (рис. 5, 6). Подобные чаши, как сообщил Б. И. Маршак, имеются среди металлических мусульманских изделий IX—X вв.⁵

³ A. Crünwedel. *Alt buddhistische Kultstätten in Chinesisch—Turkistan*. Berlin, 1912. Fig. 666.

⁴ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, 1929, табл. II, 34, 37.

⁵ R. Ettinghausen. The «Wade Cup» in the Cleveland Museum of Art, its Origin and Decorations. *«Ars Orientalis»*, II, 1957, tabl. 6, 15—17.

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, I, I. М.—Л., 1952, стр. 102.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 601—603.

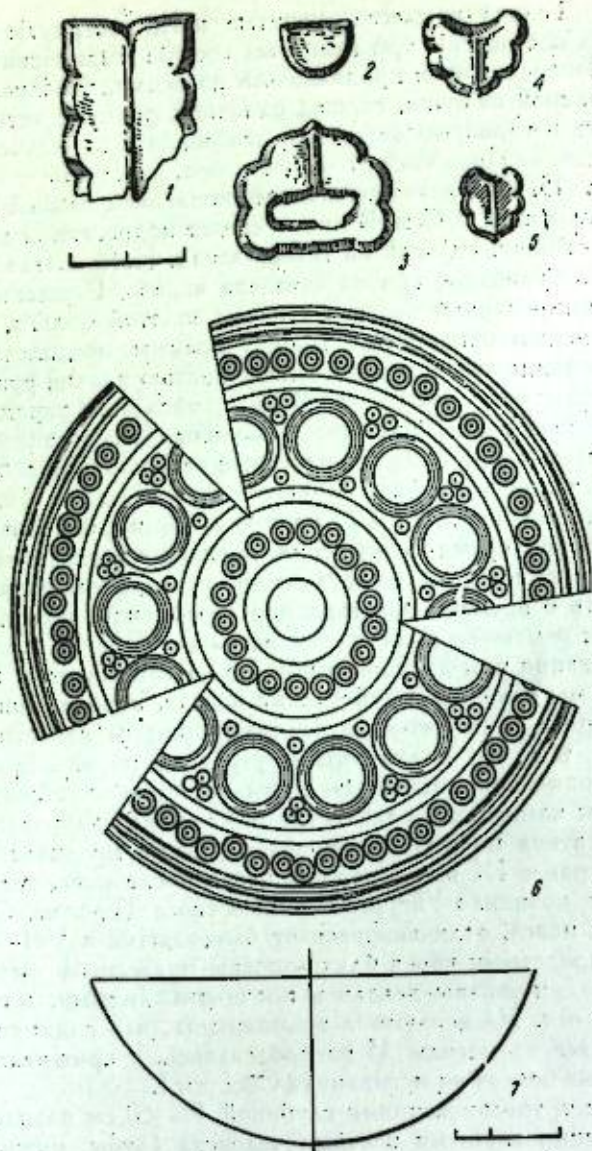

Рис. 5. Серебряные украшения пояса и бронзовая чаша

1—5 — украшения пояса; 1 — концевая бляха ремня; 2 — концевая бляха подвешенного ремешка; 3 — бляха-оправа для продевания ремешка; 4—5 — фигурные бляшки; 6—7 — чаша с циркулярным орнаментом; 6 — орнамент внутри чаши (развертка); 7 — профиль чаши

Наиболее интересная находка — серебряная чарка с уйгурской надписью на поддоне, позолоченная в местах нанесения рисунка (рис. 6, 1). Она найдена в 5 м от описанных могил с трупосожжением, на глубине около 0,40 м. По всей вероятности, она была потеряна грабителями или выкинута ими из могилы в коме земли, возможно, из могилы с трупосожжением. Чарка высотой 6 см — восьмигранная, вытиснена по металлической форме из листа дерева. При тиснении на дне чарки образовалась трещина. К дну чарки припаян расширяющийся книзу округлый поддон. Там, где кусочки припоя не распаялись, остались щели между основанием чарки и верхом поддона. Грани и верх чарки рубчатые. Верхняя рубчатая полая трубочка сделана отдельно и припаяна снаружи и изнутри. Припаяна и отдельно сделанная ручка, изготовленная из узкой полоски серебра. Возможно, она была круг-

Рис. 6. Серебряная позолоченная чарка с уйгурской надписью
1 — вид чарки; 2 — украшение пластины на ручке чарки

лой, но отломилась, а края изломов заглажены. Осталась неповрежденной лишь горизонтальная накладка на верхнюю часть ручки, украшенная изображением бабочки или пчелы (рис. 6, 2).

Орнаменты и рисунки выполнены тремя приемами: тиснением, резьбой и чеканом. Изображение бабочки или пчелы наиболее близко к изображениям на бляшках из курганов у с. Курай на Алтае⁶, относящимся к VII—VIII вв., но другие орнаменты и рисунки близки к рисункам позднего танского периода в Китае, хотя по исполнению они отличаются от китайских.

Так, выполненный резцом на нижней части поддона орнамент в виде плотно прилегающих друг к другу лепестков совпадает с позднеанским⁷, а остальные рисунки близки к китайским только по сюжетам. В этом убеждают нас четыре пары рисунков на восьми гранях чарки, причем каждая пара состоит из одинаковых рисунков, но расположенных зеркально. На первой паре изображен феникс с приподнятыми крыльями и с поднятым хвостом в виде одного довольно тонкого пера (рис. 7, 1). Феникс с перообразным хвостом известен на позднеанских изделиях, но он всегда изображался с лапами, тогда как публикуемые нами фениксы — без лап. Кроме того, феникс в танский период считался птицей, приносящей счастье в браке, в связи с чем изображали самца и самку⁸; здесь же изображен только самец с его отличительным признаком — гребешком.

На второй паре рисунков изображен зверь с львиными лапами и широким хвостом; очертания стерлись (рис. 7, 2). Возможно, был представлен широкохвостый лев; такие львы изображались на танских изделиях в Китае, но уже доказано их западноазиатское происхождение⁹. На третьей паре рисунков — бегущий зверь, похожий на лисицу (рис. 7, 3), известный в искусстве танского Китая. И, наконец, на четвертой паре рисунков — две лани. Из них одна повернула голову назад и смотрит на лань, идущую вслед за ней (рис. 7, 4). Как известно, самец и самка ланей изображались парами на свадебных китайских зеркалах, но в этой паре — две самки, без рогов. Приведенные позднеанские аналогии позволяют отнести чарку к концу IX — началу X в.

Где чарка изготовлена? Граненые чарки бытовали в Турфане. Их изображения встречаются в упомянутой живописи Идикутшари¹⁰, относимой к IX в. Подобные согдийские глиняные чарки известны в Средней Азии в VIII или даже IX в.¹¹ Некоторое сходство рисунков на чарке с китайскими еще не означает, что они были выполнены в Китае. Вероятнее искать их мастера там, где встречались и сплетались связи китайские и среднеазиатские и где те и другие были достаточно сильны. Одним из таких мест был Турфан с основным в нем в изучаемое время Уйгурским княжеством¹², в искусстве которого китайское влияние уже отмечалось¹³. Турфанское происхождение чарки может объяснить определенное подражание некоторым китайским сюжетам и вместе с тем иную манеру их исполнения. Важным элементом публикуемой чарки является уйгурская надпись¹⁴.

Остается выяснить вопрос, кому принадлежали описанные металлические изделия. Известно, что в указанный период по обряду трупосожжения хоронили кыргызы. Чаша найдена в могиле с трупосожжением, а если вер-

⁶ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. L, 12.

⁷ B. Sullensvärd. Tang gold and silver. Stockholm, 1957, fig. 81a, p. 135.

⁸ Там же, стр. 100.

⁹ Там же, стр. 119.

¹⁰ Там же, рис. 665.

¹¹ Б. И. Маршак. Влияние тюркитки на согдийскую керамику VII—VIII вв. ТГЭ, V, 6, Л., 1961, стр. 197.

¹² А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв. ТОВ, IV, 1947, стр. 425.

¹³ Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 198.

¹⁴ А. М. Щербак. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над Поляной (см. настоящий сборник, стр. 31—33).

Рис. 7. Серебряная позолоченная чарка; рисунки на гранях:

1 — феникс; 2 — лев (?); 3 — лисица; 4 — лани

но наше предположение, что чарка была выкинута грабителями из могилы с трупосожжением, то оба металлических сосуда можно считать принадлежащими кыргызской знати.

Кому же принадлежит серебряный пояс, находившийся в могиле с трупосожжением? Относительно таких могил существует два мнения. Открытые С. А. Теплоуховым на Енисее отдельно расположенные могилы чело- века с конем он считал погребениями проникших туда алтайских тюрков¹⁵. Л. А. Евтюхова и вслед за ней другие исследователи, исходя из наличия могил с трупосожжением и трупоположением в одних и тех же могильниках и более поздней даты последних, заключили, что кыргызы перешли от трупосожжения к трупоположению¹⁶. На описанном могильнике хоронили, как показано выше, одновременно по разному обряду. Это позволяет считать, что ближе к истине был С. А. Теплоухов. В то время как в могилах с трупосожжением хоронили кыргызы, могилы с трупоположением могли принадлежать другим енисейским племенам, близким к алтайским и находившимся в подчинении у кыргызов.

¹⁵ С. А. Теплоухов. Указ. соч., стр. 55.

¹⁶ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

А. М. ЩЕРБАК

ДРЕВНЕУЙГУРСКАЯ НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАРКЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА НАД ПОЛЯНОЙ

Известно большое количество серебряных сосудов с греческими, арамейскими, среднеперсидскими, согдийскими, хорезмийскими и древнетюркскими руническими надписями¹. Серебряный сосуд с древнеуйгурскими письменами, насколько нам известно, найден впервые.

Надпись на сосуде нанесена по окружности поддона и состоит из 32 знаков (рис. 8, 1—4). Можно предположить, что начало надписи находится на границе с тем местом, где два знака имеют вертикальную ориентацию: двухъярусное расположение знаков обусловлено, по-видимому, недостатком места для последнего слова.

С палеографической точки зрения рассматриваемая надпись относится к раннему типу уйгурской письменности, хотя по характеру начертаний отдельных букв она заметно отличается от уланкомской надписи².

Надпись состоит из семи слов (рис. 9), которые в так называемой радловской транскрипции можно передать следующим образом: *jalın jamuḅ tutuḅ mǎn tolıt (?) bultuḅ kutuḅ*.

Первое слово — отглагольное имя, образованное от основы *jal*, 'вспыхивать, воспламеняться, сверкать' (см. МК, III 63), ср. также: *jaldra* 'сверкать' (МК, III 437), *jaldruk* 'блестящий, сверкающий' (МК III 432), *jalčik* 'луна' (QBN, 22₁₀) *jalın* 'пламя' (МК, III 23), *jalđız* 'позолоченный' (РСА, III 183, «тур.»). *Jalın* в значении «пламенный, сверкающий» не зафиксировано ни в одном из древних текстов. Тем не менее такое значение вполне допустимо, и мы переводим *jalın* именно так, учитывая наличие после него другого имени. Какое-либо иное чтение первого слова, например с гласным в начале, является маловероятным из-за отсутствия «алифа».

Jamuḅ — древняя форма винительного падежа от среднеперсидского или согдийского *yāt* (*y't*), *yātak* (*y'tak*) 'чаша, сосуд', ср. персидское *jāt*. Это слово встречается на серебряных чашах из городищ Мунчак-тепе (Фергана)³ и Чилек I (Самаркандская область)⁴.

Tutuḅ — деепричастие от глагола *tut* 'держаться'.

¹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. СПб., 1909.

² А. М. Щербак. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. ЭВ, XIV, М.—Л., 1961, стр. 23—25.

³ В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, № 1, стр. 161, 162.

⁴ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, 1964, № 3, стр. 168, 173.

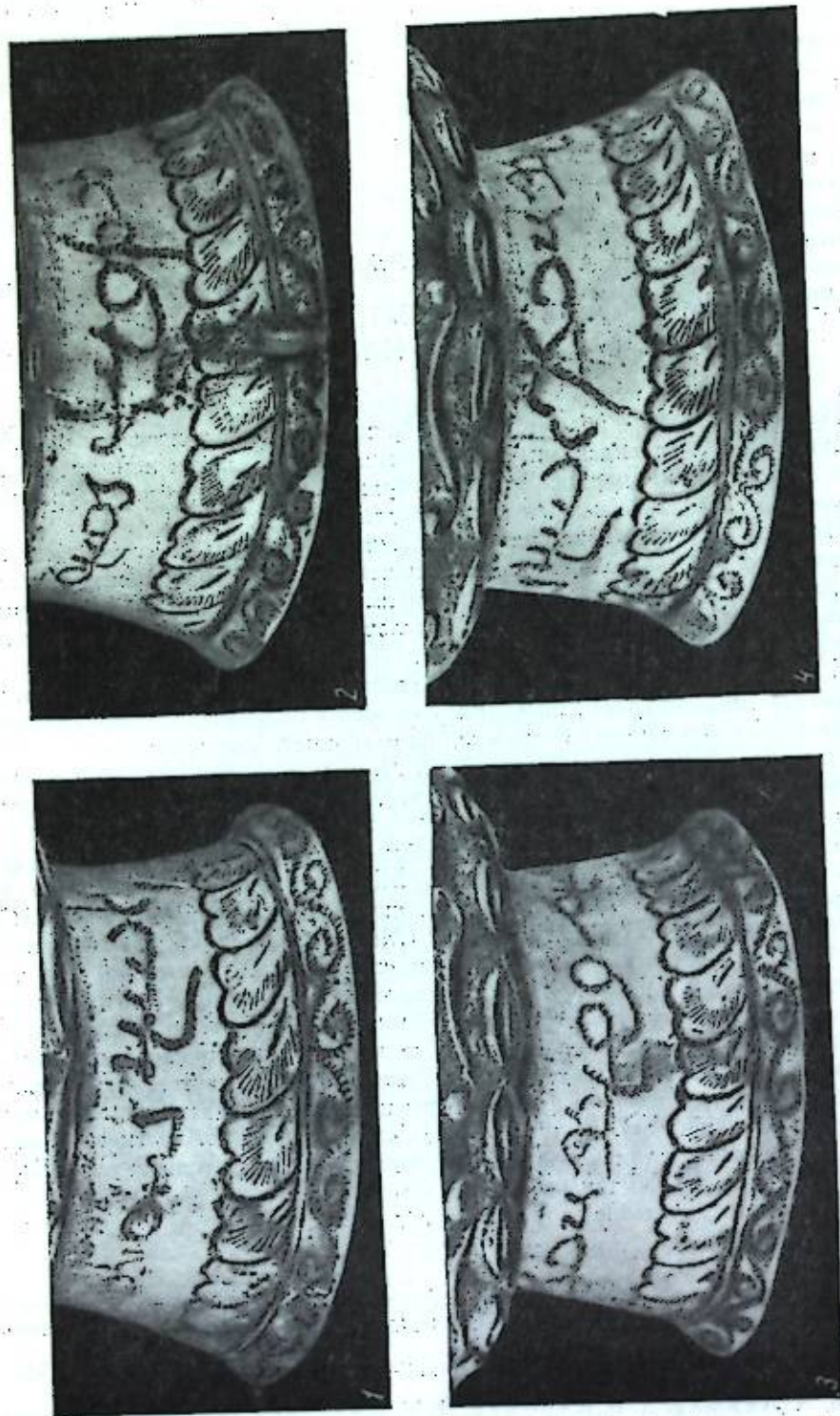

Рис. 8. Чарка с древнеуйгурской надписью, часть поддона
1, 2 — начало надписи; 3—4 — конец надписи

Слово *mān* 'я' мы читаем без достаточной уверенности, так же как и следующее за ним слово *tolīt*. Особого внимания заслуживает последнее из них. *Tolīt* выписано довольно четко, поэтому возможность какой-либо другой интерпретации его написания до предела ограничена. Остается предположить, что в данном случае выступает отглагольное имя на *t*, образованное от основы *tol* 'наполняться'. Другие случаи употребления рассматриваемого слова нам неизвестны.

Бул 'находить, обретать'; *кут* 'счастье'. Такого рода сочетания нередко встречаются в письменных памятниках (см. QBN, 129², 185¹², 197⁶, 198⁹,

Рис. 9. Графическое воспроизведение древнеуйгурской надписи на поддоне чарки

Рис. 9. Графическое воспроизведение древнеуйгурской надписи на поддоне чарки

254³, 254⁶, 300¹⁰, 311¹³). Слово *кут* оформлено древним аффиксом винительного падежа — *-у5*.

Учитывая приведенные выше значения отдельных слов, можно предложить следующий перевод надписи: «Держа сверкающую чашу, я сполна (или: я, Толыт) обрел счастье».

Примечательно, что расположение слов в конце фразы является несколько необычным: дополнение выступает после сказуемого. Поскольку различные инверсии наблюдаются преимущественно в поэтических текстах, можно допустить возможность использования в надписи стиха. Однако первые попытки выявить какую-либо конкретную поэтическую форму не увенчались успехом.

Надпись на серебряной чаше датируется весьма приблизительно. Нижний предел — VIII в., так как нет данных, свидетельствующих о возможности использования тюрками уйгурского письма в более ранний период. Верхний предел — XI в. На эту дату позволяет указать наличие в надписи формы винительного падежа на *-у5*, исчезнувшей, по-видимому, не позднее XI в.

Наиболее вероятным местом составления надписи является Средняя Азия. Характерно, что в согдийских надписях на сосудах и монетах нередко встречаются тюркские слова — названия должностных лиц, титулы, ср. *tkun* = *tegin* «принц», *δšcy* (?) = *idišci* «виночерпий»⁵. Смешение тюркского и иранского населения в указанный выше период имело уже значительные размеры, так что языковые контакты носили вполне регулярный и устойчивый характер. Именно этим обстоятельством можно объяснить наличие в уйгурской надписи согдийского или среднеперсидского слова *jat* «чаша».

Тюркско-согдийские отношения представляют большой научный интерес в нескольких аспектах и прежде всего в лингвистическом и историко-культурном. Мы имеем в виду проблему ранних заимствований из согдийского языка и целый круг вопросов, связанных с происхождением уйгурской письменности. Названная тема ждет специального исследования, важность и своевременность которого трудно переоценить.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемое чтение является предварительным. Не исключена возможность иного чтения отдельных слов надписи. Это создаст необходимые предпосылки для выявления окончательного текста.

⁵ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Указ. соч., стр. 173.

В. И. РАСПОПОВА

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ В СОГДЕ

Среди археологических находок из Средней Азии в настоящее время известен ряд, правда малочисленный, предметов византийского происхождения. Взаимоотношения Средней Азии с Византией сравнительно мало отразились в археологическом материале¹. Этим определяется ценность небольшой группы поясных пряжек из Согды (три экземпляра и один оттиск пряжки на обломке сосуда), представляющих собой изделия византийского ремесла.

Наиболее характерна пряжка, найденная на поверхности городища Варахша (рис. 10)². Рамка с язычком у нее не сохранилась. Конечный щиток округлый, с характерным выступом-«бородкой»; в верхней части щиток имеет боковые выступы. К рамке щиток прикреплялся с помощью шарнира из двух петель. На нижней стороне пряжки имелись три петельки для крепления на ремне. Щиток орнаментирован в верхней части у краев двумя углубленными миналевидной формы, основное овальное поле выделено прорезанной линией. На нем по сторонам оси пряжки симметрично нанесены два S-видных завитка, между концами завитков — по три небольших ямки.

Форма эта характерна для византийских пряжек, типологическая классификация которых была предложена в 1954—1955 гг. независимо друг от друга Д. Чалланем и Й. Вернером³. «Бородки» появляются на византийских пряжках во второй половине VI в. и почти не встречаются на пряжках не византийского происхождения⁴. Прикрепление пряжки к ремню петлями, которые проходили сквозь ремень и в которые продевались шнуры, фиксировавшие положение пряжек, — очень характерно для византийских пряжек. Варахшинскую пряжку можно отнести к 10-й группе византийских пряжек по классификации Д. Чалланы⁵. Наиболее близка она не только по форме, но и по композиции орнамента к пряжке из Константинополя⁶. Д. Чаллань датирует эту группу периодом между 650 и 679 гг. Пряжку из Варахши следует считать привезенной из Византии и датировать также VII в.

¹ Б. Я. Ставский. О международных связях Средней Азии в V—середние VIII в. (в свете данных русской археологии). «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 111, 112.

² В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 9, 24.

³ Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. I. «Acta Antiqua», t. II, fasc. 3—4. Budapest, 1954, p. 311—318; t. IV, fasc. 1—4. Budapest, 1956, p. 261—291. J. Werner. Byzantinische Cürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt Köhner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, Bd. I. Berlin, 1955, S. 36—38.

⁴ Там же I, стр. 316—318.

⁵ Там же II, стр. 261—264.

⁶ Там же, табл. I, рис. 3, За.

На поверхности городища Варахша найдена еще одна пряжка, имеющая характерный выступ («бородку») на конце щитка (рис. 10, б)⁷. Пряжка бронзовая, прикреплялась к рамке на шарнире из трех петель. Щиток пряжки орнаментирован тремя отверстиями — треугольным и двумя круглыми, расположенными симметрично; кроме того, поле щитка украшено рельефным трилистником. Судя по рисунку украшения, напоминающему орнаментацию византийских пряжек, согдийская пряжка изготовлена мастером, который видел византийские образцы, хотя и изменил немного их форму. Наиболее вероятная ее дата — также VII в.

По-видимому, с византийскими следует связывать пряжку из второго (верхнего) слоя городища Кызыл-Кыр в Бухарской области⁸. Пряжка эта бронзовая, с железным язычком, щиток неподвижен. На щитке пряжки по обе стороны от отверстия для язычка имеются два круглых отверстия; прослеживаются еще два отверстия, только расположены они несколько ближе к оси пряжки, дальше щиток плохо сохранился. Боковые стороны широкой овальной рамки оформлены в виде двух голов змей с открытой пастью, тела змей переходят на щиток, образуя петли вокруг отверстий⁹. Пряжка, по словам В. А. Нильсена, имеет вид двух сплетенных змей.

Пряжка орнаментирована насечками и ямками. По характеру и пропорциям рисунка эта пряжка напоминает большую группу византийских пряжек VII в.¹⁰

В 1962 г. в Пенджикенте был найден фрагмент стенки хума, на котором по сырой глине был сделан оттиск пряжки. Часть оттиска щитка отбита (рис. 11). Рамка пряжки круглая; длинный язычок выходит за пределы рамки; щиток орнаментирован двумя круглыми отверстиями и одним треугольным. Пенджикентская пряжка, судя по оттиску, напоминает многообразную и широко распространенную группу византийских пряжек — «коринф» (по Й. Вернеру), которая также датируется VII в.¹¹ Обломок с оттиском пряжки из Пенджикента найден в слое, датированном по монетам и керамике именно этим временем. Обломок найден на XII объекте, в 3-м ярусе квадрата 34.

Бронзовые пряжки в большом количестве импортировались из Византии во все страны Средиземноморья¹². В Согде, как показывают многочисленные находки, использовались пряжки иных типов¹³. Публикуемые пряжки важны в другом отношении.

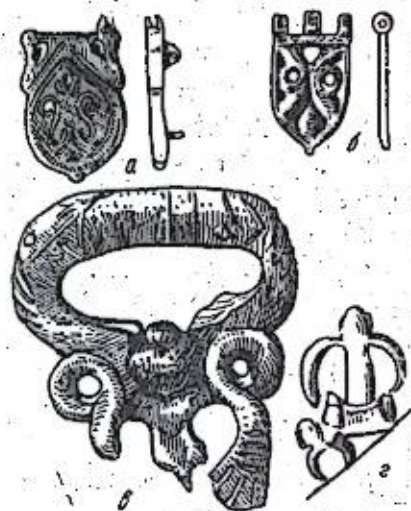

Рис. 10. Пряжки

а, б — из городища Варахша; в — из городища Кызыл-Кыр; г — Пенджикент (оттиск на хуме)

⁷ В. А. Шишкин. Указ. соч., рис. 9, 17.

⁸ В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1959.

⁹ Там же, стр. 73.

¹⁰ Группа 16, по Д. Чалланю (II, стр. 272, 273, табл. VI). Точное место находки этой пряжки В. А. Нильсен не указывает; возможно, она попала в верхний слой городища Кызыл-Кыр случайно, но может быть, следует уточнить дату отдельных участков этого слоя, который В. А. Нильсен датирует концом I в. до н. э.

¹¹ J. Werner. Указ. соч., стр. 37, 38, табл. 8, 15—16.

¹² См. J. Werner. Указ. соч.

¹³ В. И. Распопова. Поясной набор Согды VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 78—91.

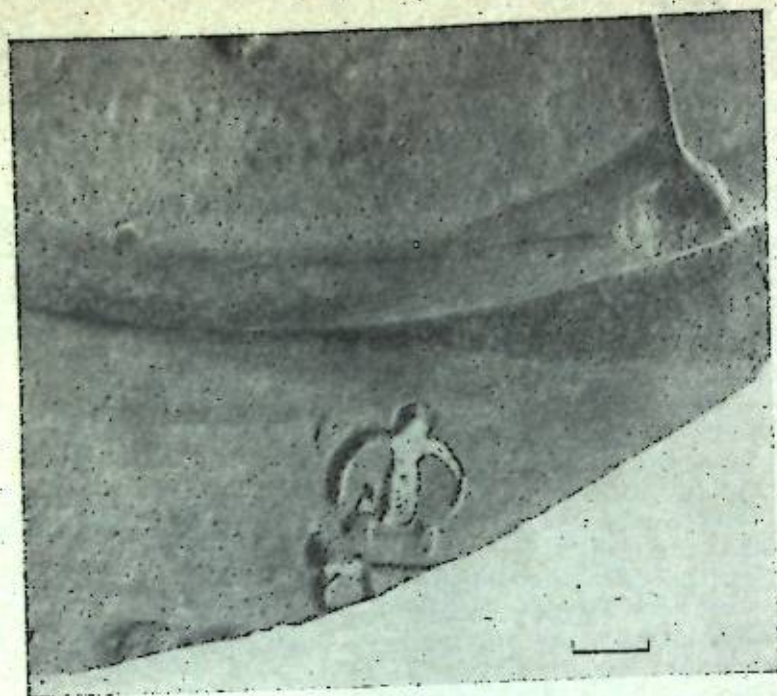

Рис. 11. Оттиск пряжки на стенке хума из Пенджикента

Греческие письменные источники говорят о контактах Византии со Средней Азией только в 60—70 годах VI в. в связи с попытками византийских правителей заключить союз с тюрками. Но археологические материалы свидетельствуют, что и в VII в. сношения продолжались, на что указывают, в частности, и наши пряжки, относящиеся к VII в. Около половины византийских монет и подражаний им, найденных на территории Средней Азии, также выпущены в VII в.¹⁴ Наряду с предметами византийского импорта, такими, как, например, серебряное блюдо, вышедшее из константинопольской мастерской около середины VI в. и тогда же попавшее в сокровищницу бухарского правителя¹⁵, были распространены и подражания византийским вещам. Таковы, например, золотые бракетаты, серебряный кувшин из с. Покровского с подражанием византийским штампам на дне; к числу таких предметов относятся некоторые из приведенных бронзовых пряжек.

Известно, что основным предметом торговли между Византией и Согдом являлись шелк и изделия из драгоценных металлов. В те времена на такие большие расстояния (через степи и пустыни, занятые кочевниками) везли главным образом предметы роскоши. Описанные выше пряжки попали в Среднюю Азию, вероятно, попутно, вместе с более ценными товарами.

Предметы роскоши могли привозить в Согд как непосредственно из Византии, так и через посредников. Скромные бронзовые пряжки византийских типов свидетельствуют скорее всего о существовании непосредственных связей Византии со Средней Азией в VII в.

Наконец, отметим, что типы пряжек в Византии обычно хорошо датированы и находки их в Средней Азии помогут уточнить даты ряда памятников, содержащих описанные пряжки.

¹⁴ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, и. с. вып. XXIII, 1951; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР, САИ, Е4—4, 1962, стр. 46, 47, 51.

¹⁵ В. А. Лявшии. В. Г. Лукоии. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, 1964, № 3, стр. 165—167.

ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Я. КРИЖЕВСКАЯ, А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРНОМ БАДХЫЗЕ

Северный Бадхыз и примыкающая к нему окраина песков, составляющие южную часть Теджен-Мургабского междуречья, относятся к числу наиболее слабо изученных археологами областей Туркменистана. Первое и пока единственное специальное обследование было проведено в 1962 г. и носило в значительной мере лишь рекогносцировочный характер.

Открыто четыре пункта, где зафиксированы находки каменных орудий — первые свидетельства освоения этой территории человеком уже в каменном веке. Крайний северный из них находится в обширной котловине, где расположены колодцы Куин-Кую (около 50 км юго-восточнее Серакса, недалеко от границы песков). Здесь на окраинах в выдувах найдено шесть кремневых предметов: 1) скобель, изготовленный из пластинки неправильного очертания темно-коричневого кремня (длина 5,8 см, ширина 1,8 см); лезвие слегка вогнутое, занимающее половину продольной грани, оформлено плоской приостряющей ретушью, нанесенной со стороны брюшка (рис. 12, 1); 2) пластинчатый отщеп розоватого кремня длиной 3,6 см, шириной по основанию 2 см, суживающийся в острие к противоположному концу; на противоположных гранях имеется наискось расположенная ретушь, занимающая небольшие участки их. По определению Г. Ф. Коробковой, это изделие использовалось в качестве двустороннего скребка; 3—4) два нуклеидных кустика прозрачного и непрозрачного халцедона высотой 2,8 см; первый из них имеет две удлиненные фасетки, что приближает его к подлинному нуклеусу, второй — более аморфный; 5—6) реберчатая пластинка неправильных очертаний длиной 2,5, шириной 1,1 см и небольшой отщеп. Следует отметить периферийное положение описанных находок относительно весьма обильных свидетельств обитания человека здесь в более поздние периоды: обломки средневековой керамики концентрируются главным образом в равнинной части котловины, около колодцев.

Второй пункт — около колодцев Теке-Гумбезли-Кую, расположенных сравнительно недалеко от Куин-Кую. Это также обширная впадина, окруженная песками. Здесь найдены три предмета из кремня: 1) обломок скребковидного орудия из пластинки коричневого кремня, оформленного очень мелкой ретушью по грани и имеющего подтеску по спинке, значительно уплощающую орудие и облегчающую скрепление его с рукоятью; 2—3) два небольших отщепов.

Третий пункт — в местности Кярнз, расположенной примерно в 30 км юго-восточнее Пули-хатума. Тут в пределах естественной ложины имеется цепочка входных колодцев кярнза, некогда подводившего воду. В выдувах песков, находящихся южнее последнего колодца, было обнаружено скопление изделий из белого и полупрозрачного халцедона и белого патинизированного кремня (не считая десятка отщепов цветного кремня).

Из общего числа 124 собранных предметов орудий насчитывается только 1) прокола на сечении треугольной в разрезе пластинки, длиной 1,8 см, шириной 1,1 см. Рабочий конец ее, расположенный в левом верхнем углу, оформлен односторонней (со спинки) ретушью, нанесенной по продольной и поперечной грани (рис. 12, 2); 2) семь ножей из пластин длиной от 1,8 до 2,9 см, в том числе три на длинных сечениях, три на обломках пластин и один на довольно крупном пластинчатом отщепе. Все они не имеют следов

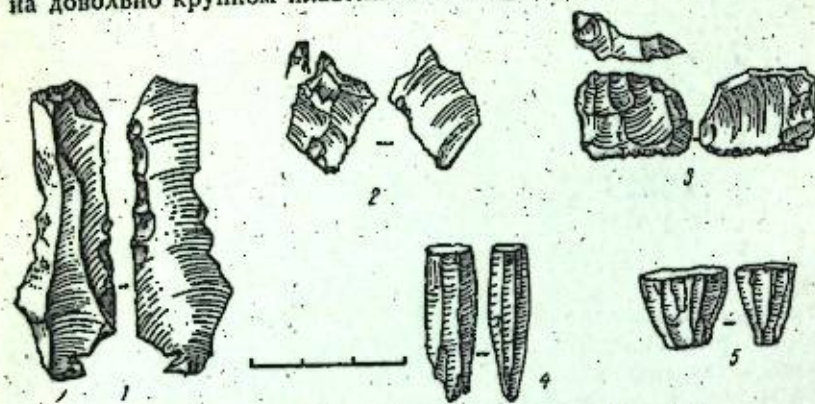

Рис. 12. Каменные орудия из Северного Бадхыза

вторичной обработки; однако заметна сработанность в виде мальчайшей ретуши и зазубрин на острых гранях; 3) долотовидное орудие, изготовленное на сколе с нуклеуса (длиной 1,5 см, шириной 2,3 см) путем двусторонней подтески грани, противоположной сохранившейся части ударной площадки (рис. 12, 3).

Остальную часть коллекции составляют отбросы производства, в том числе: пластинчатые отщепы (9 экз.), краевые сколы (11 экз.), отщепы крупные (6 экз.), мелкие и очень мелкие (79 экз.), кусочки кремня (10 экз.).

Четвертый пункт расположен в глубокой впадине Намаксар (17 км на юго-восток от Агар-чешме). Тут было собрано 26 предметов из полосатого (серого и голубого) халцедона. Среди них: 1) семь миниатюрных нуклеусов, предельно и сильно сработанных по всей окружности. Все они одноплощадочные, с правильным коническим заострением конца, противоположного ударной площадке. Фасетки узкие, со строго параллельным ограничением, расположены вдоль всей длины нуклеуса без заломов и занозистости. Высота их от 1,6 см до 2,7 см (рис. 12, 4—5); 2) девять продольных сколов с тех же или аналогичных нуклеусов, из которых у пяти сохранилась часть отбивной площадки, 3) восемь мелких отщепов и 4) небольшие оббитые кусочки халцедона.

Отсутствие следов скалывания на ударной площадке нуклеусов, негативов от ударных бугорков и характерной для раскалывания кремнистых пород волны вызвали некоторые сомнения в трактовке этих находок как изделий человека. Однако заключение петрографа Г. М. Ковнурко сводится к тому, что подобный халцедон взаимнопараллельной волокнистой структуры не дает такого количества мелких граней, следовательно, данное расщепление является результатом деятельности человека, а отсутствие обычных сопутствующих этому процессу явлений как раз и связано со структурными особенностями халцедона.

Приведенные материалы, конечно, не позволяют сделать какие-либо выводы о культуре каменного века Северного Бадхыза, но следует обратить внимание на то, что наиболее выразительными являются орудия из пластин — скобель, ножи, прокола и серия мелких нуклеусов с негативами от мелких правильных пластинок. Находки эти входят в круг известной в среднеазиатском неолите пластинчатой индустрии.

А Я. ЩЕТЕНКО

РАСКОПКИ НА АЛТЫН-ДЕПЕ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Одной из важнейших проблем изучения бронзового века Средней Азии является установление хронологического диапазона существования протогородских центров на юге Туркменистана. Успешное решение этой задачи немисливо без планомерного изучения стратиграфии, которая служит основой для создания относительной хронологии, а привлечение аналогий из сопредельных стран вместе с данными радиоуглеродных определений возраста дает возможность выразить в абсолютных цифрах время зарождения, расцвета и упадка древнейших протогородских центров на периферии городских цивилизаций.

В 1965 г. Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР, возглавляемая В. М. Массоном, приступила к изучению стратиграфии Алтын-депе, одного из крупнейших поселений эпохи бронзы Южной Туркмении, расположенного в 6 км к югу от селения Меана¹.

В восточной части холма ремесленников был заложен раскоп 1, на котором в течение полевого сезона были вскрыты два строительных горизонта (Алтын 1 и Алтын 2), относящиеся к позднему времени Намазга V. Весной 1966 г. работы были продолжены лишь в северной части раскопа 1965 г., поскольку южная его часть, представленная мусорными слоями, была мало перспективна для исследования стратиграфии. Сразу же выяснилось, что остатки стен, выделенные первоначально как Алтын 2а, в действительности являются фундаментами строений слоя Алтын 2. После удаления этих фундаментов на всей площади раскопа (150 м²) была установлена планировка нижнего строительного периода — Алтын 3, которая отличалась от плана строений, полученного в результате работ предшествующего полевого сезона (рис. 13).

В пору Алтын 3 незастроенный участок с мусорными слоями (южная часть раскопа) был отгорожен стеной полуметровой толщины, идущей с запада на восток. К этой стене с севера примыкали две небольшие комнаты (помещения 5 и 6); во второй из них были найдены целый сосуд, вкопанный в пол, терочный камень со следами красной охры и терракотовая статуэтка. К западу от этих помещений была вскрыта часть горна (№ 1), около которого лежал целый плоскодонный сосуд с ушками, с отверстиями для подвешивания и большое число поделок из необожженной глины. Второй горн находился у внешнего угла помещения 3, из его заполнения вместе с фрагментами керамики была извлечена терракотовая антропоморфная статуэтка. В северном углу этой же комнаты был очаг, который, как и сосед-

¹ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1965, стр. 66—70. Первые раскопки на Алтын-депе были проведены ашхабадскими археологами А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялиным (см.: А. Ф. Г а н я л и н. Алтын-депе. ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. V, 1955, стр. 30—44; он же. Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. СА, 1967, № 4, стр. 207—219).

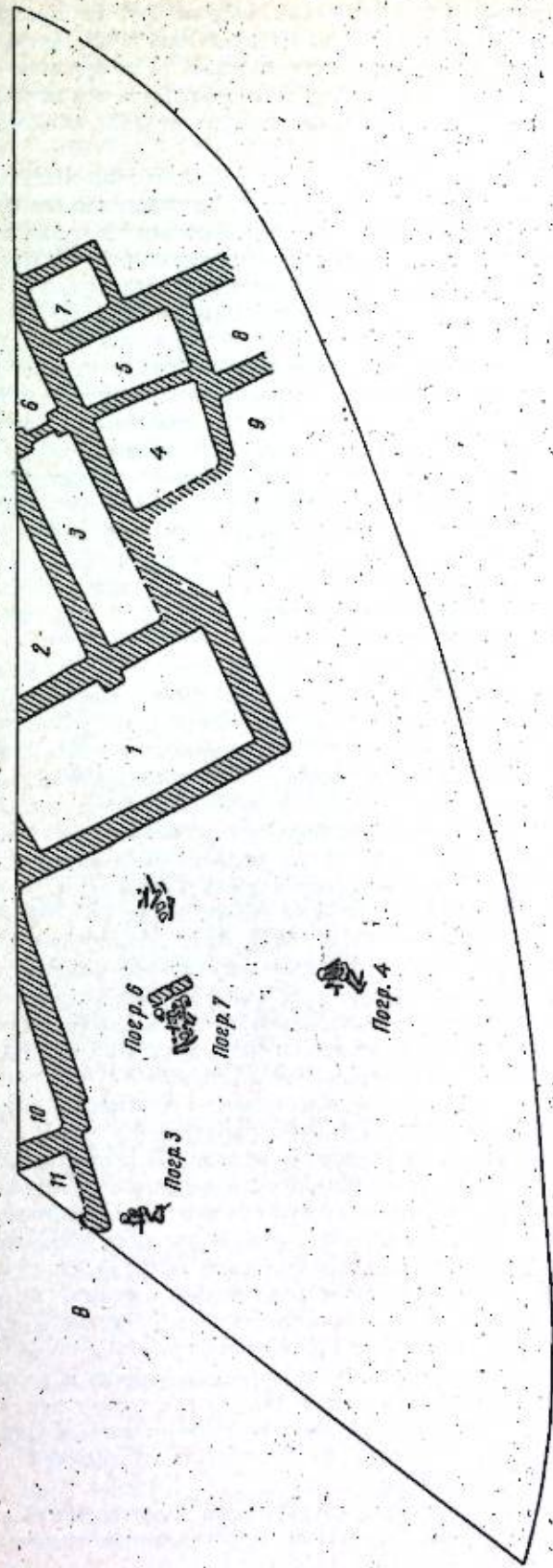
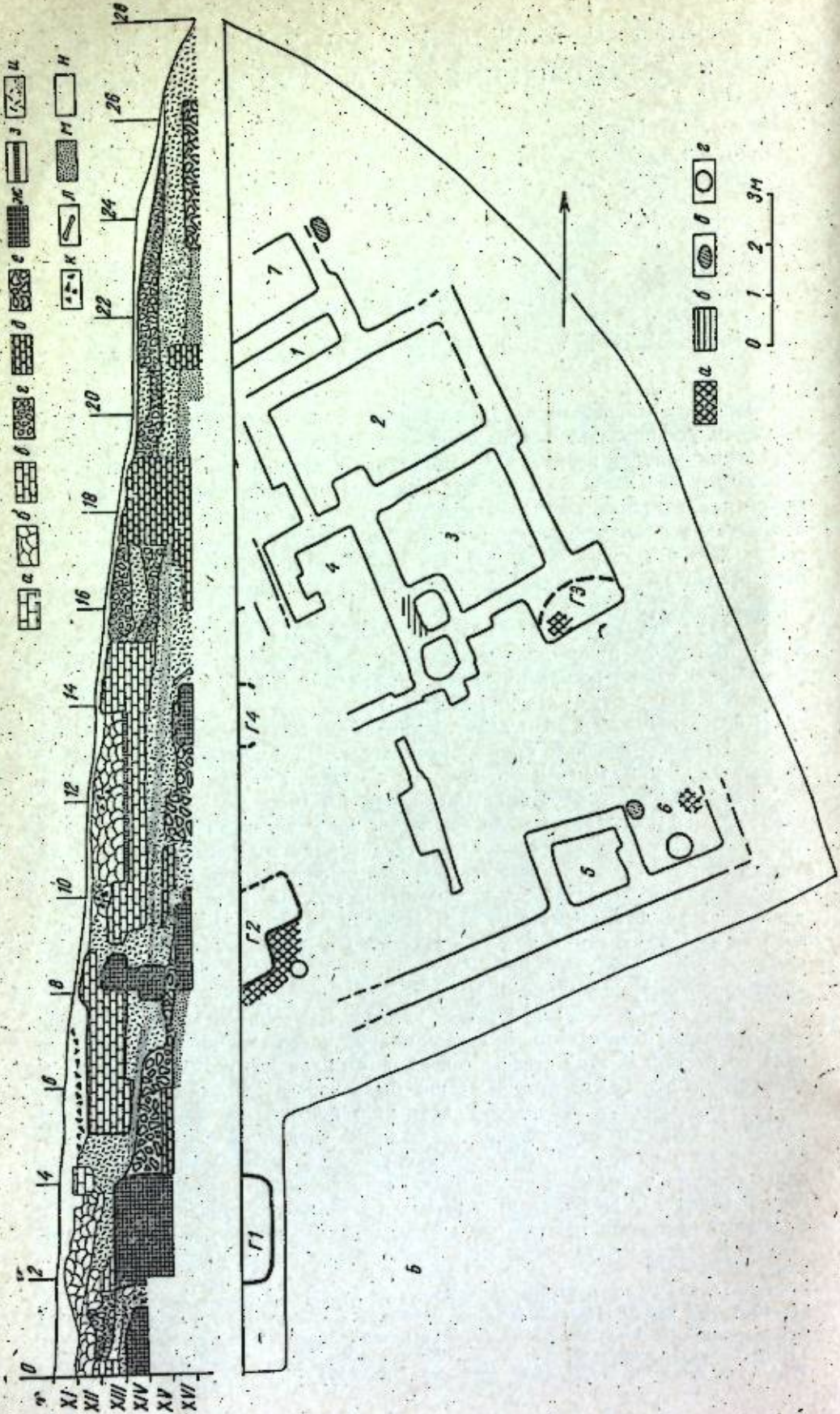

Рис. 13. Стратиграфический раскоп Алтын-дзепе.

А — разрез западной стенки раскопа
 Б, А — стены из сырцового кирпича соответственно I, II, III строительных периодов; Б, А — развалы сырцовых стен I, II и III периодов; Ж — глиняные горшки из обожженного
 кирпича; З — известковая промазка пола; К — натечно-надувные слои с включением золы; К — скопление керамики; Л — погребение; М — песок
 Б — план горизонта Алтын 3
 В — статуэтка из глины; Б — скопление керамики; В — терочный камень; Г — сосуд
 Д — план горизонта Алтын 2

ний с ним (являющийся либо его частью, либо очагом другого помещения), оказался полностью заваленным фрагментами керамики, в основном стенок сосудов. Среди них нашли два целых костяных шила. К помещению 3 примыкал еще ряд строений (№ 1, 2, 4, 7), образующих, вероятно, часть многокомнатного массива, но определить назначение отдельных помещений пока затруднительно.

Стены построек возводились из сырцового кирпича в один или два ряда (размеры последнего — 48×26×12 см). Кирпич, как правило, невысокого качества: часто из-за различных примесей (зола, фрагменты керамики) его было трудно отличить от заполнения дворов и мусорных куч. Никаких следов последующей обмазки стен ни снаружи, ни внутри помещений обнаружено не было. Отсутствовала и промазка полов, лишь в комнате 2 сохранились куски известкового покрытия. В целом строения этого периода резко отличаются от одновременных построек на «холме стены», открытых в этом же году в раскопе 5, где комнаты имели прекрасно сохранившиеся полы и стены (обычно в два кирпича), покрытые внутри толстым слоем штукатурки, а иногда росписью красным или черным. Возможно, сооружения, воздвигнутые на самом краю поселения, являлись какими-то хозяйственными постройками, связанными с производственным циклом гончарных горнов, что дало основание назвать это место холмом ремесленников.

Несколько иной оказалась конструкция, сплошь забутованная кирпичом, к западу от помещений 2 и 4. Как выяснилось при изучении разреза, она, вероятно, служила стеной (около 2 м толщины), которая ограждала эту часть поселения в пору Алтын 2 (рис. 13, разрез).

В слое Алтын 3 было расчищено одиннадцать погребений, из них лишь три взрослых (№ 34, 35, 82), остальные детские. Десять погребений относятся к слою Алтын 2 и одно (82) — к предшествующему строительному горизонту, так как костяк был перекрыт стеной времени Алтын 3. В этом же погребении около черепа лежал бронзовый (?) однолезвийный нож, тогда как в остальных случаях погребальный инвентарь отсутствовал. Часто в детских погребениях находилось по несколько фрагментов керамики. Погребенные лежат на правом или левом боку с подогнутыми ногами; иногда им придана сидячая скорченная поза; лицом вниз (26, 27). Ориентация различная: головой на север (25, 30, 33), на северо-запад (27, 34, 82), на юг (26), на юго-восток (32), на юго-запад (31, 35). Трудно отметить какую-либо закономерность в распространении погребений, но выделяются четыре детских костяка в углах помещения 4 и два других в смежной комнате 3. В основном захоронения одиночные, но в одном случае, вероятно, было совершено погребение двух взрослых в одно место, возможно, с некоторым интервалом во времени (погребение 34, 35).

Керамика слоя Алтын 3 представлена в основном фрагментами. Исключение составляют хум из помещения 6, горшок, найденный у горна 1, и пять почти целых сосудов, расчищенных к востоку от горна 2. В целом керамика из стратиграфического раскопа идентична посуде раскопа 5 и может быть охарактеризована как гончарная, прекрасного обжига, из хорошо отмученной глины. Поверхность сосудов покрыта светлым ангобом, реже оранжевым, совсем не известен красный. Формы ее весьма разнообразны, и, судя по аналогичным целым сосудам из погребений холма «стены», включают горшковидные сосуды, вазы, бокалы, кувшинчики на поддоне, чаши различных форм и размеров. Правда, в отличие от материала раскопа 5 описываемая посуда несколько грубее. Есть некоторое различие и в формах. Поддоны ваз из раскопа 5 более высокие и изящные, а сами вазы, кувшины и чаши показывают значительное разнообразие форм даже в своей подгруппе, начиная от миниатюрных сосудиков (высота 7 см) и кончая прекрасными кувшинами высотой более 40 см.

Вторую группу керамики составляют фрагменты толстостенных плоскодонных сосудов более грубой выделки, однако изготовленных также на гон-

чарном круге. Третья группа представлена серыми сосудами ручной выделки с примесью дресвы в тесте, имеющими ограниченное число форм: горшки, котлы со сливами, чаши. Наконец, в особую группу следует отнести расписные фрагменты типичной для времени Намазга IV керамики, происходящие из нижележащих слоев.

Кроме керамики, в слое Алтын 3 были найдены обломки терракотовых фигурок людей и животных, пряслице, колесики для моделей повозок, фрагменты каменных чаш, реликвариев, бронзовой булавки и бронзовый однолезвийный нож из погребения. Особый интерес представляет коллекция глиняных поделок, обнаруженных у горна № 1. Всего было найдено около 100 фигурок и фрагментов. Из них около 50 изображало животных (бык, баран, собака). Кроме того, было 18 антропоморфных фигурок, 10 колесиков со ступицей для моделей повозок и ряд предметов, неясных по назначению. Сделанные из необожженной глины все эти поделки, вероятно, предназначались для обжига в горне. Интересно отметить большое искусство, с которым выполнены фигурки животных, и в то же время определенный стандарт, по которому они изготовлялись. На крупе одного быка явно проступает процарапанный знак — тавро, свидетельствующий, возможно, о существовании в это время собственности на крупный рогатый скот.

Итак, материалы слоя Алтын 3 представляют собой комплекс времени Намазга V, что было отмечено еще в предшествующий сезон². Пока еще трудно определить различия между материалами Алтын 1, 2 и 3, и поэтому следует считать эти три строительные горизонта относящимися к одному периоду времени — Намазга V. Материалы стратиграфического раскопа находят себе аналогии среди находок, добытых из других мест Алтын-депе этого же периода: раскопа 2 и 5, кладов, найденных А. Ф. Ганялиным³. Много общего имеют они и с одновременными комплексами Намазга-депе⁴.

Поэтому, обращаясь к датировке слоя Алтын 3, необходимо в целом коснуться вопроса о дате времени Намазга V. Впервые эти комплексы были сопоставлены с Гисаром III В и III С⁵. Находки последних лет дали дополнительный материал. Так, сероглиняный сосуд из второго клада А. Ф. Ганялина имеет прямые аналогии в Гисаре III В⁶. Там же находят себе параллели и некоторые поделки из необожженной глины, найденные у горна 1 (фигурки животных и неясный по назначению плоский кружок с точечными углублениями с одной стороны)⁷. Однако другие аналогии уводят нас еще дальше — в Элам. Изящные вазы на поддонах из толоса раскопа 5 и сосуды с ушками со сквозными отверстиями для подвешивания очень близки по форме керамике XII, XIII и XIV слоев древних Суз⁸.

Причем интересно отметить, что в Эламе первая форма демонстрирует непрерывную эволюцию в своем развитии, тогда как в Южной Туркме-

² В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе, стр. 67.

³ Первый клад состоял из одиннадцати глиняных, бронзового и одного каменного сосудов, трех палочек, трех кружков, восьми прямоугольных пластинок с орнаментом из слоистой кости, бронзовых предметов (кольца, бусина, булавка, круглая бляха) и орнаментированных бус. Во втором кладе было пять сосудов, один из них — сероглиняный графин гисарского типа.

⁴ Б. А. Куфтина. Полесовой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседающе-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 278—281; В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Там же, стр. 305, рис. 9—12.

⁵ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, стр. 317.

⁶ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, fig. XXXVIII, H. 3841.

⁷ Там же, fig. XLIV, H. 3127; fig. XLV, H. 4975.

⁸ R. Ghirshman. Suse. Campagne de fouilles 1962—1963. Rapport préliminaire. «Arts Asiatiques», т. X, 1964, fas. 1, fig. 14, 15; он же. Suse de temps des Sukkalmah. Campagne de fouilles 1963—1964. Rapport préliminaire. «Arts Asiatiques», т. XI, 1965, fas. 2; fig. 8-bis R. Ghirshman. M. J. Steye. Suse. Campagne de l'hiver 1964—1965. Rapport préliminaire, «Arts Asiatiques», т. XIII, 1966, fig. 24, 25.

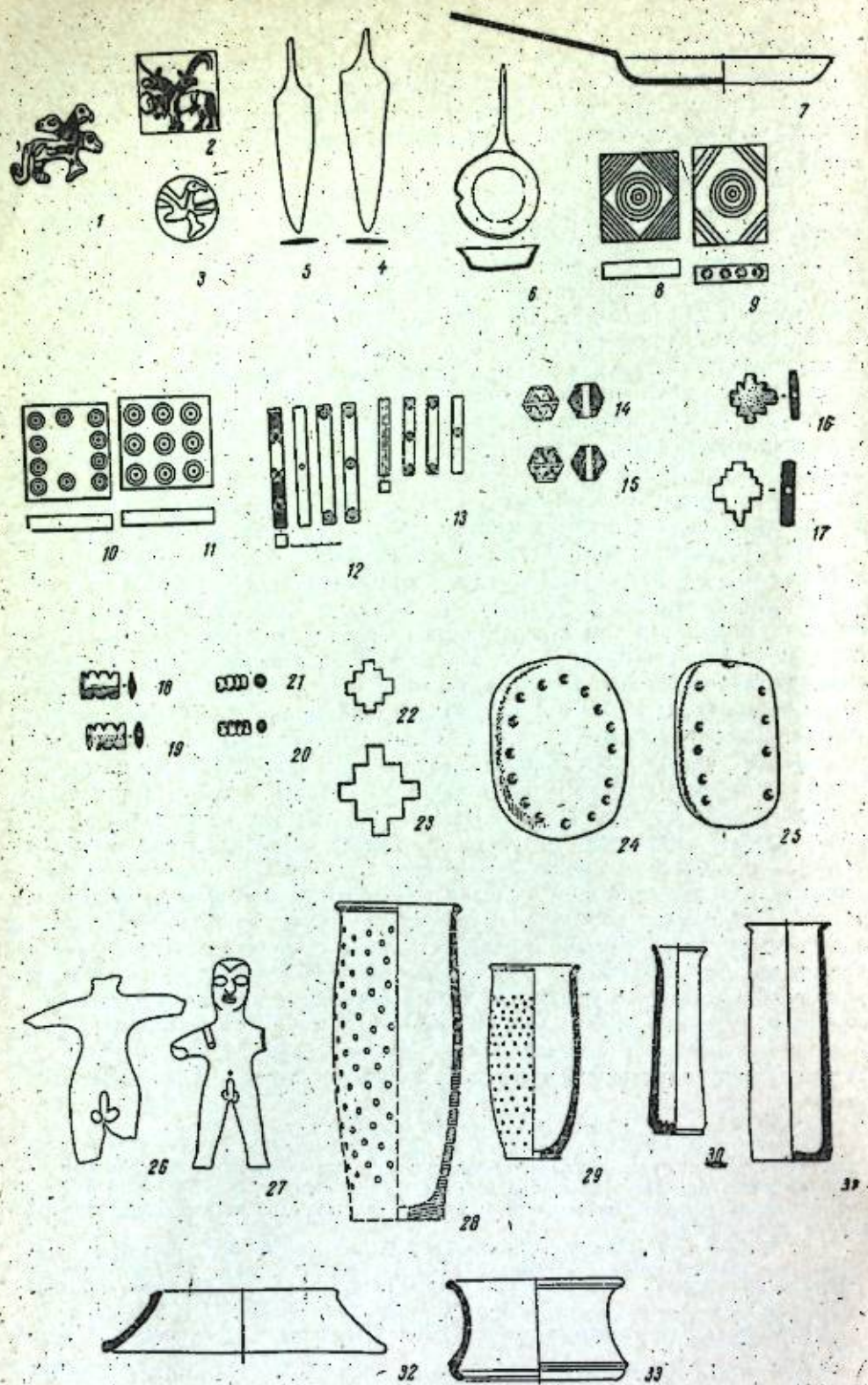

Рис. 14. Сопоставление предметов харапской культуры с находками из поселений эпохи бронзы Южной Туркмении

1, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 24, 28, 32 — Алтын-депе; 22 — Хапуа-депе; 26, 30 — Намазга-депе; 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 21, 23, 27, 29 — Мохенджо-Даро; 15 — Азар; 25 — Чанку-Даро; 9, 31, 33 — Хараппа; 1 — серебро; 3—7 — бронза; 2, 14, 15 — стетит; 8—13 — слоновая кость; 16—19, 22, 23 — камень; 20—21 — белый фарнс; 24—33 — глина

нии она не имеет местного генезиса. Кроме того, все три погребальных обряда, отмеченные в Сузах (коллективные гробницы из обожженного кирпича, индивидуальные погребения в ямах и сосудах)⁹, встречены и на Алтын-депе: это коллективные захоронения в толосах из сырцового кирпича, одиночные погребения в земле и единственное погребение в сосуде на раскопе 5.

Другая линия синхронизации намечается с харапской культурой Индостана¹⁰. Орнаментированные палочки из слоновой кости, стетитовые бусы, печать с трехголым существом, фрагменты «perforated jar», найденные на Алтын-депе, имеют, возможно, индийское происхождение¹¹, поскольку все эти предметы хорошо представлены в нижних и верхних слоях Мохенджо-Даро и Харappy (рис. 14). Используя эти направления культурных связей, можно попытаться дать более конкретные цифры для комплексов времени Намазга V, вполне справедливо отнесенных первоначально к первой половине II тысячелетия до н. э.¹² В настоящее время Гисар III В синхронизируется с ранними этапами III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), а Гисар III С, корректируемый материалами Шах-тепе IIa, имеет наиболее вероятную дату 2000—1800 гг. до н. э.¹³ Вполне приемлемой для комплексов Намазга V является и дата эламских параллелей. Р. Гиршман относит XIII слой древних Суз к первой половине II тысячелетия до н. э.¹⁴

В то же время установление контактов с городами долины Инда приходится, судя по аналогиям, на период расцвета харапской культуры. Это время характеризуется широкой экспансией харапской культуры, что прекрасно прослеживается на материалах Кот-Диджи¹⁵, Калибангана¹⁶ и п-ова Катхиавар¹⁷. Появление харапских поселенцев во всех этих местах относится приблизительно к одному и тому же времени: около 2000 г. до н. э. Эта дата опирается на радиоуглеродные определения¹⁸; последние получены и для периода упадка харапской культуры, конец которой относится к 1700 г. до н. э.¹⁹ Поэтому можно, исходя из всего вышесказанного, датировать комплексы времени Намазга V в пределах 2000—1700 гг. до н. э. Вероятно, это было время, когда племенами долины Инда наряду с освоением морского пути в Западную Азию (Лотхал, Макранское побережье, Бахрейнские острова)²⁰ прокладывались и сухопутные торговые пути в северо-западном направлении, достигшие в самом начале II тысячелетия до н. э. и окраины цивилизованного мира — Южной Туркмении, где к этому времени уже сложились необходимые предпосылки для возникновения протгородских центров, таких, как Намазга-депе и Алтын-депе.

⁹ R. Ghirshman. Suse. Compagne de fouilles 1962/63, fig. 20, 22, 23; он же. Suse de temps des Sukkalmah, fig. 8, 10, 11, 16, 17, 19, 20; R. Ghirshman et M. J. Steve. Указ. соч., рис. 16—18.

¹⁰ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе, стр. 69, 70.

¹¹ Возможно, «perforated jar» указывает и на иранские истоки. Подобные сосуды известны в I и II слоях Тали-накхди (см.: S. Goff. Excavations at Tall-i-Nikhodi, 1962, rap, vol. II, 1964, fig. 6, 6), которые датируются 3200—2500 гг. до н. э. (там же, стр. 50).

¹² В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении, стр. 326.

¹³ R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran. Chronologies in old World Archaeology. Chicago—London, 1965, p. 240—248.

¹⁴ R. Ghirshman. Suse de temps des Sukkalmah. p. 3.

¹⁵ F. A. Khan. Preliminary Report on Kot-Diji Excavations. Karachi, 1959; он же. Archaeology in Pakistan. «Expedition», vol. 6, № 3, 1964, p. 2—11; J. M. Casal. Archéologie Pakistanaise les fouilles de Kot-Diji. «Arts Asiatiques», t. VII, 1960, fas. 1, p. 53—60.

¹⁶ B. B. Lal. A New Indus Valley Provincial Capital Discovered: Excavation at Kalibangan in Northern Rajasthan. ILN, March 24, 1962, p. 454—457; IA, 1960—1961, p. 31, 32; IA, 1961—1962, p. 39—44.

¹⁷ S. R. Rao. Excavation at Rangpur and other explorations in Gujarat. AI, № 18/19, 1963, p. 5—207. Рец. на эту работу: А. Я. Штенко. СА, № 4, 1965, стр. 257—260.

¹⁸ B. B. Lal. A Picture Emerges — an Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent. AI, № 18/19, 1963, p. 210—214.

¹⁹ Там же, стр. 213; А. Я. Штенко. Энеолит Центральной Индии. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, стр. 11; он же. К вопросу об абсолютной хронологии харапской культуры. «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.

²⁰ S. Rao. «A Persian Gulf» Seal from Lathal. Antiquity, XXXIII, 1963, p. 96—99; он же. Shipping and Maritime trade of the Indus People. «Expedition», vol. 7, № 3, 1965, p. 30—37.

Г. И. АНДРЕЕВ, Ю. М. ФОМИН

НОВЫЕ НАХОДКИ В УСТЬЕ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ

Сотрудничество геологов и археологов, работающих на необъятных просторах Сибири, дает с каждым годом все более и более ощутимые результаты. На севере Красноярского края, оставшегося до недавнего времени на археологической карте белым пятном, появляются все новые и новые пункты¹. Среди них открытый к 1965 г. район устья Подкаменной Тунгуски, где одним из авторов статьи в 1964 г. были обнаружены интересные памятники².

Особенностью поселений, открытых на берегах Подкаменной Тунгуски, является то, что здесь ежегодно в зависимости от уровня воды в то или иное лето можно обнаружить значительное число находок. Повторные посещения, помимо дополнительных сборов, часто позволяют обнаружить новые поселения, появившиеся в результате разрушения берега водой или строительством. Так, при повторном посещении поселка Подкаменная Тунгуска в 1965 г. и было открыто новое поселение.

Оно расположено на стрелке, образуемой при впадении р. Подкаменной Тунгуски в Енисей. Оконечность стрелки, интересующая нас, образована уступами террас различной высоты. Первая терраса Подкаменной Тунгуски высотой около 9,5 м почти вплотную подходит к воде. Ширина ее около 200—250 м, она ровная и покрыта лишь травой. Далее следует уступ другой террасы; возвышающейся над описанной на 11 м и покрытой лесом.

Остатки обнаруженного в 1965 г. поселения лежат на 9,5-метровой террасе, нижние 5 м которой закрыты современными отложениями (песками, галькой). Лежащие над ними коричневые суглинки и супеси поднимаются на 2—2,5 м. Все это перекрыто 2-метровой толщей супесей бурого и серого цвета. Именно в ней, на глубине 1,7 м от современной поверхности, местами очень хорошо прослеживается культурный слой с многочисленными мелкими отщепами и раздробленными костями животных.

Наибольшее скопление находок обнаружено в 30 м выше по реке, где происходит разрушение берега. Большая часть предметов была собрана непосредственно на пабереге³.

Собранные на пабереге и при зачистке слоя керамика и костяные

¹ Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска. КСИА, вып. 101, 1964; они же, Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни. Там же.

² Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска. КСИА, вып. 106, 1966.

³ Дома поселка Подкаменная Тунгуска находятся приблизительно в 300 м выше по реке, что создает благоприятные возможности для проведения здесь археологических раскопок.

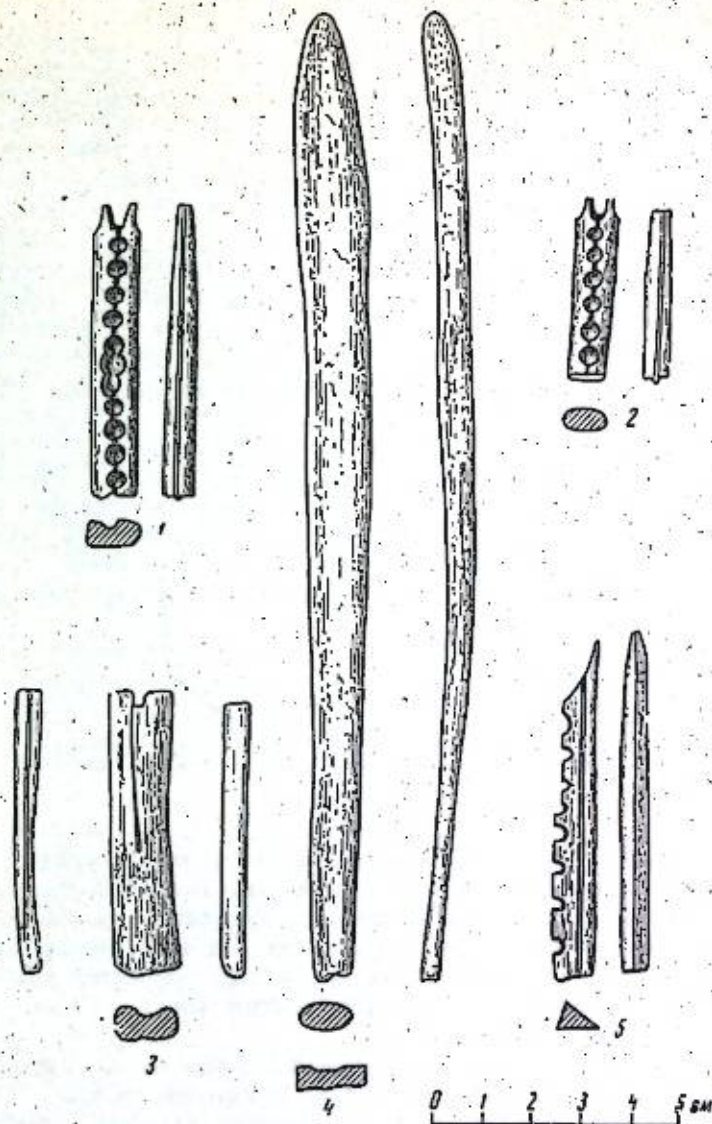

Рис. 15. Устье Подкаменной Тунгуски. Костяные изделия

изделия очень своеобразны и не имеют аналогий с находками предшествующих лет на Подкаменной Тунгуске.

Судя по обломкам, в сборах представлены остатки по меньшей мере шести сосудов. От одного из них сохранился довольно значительный обломок подлощенной неорнаментированной стенки, покрытой нагаром с обеих сторон. Сосуд был бурый, тесто в изломе черное, с примесью песка. Толщина стенок не превышает 5 мм.

От двух других сосудов сохранились значительные фрагменты, позволяющие реконструировать их верхние части. Днища, к сожалению, отсутствуют. Оба сосуда бурого цвета и внутри покрыты нагаром. Венчики того и другого сосудов с внутренней стороны покрыты насечками, а снаружи, несколько отступя от края, имеются небольшие ямки, углубленные до середины стенки. В тесто обоих сосудов добавлены песок и мелкодробленая дрова. Один из сосудов толстостенный, причем к венчику и дну толщина стенок уменьшается: так у венчика и дна она равна около 8 мм, а в

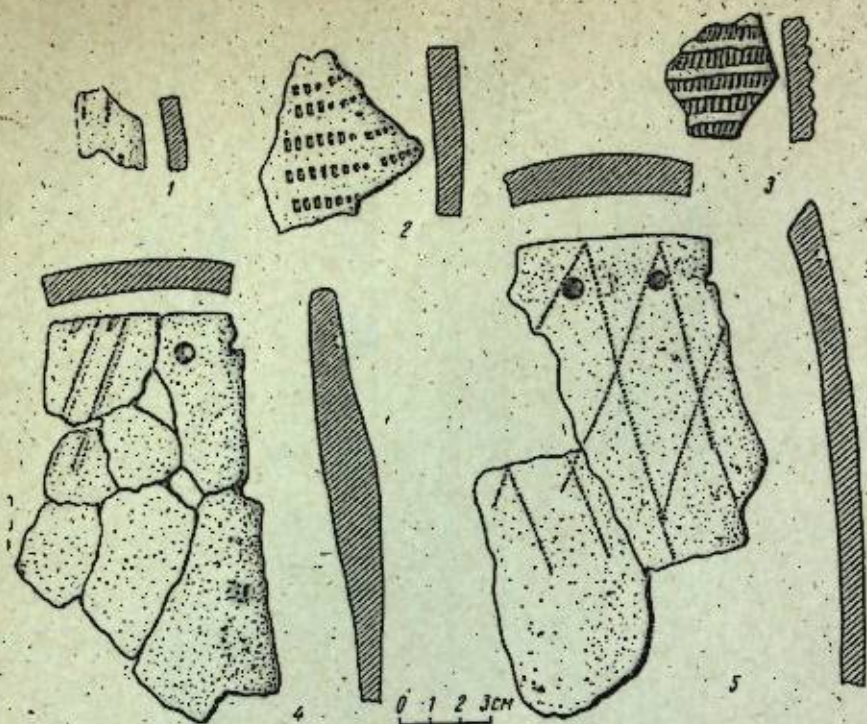

Рис. 16. Устье Подкаменной Тунгуски. Керамика с поселения

середине достигает 16 мм (рис. 16, 4). Кроме насечек по венчику и ямок чуть ниже его, сосуд был украшен двойными наклонно прочерченными линиями. К сожалению, общая композиция рисунка не восстанавливается. На другом сосуде (рис. 16, 5) сохранились ромбы, образованные параллельными линиями, нанесенными под углом друг к другу гребенчатыми штампами. Ромбы обращены острыми углами вверх и вниз, причем в верхних углах их отмечены ямки.

От остальных трех сосудов сохранилось лишь по одному фрагменту. Все они украшены гребенчатыми штампами различной формы.

В одном случае (рис. 16, 2) зубья гребенки большие и редкие. Ряды идут почти горизонтально. В другом случае гребенка малая, зубчики мелкие. Ряды тоже горизонтальные, но гребенка поставлена наклонно — от тиска к оттиску, причем иногда даже перекрывая друг друга (рис. 16, 3).

Третий обломок сосуда очень мал, но все же хорошо видно, что орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 16, 1). Штампы тоже ставились наклонно, но оттиски расположены друг от друга далеко и не только в одном ряду, но и между рядами.

Переходя к характеристике каменного инвентаря, отметим следующее: среди сборов на пабереге обнаружены пластины, тогда как при зачистке культурного слоя найдены почти исключительно одни отщепы. При дальнейшем обследовании поселения на это обстоятельство следует обратить особое внимание. При небольшой зачистке культурного слоя в нем обнаружены довольно грубый скребок на отщепе и небольшой ножичек, сделанный из довольно изящного пластинчатого отщепа. Очень тонкая заостряющая ретушь покрывает одну из граней последнего с обеих сторон. Среди каменных изделий, собранных на пабереге, следует отметить конический нуклеус, несколько ножевидных пластин и их обломков. Часть пластин покрыта ретушью. Одна из них являлась, безусловно, вкладышем какого-то сложного орудия. Две другие служили ножами. Один из ножей

применялся в рукояти, о чем свидетельствует соответствующая обработка части пластины, где был ударный бугорок.

Наибольший интерес на данном поселении представляют найденные при зачистке культурного слоя изделия из кости.

Определенную группу среди них составляют костяные предметы в виде уплощенных стерженьков, суживающихся к одному из концов и заканчивающихся специально оформленной развилкой (рис. 15, 1, 2). Широкие плоскости просверлены значительным числом отверстий. Сверление их производилось с обеих сторон. Наибольшее число сверлин — 12. Прежде чем делать отверстия, на одной из плоскостей прочерчивалась линия, на которой и намечались центры будущих сверлин. Вдоль одной из узких граней проходит неглубокий процарапанный желобок или его наметка. К сожалению, все три предмета подобного рода найдены в обломках, причем два из них поломаны поперек (рис. 15, 1, 2), а один раскололся вдоль (рис. 15, 5). Найдена еще одна костяная поделка, от которой сохранилась лишь небольшая часть (рис. 15, 3). Имеются и другие костяные предметы. Часть из них почти полностью разрушена, другие сохранились хорошо. К последним относится длинное, подчетырехугольное в сечении орудие, имеющее сильно заощенный овальный в сечении конец (рис. 15, 4).

Определение времени остатков данного поселения затруднено отсутствием каких-либо прочных аналогий на территориях, расположенных поблизости. Лишь самые общие черты, такие как форма сосудов с прямыми или скошенными внутрь венчиками, отсутствие профилированности сосудов, украшения венчиков насечками и ямками, орнаменты в виде двойных наклонных линий или ромбов позволяют предположить, что данное поселение относится к эпохе поздней бронзы, т. е. ко второй половине II — началу I тысячелетия до н. э. Уточнить это время могут дополнительные раскопки. Большую помощь в определении времени как этого, так и других поселений, имеющих в устье Подкаменной Тунгуски, могут оказать раскопки в том месте, где летом 1965 г. были обнаружены бронзовые предметы, свидетельствующие, вероятно, о наличии там погребений.

Г. И. АНДРЕЕВ, П. П. ПАШКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ПОС. ТУРЕ
(НИЖНЯЯ ТУНГУСКА)

Открытие в 1964 г. археологических памятников в среднем течении бассейна Нижней Тунгуски является событием большой важности. Древние поселения теперь довольно широко известны на всех крупных восточных притоках Енисея. На верхней Ангаре исследования ведутся уже многие десятилетия¹, на Подкаменной Тунгуске в последние годы также открыто большое число древних стоянок и поселений²; археологические находки в среднем течении были сделаны в пос. Туре (центр Эвенкийского национального округа), судя по всему повторно³. Поселок расположен на правом берегу р. Нижняя Тунгуска, в 850 км выше ее устья. Впадающий здесь довольно большой приток р. Кочечумо — образует высокую, сравнительно плоскую стрелку, уступами поднимающуюся от воды и постепенно переходящую в сопки. В Туре хорошо прослеживается комплекс различной высоты террас: наиболее низкая 15-метровая, наиболее высокая — 70-метровая, а между ними — 18—20-, 40- и 60-метровые уступы. В настоящее время дома пос. Туры захватывают почти все террасы; в результате строительства древесная растительность отступила довольно далеко от берега. Уничтожение лесов, связанное со строительством, приводит к тому, что берег с каждым годом разрушается. Береговые участки, освобожденные от леса, начинают быстро прогреваться солнцем. Лед, сохраняемый обычно подушкой мха, тает, а это ведет к значительным оползням. Уровень воды в Нижней Тунгуске весной достигает в отдельные годы 12—15-метровой отметки. Размывая оползни, река все более и более способствует разрушению берега, а вместе с ним и древних поселков и стоянок, размещавшихся на нем. Именно вследствие таких размывов многие поселения и стоянки частично или полностью уже разрушены, и масса предметов в виде значительных скоплений обнаруживается на паберегах как р. Кочечумо, так и Нижней Тунгуски.

В 1964 г. находки были сделаны в двух пунктах: на р. Нижней Тунгуске, у эстакады, и на р. Кочечумо, в 300 м выше устья. Остатки обоих поселений расположены у овражков на 15-метровой террасе, верхняя часть которой состоит из рыхлой супеси и суглинков, размывающихся водой. На р. Кочечумо находок в 1964 г. сделано немного. Это объясняется, по-видимому, тем, что берег в данном месте начал разрушаться срав-

нительно недавно. Подтверждением тому служит наличие здесь остатков культурного слоя, который довольно четко прослеживается в обрыве в виде красноватых линз супеси (остатков очагов) с вкраплениями отщепов и пластин. В коллекции орудий имеется призматический нуклеус, с которого сняты ножевидные пластины, а также грубый массивный плоский

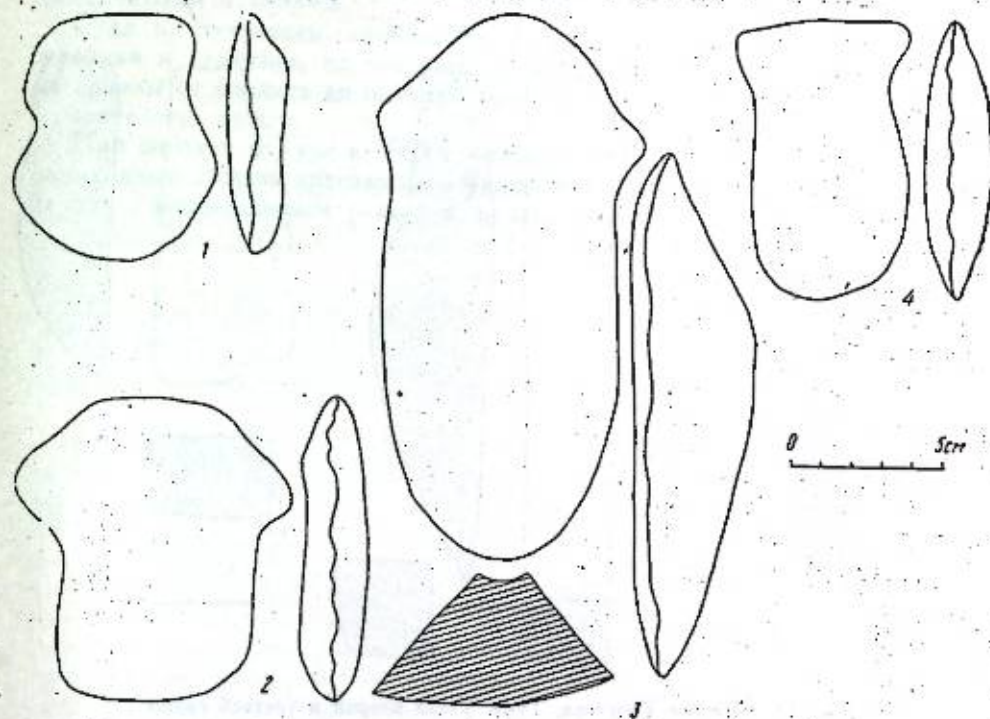

Рис. 17. Нижняя Тунгуска, Тура, Тесла первой группы (с ушками)

нуклеус в виде скребла и очень массивный скол с нуклеуса, превращенный в блок-скребок. Хорошо представлены заготовки тесел и уже готовые орудия. Последние в основном дошли в обломках. Один из таких обломков принадлежал теслу с ушками, которое было отполировано до блеска. Лезвие его, судя по обломку, было очень узким, а обушок вместе с ушками, напротив, широким. От другого тесла дошел лишь узкий обушок без ушек. В сечении тесло треугольное, на всех поверхностях сохранились следы шлифовки. Третье тесло сохранилось полностью. Обработано оно довольно грубой оббивкой и лишь лезвие слегка подретушировано. Орудие в плане трапециевидное, а в сечении почти четырехугольное.

Значительно обильнее материалы, собранные на пабереге у эстакады на Нижней Тунгуске. Это, видимо, связано с тем, что поселение здесь сильно размывто. Сплошная застройка берега скрывает возможные остатки культурного слоя и препятствует проведению археологических раскопок. В 1964 г. на побережье у эстакады обнаружено огромное число отщепов, пластин, нуклеусов. Последние разнообразны: есть конические, клиновидные, карандашевидные, призматические, одно- и двухплощадные. Это разнообразие вызвало, естественно, и наличие большого числа пластин, отличающихся формой, длиной, шириной, толщиной, и правильностью огранки. Пластины употреблялись и без дополнительной обработки, о чем можно судить по следам работы на их краях и обработкой с одной или двух сторон. Отсюда большое число вкладышей, скребелей, резцов, концевых скребочков. Большая же часть скребков делалась на более грубых пла-

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950; он же. МИА, № 43, ч. III, 1955.

² Г. И. Андреев, Ю. М. Фокин, П. П. Пашкин. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски. СА, 1965, № 3.

³ П. П. Хороших. Археологические исследования на р. Нижней Тунгуске. «Доклады Историко-археологической секции ВСОГО СССР». Иркутск, 1949.

стинах, пластинчатых отщепях и просто отщепях. Скребки различаются к тому же общей своей формой, высотой и формой рабочего края. Резцы представлены двумя типами: серединными и боковыми на углу поломанной пластины. Среди ретушированных орудий, помимо скребков, имеется много ножей. Форма их различна и зависела часто от того, каким получался отщеп. Ретушировались обычно оба края, причем иногда один из

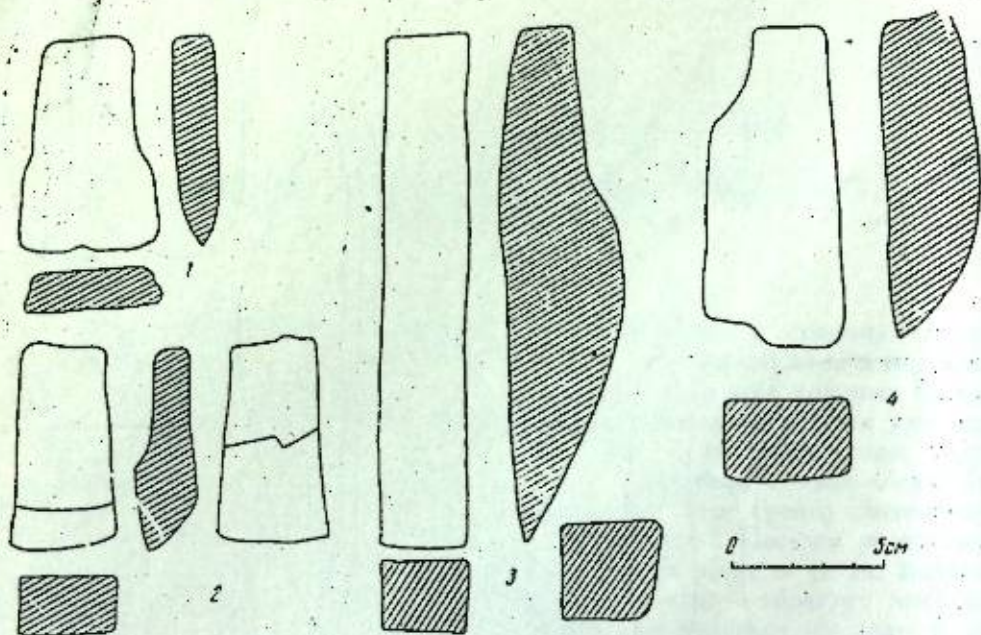

Рис. 18. Нижняя Тунгуска, Тура. Тесла второй и третьей групп

них — заостряющей ретушью, а другой — напротив, притупляющей. Лезвия отделялись с одной или двух сторон. Имеются комбинированные орудия — ножи-скребки. Ножи, кроме того, делались и на сколах с массивных галек. Один край этих сколов (тот, которым резали) от употребления заполировывался до блеска, на нем нет никаких следов обработки.

Найдено довольно много наконечников стрел и дротиков. Обе эти категории представлены как целыми экземплярами, так и в обломках. В коллекции имеются главным образом наконечники двух типов: лавролистные и треугольные с неглубокой выемкой в основании. Некоторые наконечники обработаны очень тонкой плоской ретушью, приближающейся к струйчатой.

Очень интересны и многочисленны в данной коллекции находки тесел. Подавляющее большинство их обработано оббивкой и ретушированием, лишь на некоторых образцах сохранились следы шлифования.

Тесла резко делятся на три группы: первая группа — тесла с ушками. В ней выделяются три типа. Первый тип представлен односторонне выпуклым теслом с длинным телом, закругленным обушком и небольшими ушками (рис. 17, 3). У второго типа, приостренноовального в сечении, очень разросшийся обушок с ушками и короткое тело (рис. 17, 2). Третий тип — бомбовидные. Обушок прямой, ушки приостренные, тело вытянутое, слегка асимметричное в сечении (рис. 17, 4).

Вторую группу составляют тесла, имеющие подчетырехугольное сечение и остатки шлифовки (рис. 18, 1, 2, 4). Здесь следует особо выделить тесло с намечающимися плечиками (рис. 18, 1). Третья группа представлена лишь одним экземпляром. Орудие это, однако, настолько своеобраз-

но, что не может быть отнесено ни к той, ни к другой группам. Это тесло с уступом (рис. 18, 3). Оно сплошь ретушировано, и создается впечатление, что тесло подготовлено к шлифованию.

Керамический материал свидетельствует о смешении различных хронологических комплексов. Часть керамики покрыта сетчатыми отпечатками, другая украшена валиками, третья заштрихована или орнаментирована гребенчатыми штампами.

Судя по нуклеусам, вкладышам, резцам, теслам, наконечникам стрел, скребкам и керамике, на побережье у эстакады собраны разновременные материалы от неолита до поздней бронзы, т. е. с конца III до начала I тысячелетия до н. э.

При работах в Тура в 1965 г. открыто немало других археологических памятников. Задача археологов в ближайшие годы и состоит в том, чтобы наряду с продолжением разведок начать раскопки одного из поселений.

Л. С. ГЛИКМАН, А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

СТОЯНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ У СТАНИЦЫ САКСАУЛЬСКОЙ

Памятники эпохи бронзы северо-восточного Приаралья известны в основном по сборам около г. Аральска. Из собранных коллекций, в том числе и со стоянок, открытых в 1955 г. А. В. Виноградовым, опубликована лишь незначительная часть материалов¹.

В 1960—1964 гг. одним из авторов, палеонтологом Л. С. Гликманом, неоднократно проводились сборы археологических материалов в районе барханной гряд юго-западнее ст. Саксаульской. Находки встречались главным образом на останках саксаульской свиты. Всюду, где обнажаются коренные выходы, присутствуют обломки керамики, кремневые и кварцевые отщепы и орудия энеолитического и бронзового времени. В 8 км к югу от ст. Саксаульской, на расстоянии одного километра к западу от дороги на г. Аральск, близ современного заброшенного колодца открыты остатки стоянки эпохи бронзы². На дне котловины выдувания, на обнажении плотного коренного песка площадью около 50—60 м — сосредоточено значительное количество керамики (собрано свыше 1000 фрагментов). Около борта котловины находился, по-видимому, разрушившийся очаг — скопление комков пористой прокаленной глины. Среди скопления и вокруг него — густая россыпь обломков керамики и обугленных костей животных.

Керамика со стоянки Барханной разделяется на две группы. Первая, более многочисленная, представлена плоскодонными горшками с плавными очертаниями тулова, с высокой слегка вогнутой шейкой. Днище — нередко с выступающим краем. Размер сосудов различен, диаметр горла от 18 до 40 см. Выделяются две разновидности: на одних горшках при переходе шейки в тулово сформован плавный изгиб, моделирующий небольшие высокие плечики, а на других — рельефный «кустучик» (рис. 19, 1, 2, 3). В тесте обильная примесь крупно истолченных раковин, реже — дробленые кристаллы кальцита. Лепка — ленточная. Обжиг неравномерный, на отдельных горшках пятнами. Черепок в изломе трехслойный: черный внутри и с тонкими кирпично-буроватыми прослойками у поверхностей. Обе стороны покрыты тонким слоем хорошо отмученной глины, иногда сходным с ангобом. У большинства горшков наружу проступают твердые включения, что делает поверхность шероховатой, у некоторых она тщательно заглажена и залощена. Внешняя сторона красновато-сероватых оттенков, изредка охристого или коричневого цвета, внутренняя — чаще сероватых тонов. На большинстве горшков две зоны орнамента: у края

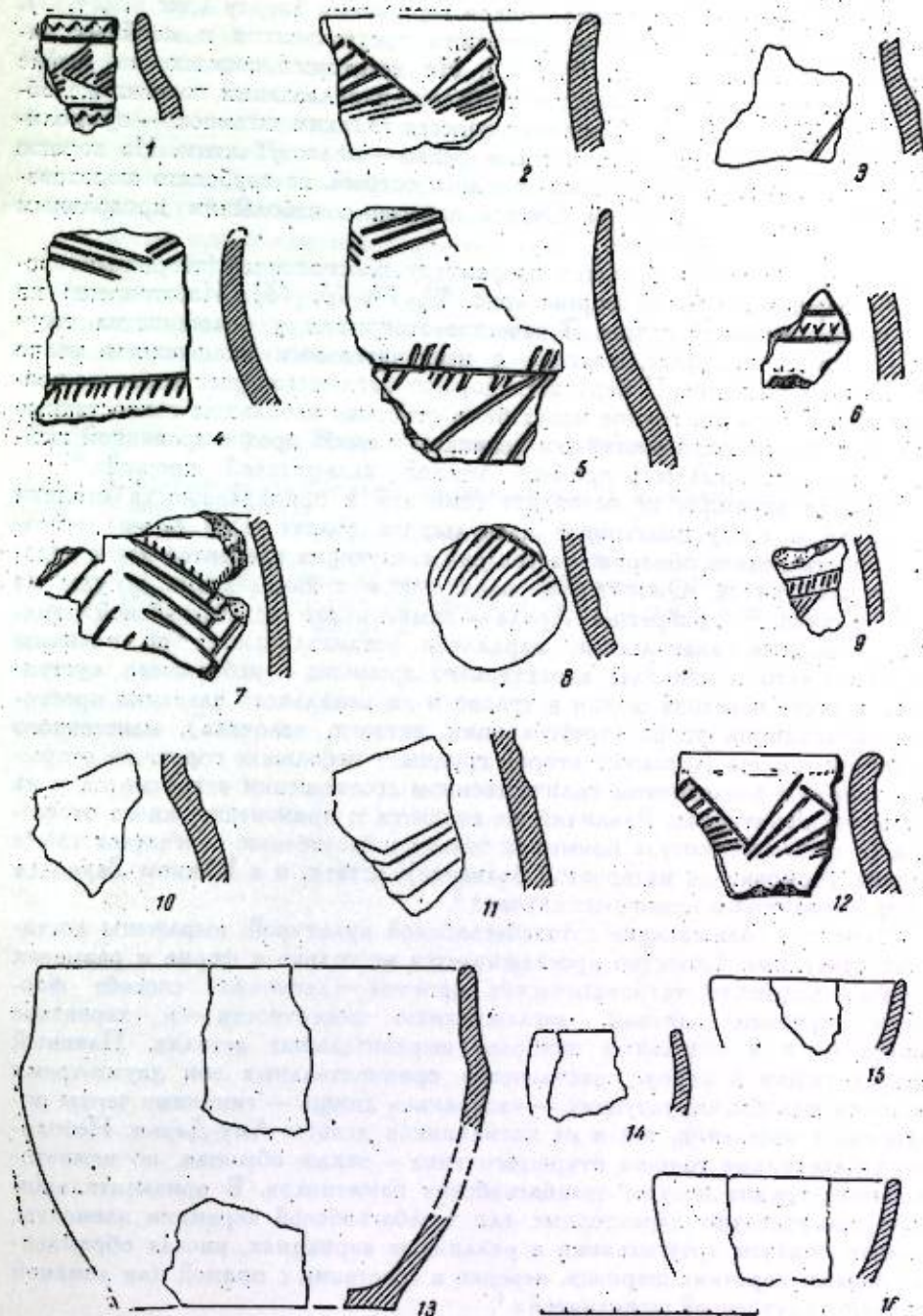

Рис. 19. Керамика со стоянки Барханная

¹ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951; А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 7, 1959.

² Для удобства пользования мы называем стоянку Барханная.

шейки — поясок многолинейного зигзага или «веерообразных» штрихованных треугольников, по верхней части тулова — сплошная «елочка». Иногда по плечикам — круговой фриз в виде горизонтальной линии с «бахромой» из наклонно-вертикальных штрихов, сплошной или зональной; снизу к линии примыкает ряд треугольников вершинами кверху (рис. 19, 4, 5). Встречаются и более сложные сочетания треугольников и двойных заштрихованных линий (рис. 19, 6, 9). На некоторых сосудах на шейке между зонами узора расположено несколько параллельных пологих желобков (рис. 19, 10, 11, 12). Орнамент нанесен гладким штампом — прямолинейным или слегка изогнутым, очень редко — мелкозубчатым. На хорошо заглаженной поверхности штамп тонкий и острый, на грубовато шероховатой — притупленно округлый. Оттиск нанесен с небольшим продольным протягиванием инструмента.

Вторая группа — небольшие по размеру плоскодонные неорнаментированные горшки открытой формы (рис. 19, 14, 15, 16). Изготовлены из хорошо промешанной глины. В качестве отощителя у большинства сосудов — примесь кальцита, изредка с незначительным включением мелко истолченных раковин. Поверхность хорошо заглажена, цвет серовато-красноватый. К этой же группе могут быть отнесены небольшие тонкостенные горшки с прямым или отогнутым венчиком и слабо профилированной шейкой, в тесте которых есть примесь мелкой кальцитовой крошки.

В целом керамика не оставляет сомнений в принадлежности стоянки Барханная к кругу памятников алакульского облика. При более детальном сопоставлении обнаруживается ряд связующих элементов как с керамикой памятников Южного Зауралья, так и с комплексами посуды из районов южного побережья Арала — памятниками тазабагыябской культуры. Северные, алакульские, параллели устанавливаются по наличию специфического и наиболее характерного признака — небольшого «уступчика» в месте перехода шейки в тулово и двузонального членения простого по композиции узора (треугольники, зигзаги, «елочка»), нанесенного гладким штампом. Керамика второй группы — небольшие горшочки открытого типа — в аналогичном количественном соотношении встречаются и на уральских памятниках. Различия же сводятся к применению иного отощителя (в уральской посуде примешан тальк) и отсутствию отпечатков ткани (следов формовки на матерчатой болванке), кстати, и в Южном Зауралье зафиксированных в единичных случаях³.

Элементы, сближающие с тазабагыябской культурой, выражены достаточно отчетливо. Сходство прослеживается не только в форме и размерах сосудов, общности технологических приемов — ленточном способе формовки, примеси раковин, заглаживанию поверхности — и характере обжига, но и в отдельных наиболее выразительных деталях. Плавный переход шейки в корпус, расчленение орнаментальных зон двумя-тремя пологими желобками, уступчик — «закраина» днища — типичные черты посуды как с поселения, так и из могильников дельты Аму-Дарьи. Небольшие тонкостенные горшки открытого типа — также обычная, но немногочисленная группа посуды тазабагыябских памятников. В орнаментальном узоре присутствуют характерные для тазабагыябской керамики элементы, главным образом треугольники в различных вариациях, иногда обрамленные рядами коротких штрихов, нередко в сочетании с прямой или ломаной «линией с внутренней штриховкой»⁴.

³ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 112, 134, 137, рис. 19.

⁴ М. А. Итгина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, стр. 35 и сл., рис. 10, 3; рис. 12, 4, 10; она же. Новые стоянки тазабагыябской культуры (работы 1956 г.). «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I. М., 1959, стр. 58, 59; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 47—50, рис. 18.

Таким образом, керамика стоянки Барханная обнаруживает значительную близость с посудой тазабагыябской культуры и несомненное сходство с комплексами алакульского типа зауральских памятников. Весьма вероятно, что районы северо-восточного Приаралья в эпоху бронзы входили в единый культурный ареал, северная периферия которого простиралась до лесостепной зоны, южная — очерчена пределами распространения памятников тазабагыябского облика.

Стоянка Барханная — второе из известных поселений эпохи бронзы Казахстана, расположенное вдали от крупных водоемов. По-видимому, как и на поселении Тасты-Бутак вода добывалась через колодцы — грунтовые воды в окрестностях стоянки близко подступают к современной дневной поверхности⁵. Расположение стоянки в засушливом полупустынном районе исключает предположение о занятии древнего населения каким-либо видом земледелия. Кварцевые пески саксаульской свиты даже при достаточном обводнении — безотрадное для земледельца место. Вероятно, стоянка Барханная представляет поселение скотоводов⁶, в хозяйстве которых заметным подспорьем могла служить сезонная охота на сайгу и других диких животных⁷.

⁵ В. С. Сорокин. Жилаща поселения Тасты-Бутак. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 53, 55—60.

⁶ Собранные на стоянке кости, по определению Н. М. Ермоловой, принадлежали домашней овце (*Ovis aries*).

⁷ Северо-восточное Приаралье, в частности районы Аральска, ныне и, вероятно, в древности — одно из мест обитания крупных стад сайги и других степных животных (см.: А. А. Слудский. Сайгак Казахстана. Тр. Института зоологии АН Казахской ССР, т. IV, 1955; С. С. Соколов. Материалы по экологии сайги. «Вестник АН Казахской ССР», 1951, № 3, стр. 143—151).

Л. А. ИВАНОВА

МОГИЛЬНИК ПОДСУХАНИХА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АФАНАСЬЕВСКИХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Число раскопанных афанасьевских могильников невелико, поэтому исследование и публикация каждого нового даже незначительного на первый взгляд памятника может представлять интерес.

Могильник Подсуханиха расположен на 1-й надпойменной террасе левой протоки Енисея, под горой Суханихой, в 7 км к юго-западу от с. Потрошилова Минусинского района Красноярского края. В нем учтено 14 афанасьевских могил, рассредоточенных по берегу на протяжении почти полукилометра (расстояние между двумя крайними могилами 2 и 6 достигает 450 м). Создается впечатление, что здесь по крайней мере два афанасьевских кладбища (рис. 20). Потрошиловский отряд (начальник А. А. Гаврилова)¹ раскопал семь афанасьевских могил (одну — в 1955, шесть — в 1960 г.²). Афанасьевские памятники определялись по отдельным камням, выступающим над поверхностью почвы и расположенным по кругу.

Могила 1. Под дерном развал из плит диаметром до 8 м (рис. 21). Под ним — ограда из горизонтально положенных плит девонского песчаника высотой до 0,2 м. Ее диаметр — приблизительно 6,5 м, ширина 0,3 м (рис. 22).

В центре ограды, над могилой, лежали каменные плиты на площади 4 м² частично в горизонтальном, частично в наклонном к центру положении. Под ними — остатки тонких бревен, лежащих в один ряд в направлении с северо-востока на юго-запад. Ниже была раскопана овальная могильная яма, ориентированная длинной осью с юго-запада на северо-восток. Ее размеры 3,4×4,6 м, глубина 1,2 м. В заполнении могилы на разных уровнях обнаружены отдельные человеческие кости, видимо подростка (лопатка, ребра, плечевая, две локтевых, позвонки). На дне могилы лежали потревоженные кости верхней части позвоночника, несколько ребер и одна из больших берцовых костей в сочленении с костями ступни. Большая берцовая кость лежала почти перпендикулярно позвоночному столбу. Остальные кости (ребра, позвонки, плечевая, лопатка, локтевая и лучевая) разбросаны по могиле. Положение потревоженных костей свидетельствует, что покойник лежал головой на юго-запад. Возможно, на спине, с подогнутыми ногами, которые затем упали вправо, повернув направо и верхнюю часть туловища (рис. 27). В восточном углу могилы — остродонный сосуд (рис. 32, 1).

¹ А. А. Гаврилова. Отчет об археологическом обследовании ложа водохранилища Красноярской ГЭС, произведенном Красноярской экспедицией ИИМК АН СССР; М. П. Грязнов. 1955 г. Архив ИА, Р-1, № 1673; Отчет А. А. Гавриловой о раскопках Потрошиловского отряда Красноярской экспедиции 1960 г. Архив ИА, Р-1, № 2202.

² В раскопках 1960 г. принимал участие и автор статьи.

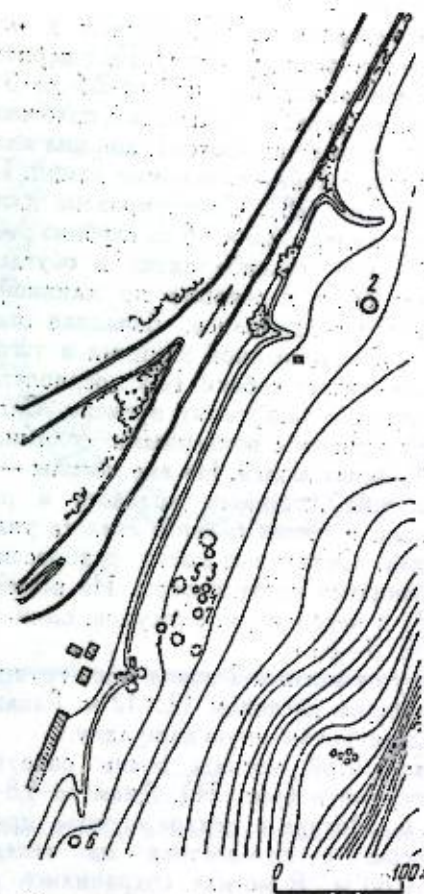

Рис. 20. Подсуханиха. Афанасьевский могильник. План

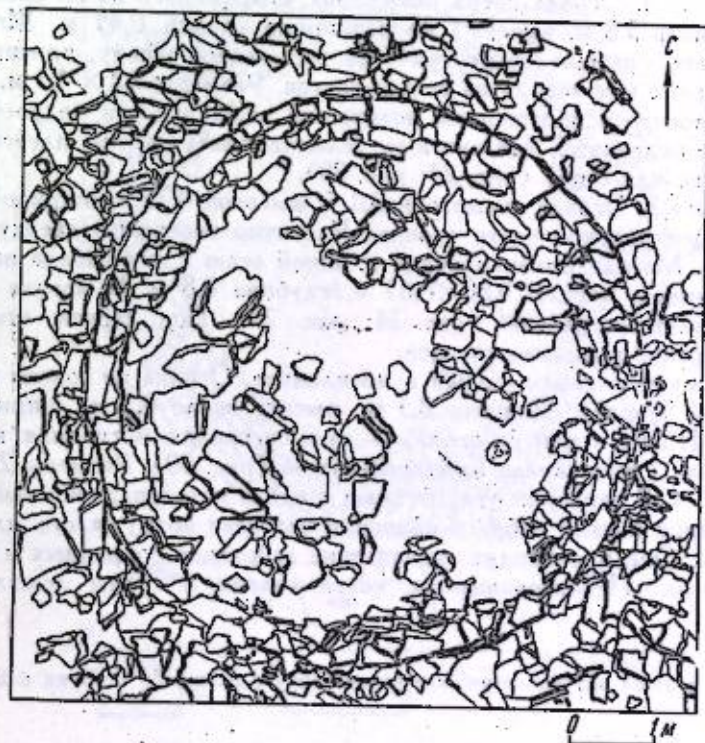

Рис. 21. Подсуханиха. Общий вид разваленной ограды 1 (после снятия почвенного слоя)

Могила 2. Самая северная из раскопанных в могильнике (могила 1 расположена в 300 м к юго-западу от нее). Под дерном лежал кольцевой развал плит девонского песчаника шириной от 2,5 до 3 м (рис. 23). Под ним — сохранившаяся часть ограды из плашмя положенных плит высотой 0,35 м, диаметром 12 м (с запада на восток), ширина кладки достигает 1 м.

В центре ограды, над могилой, — единичные камни. Под ними — прямоугольная могильная яма (рис. 28). Ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Размеры 2,6×3,6 м, глубина 1,47 м. У юго-восточного края могилы — большое зольное пятно и обуглившиеся трубчатые кости животных. Могила была перекрыта по длинной оси бревенчатым настилом, остатки которого сохранились. Западная стенка могилы нарушена ямой (глубина 1 м), заполненной камнями и тагарскими черепками. На дне ее среди камней — скелет собаки. Как предполагает А. А. Гаврилова, скелет собаки относится к тагарскому времени. Следует отметить, что кости собаки почти не пропитаны почвенными солями, очень светлые в отличие от костей погребенных людей. На дне могилы — кости двух человеческих скелетов — мужчины пожилого возраста и ребенка семи лет³. Сочлененные кости голени и стопы первого скелета указывают на юго-западную его ориентировку. Остальные кости разбросаны по могиле. На некоторых из них сохранились остатки охры. Из вещей найдены наконечник стрелы (рис. 32, 2) и черепки пяти сосудов, один из которых удалось реставрировать (рис. 32, 3—6).

В 275 м к юго-западу от могилы 2 находилась группа оград 3, 4, 5. Эти могилы исследовались общим раскопом 12×12 м. Развал плит под дерном образовывал почти сплошную каменную площадку.

Могила 3. Ограда этой могилы очень разрушена, отдельные ее участки не удалось проследить (рис. 24). Диаметр 5,8 м, высота в сохранившихся частях 0,25 м. Могила в центре ограды, прямоугольная, ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад. Размеры 15×1,02 м, глубина 0,80 м. В могиле сохранились разрушенные кости скелета ребенка семи-восьми лет (две бедренные, лопатки, ключица, позвонки, половина тазовой кости, рис. 29).

Могила 4. Ограда очень разрушена, сохранилась не по всей окружности. Диаметр 5,8 м, высота 0,25 м, ширина кладки 0,45 м. Могильная яма несколько смещена от центра ограды к северо-западу, ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Размеры 1,2×1,3 м, глубина 0,85 м. В могиле в нарушенном положении лежали кости подростка 11—12 лет (две бедренные, две лучевые, челюсть, часть черепа, плечевая, позвонки, ребра, ключица) (рис. 24; рис. 29).

Могила 5. Ограда диаметром 3,1 м, высотой 0,25 м, шириной 0,45 м. Могила в центральной части ограды. Частично перекрыта сверху массивной плитой. Могила ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Размеры могилы 0,80×0,65 м, глубина 0,8 м. В могиле обломки черепа двухлетнего ребенка (рис. 24; рис. 29). Под дерном этих оград найдены черепки тагарских сосудов.

Могила 6 — самая южная в могильнике. Ограда не совсем правильной круглой формы. Диаметр 8,5 м, высота около 0,3 м, ширина 0,8 м (рис. 25). Почти в центре ограды — прямоугольная могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 30). Размеры 2×1,3 м, глубина 0,8 м. В западном углу могилы и вдоль юго-западной стенки лежали компактной кучкой ребра и позвонки человека возмужалого или зрелого возраста. Они производят впечатление заботливо собранных и аккуратно сложенных. Непотроженные кости голени и стопы лежали вдоль

³ Здесь и далее антропологические определения сделаны А. Г. Вунч и В. В. Гиньбургом.

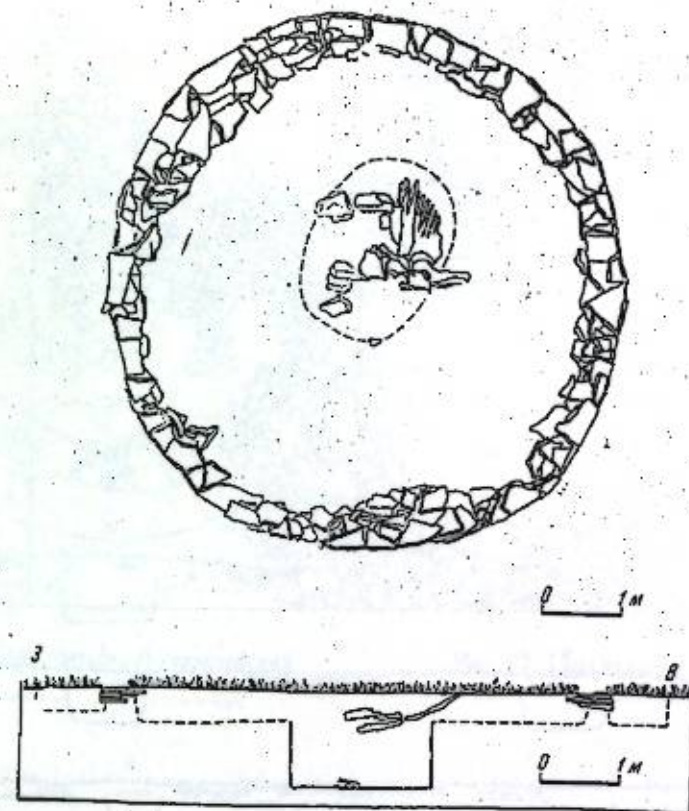

Рис. 22. Подсуханыха. План и профиль ограды 1 (после снятия развала)

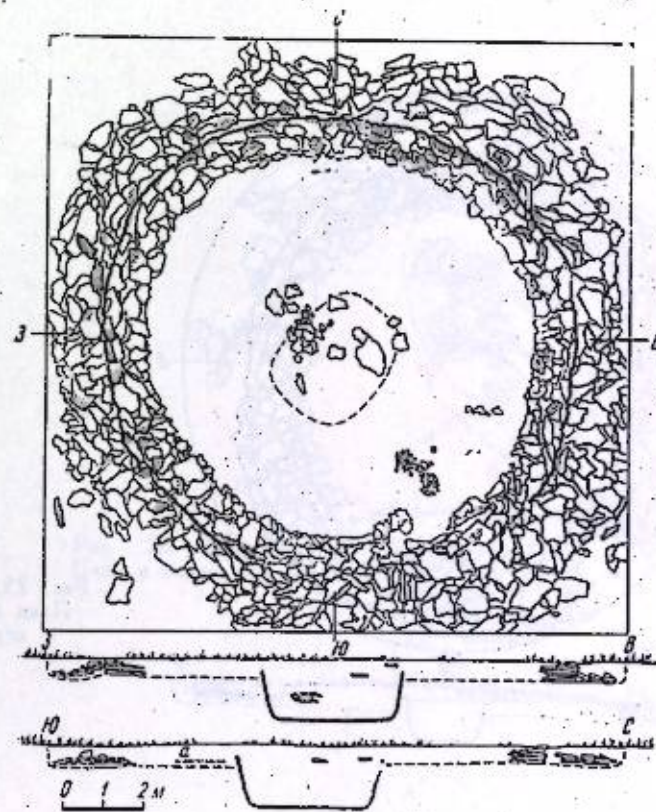

Рис. 23. Подсуханыха. План и профиль ограды 2

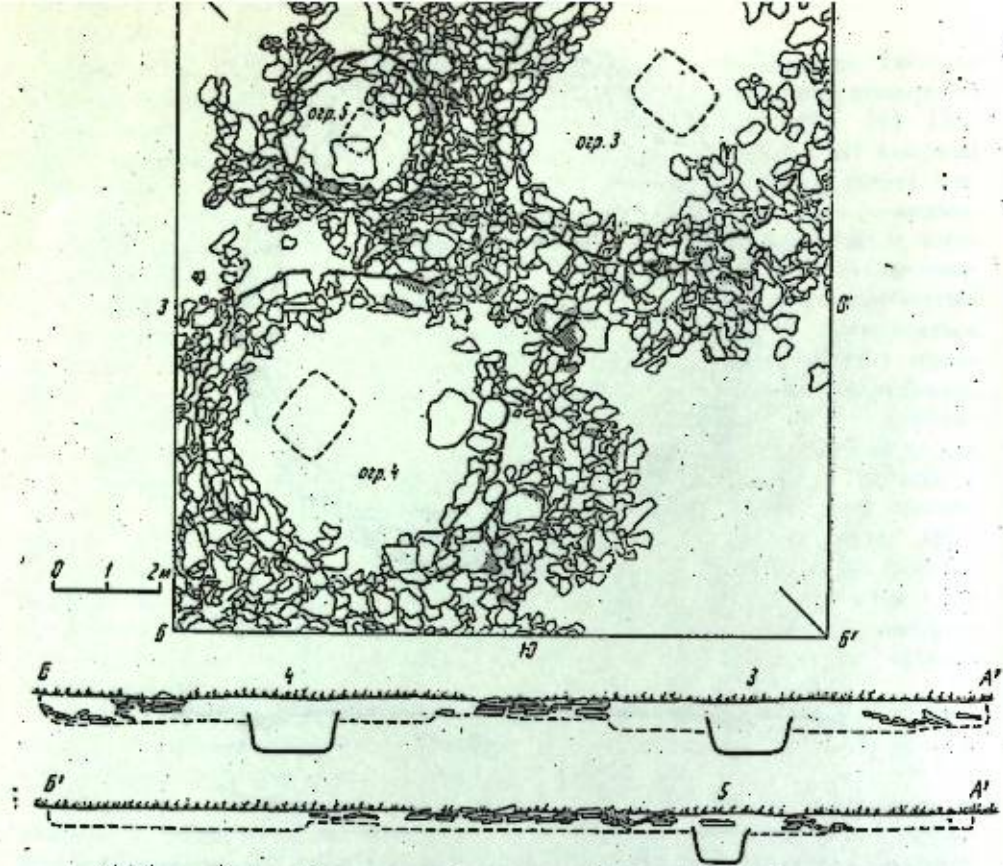

Рис. 24. Подсуханиха. План и профиль оград 3—5

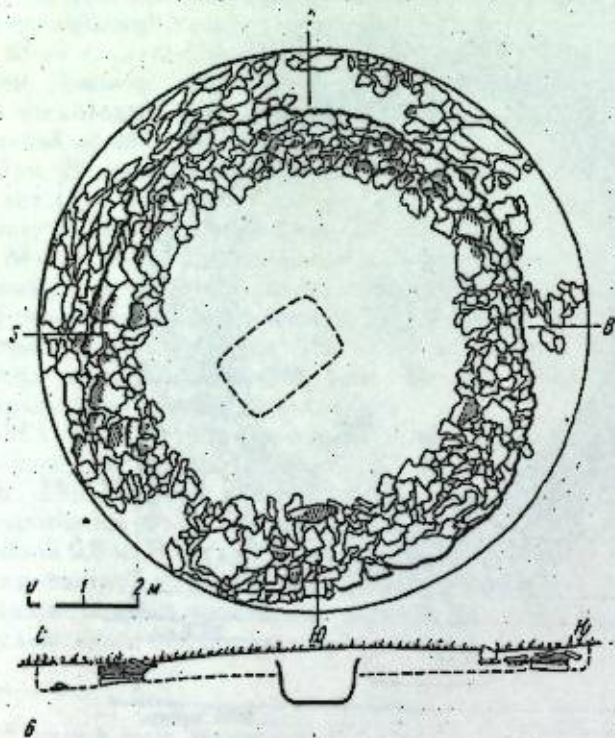

Рис. 25. Подсуханиха.
План и профиль
ограды 6

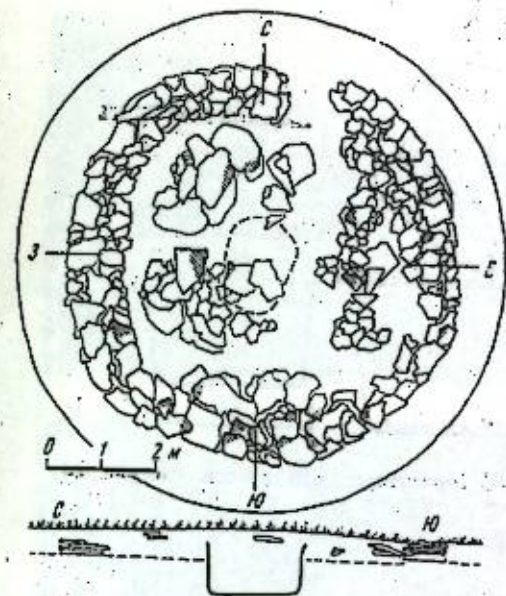

Рис. 26. Подсуханиха. Афанасьевский
могильник. План и профиль ограды 7

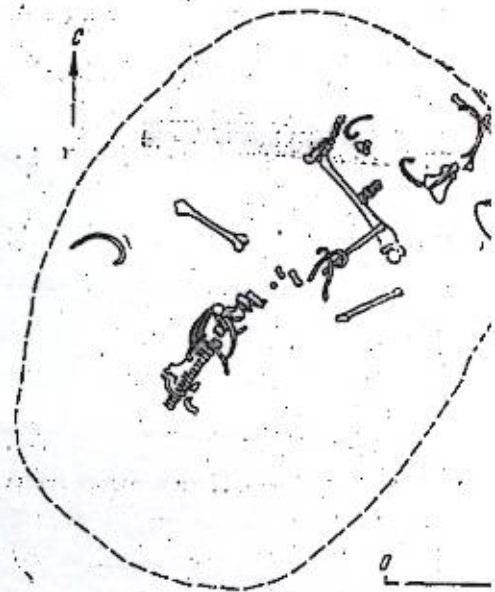

Рис. 27. Подсуханиха. План могилы 1

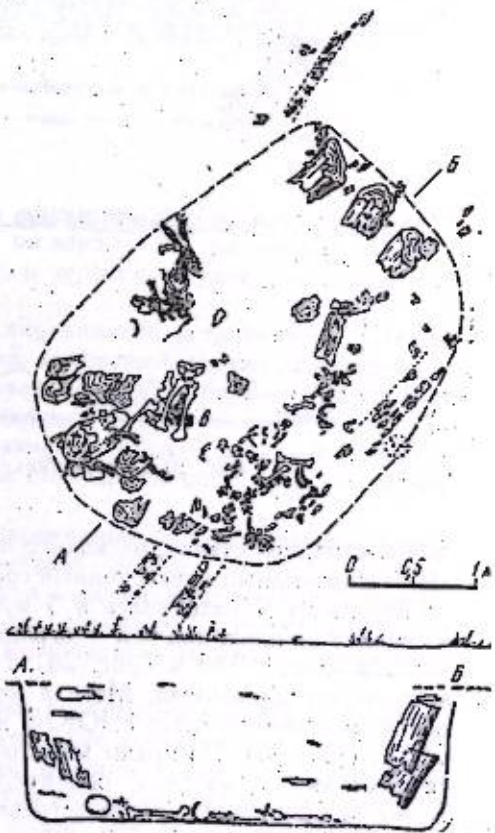

Рис. 28. Подсуханиха.
План и разрез могилы 2

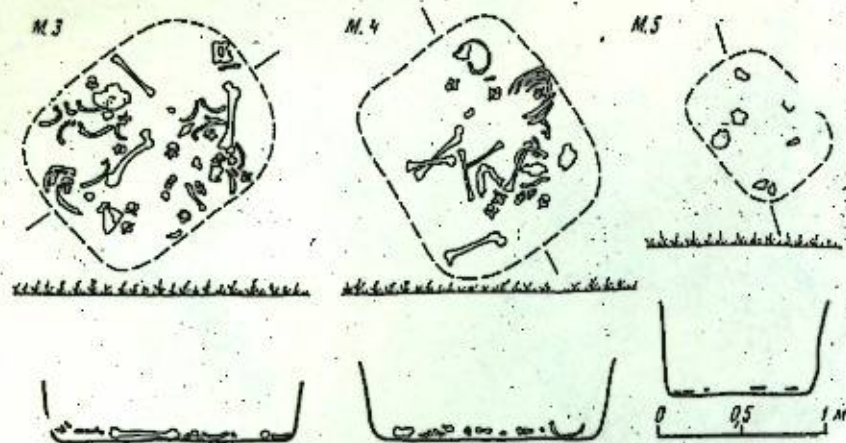

Рис. 29. Подсуханиха. План и разрез могил 3—5 (ориентировку этих могил см. рис. 24)

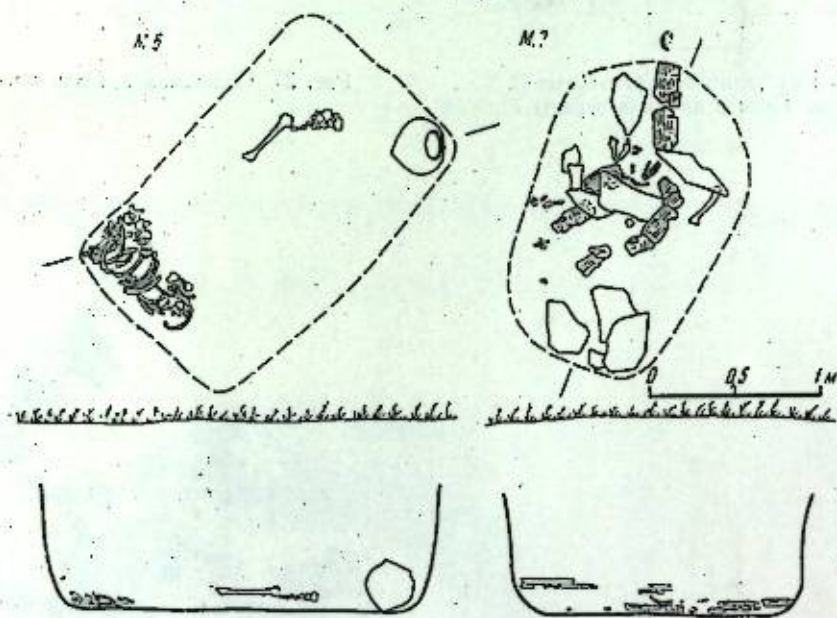

Рис. 30. Подсуханиха. План и разрез могил 6, 7

северо-западной стенки, несколько отступая от нее. В восточном углу могилы — шаровидный круглодонный сосуд (рис. 32, 7).

Могилы 3, 4, 5 находились в 5 м к югу от могил 6, 7. Под дерном — площадка из плит, под ней — ограда. Диаметр ограды 7,2 м, высота 0,25 м, ширина кладки 0,85 м (рис. 26). Над могилой развал из плит, к сожалению, не исследованный. Могила неправильной овальной формы, ориентированная длинной осью с ЮЮЗ на ССВ. Размеры 1,1×1,75 м, глубина 0,95 м (рис. 30). По краям могилы и в ней самой — остатки обуглившегося деревянного настила, ориентированного вдоль длинной оси могилы. В яме на различной глубине встречены кости женского скелета возмужалого возраста (позвонок, лучевая кость, нижняя челюсть и сохранившиеся анатомический порядок кости руки). В ограде найдена проколка из грифельной кости барана и сферическая тагарская бляшка вместе с тагарскими черепками.

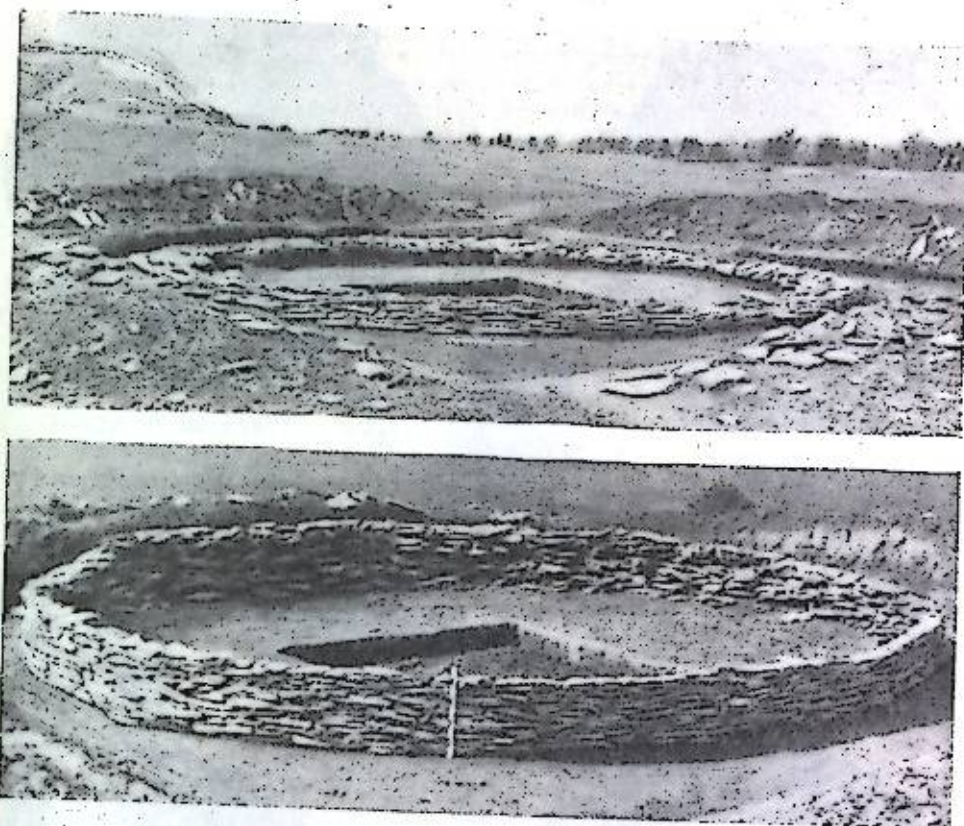

Рис. 31. Подсуханиха. Афанасьевский могильник
1 — сохранившаяся нижняя часть; 2 — ограда после реконструкции

Количество вещей, обнаруженных в афанасьевских могилах, невелико: наконечник стрелы треугольной формы из могилы 2 с выемчатым основанием, обработанный отжимной ретушью, и черепки сосудов, часть из которых удалось реставрировать.

Сосуд из могилы 1 (рис. 32, 1) — яйцевидный, остродонный. Следов лент не прослеживается. Венчик круглый, отогнутый наружу, наложен внутри сосуда. Прослеживаются следы поверхностной выбивки. Поверхности заглажены зубчатым штампом, ангобированы. Обжиг окислительный. Тулово орнаментировано отпечатками шагающей гребенки в виде вертикального зигзага. По внутренней и внешней стороне венчика, а также по его краю — косые насечки.

Сосуд из могилы 2 (рис. 32, 3) — шаровидный, круглодонный, с четко выраженным венчиком, немного отогнутым наружу. Хорошо прослеживается край донной ленты. Поверхности заглажены зубчатым штампом, ангобированы. Обжиг окислительный. Орнаментирован наклонными влево отпечатками зубчатого штампа в виде горизонтальных рядов, покрывающих верхнюю половину сосуда.

Обломки корчаги из могилы 2, видимо, аналогичны корчаге из Карасука III. Хорошо прослеживаются горизонтальные ленты-кольца с желобком на нижней части ленты и приотстренным верхним краем ленты. Ширина лент-колец 7—8 см. Обе поверхности сосуда заглажены зубчатым штампом, ангобированы, поверхностная выбивка, обжиг окислительный, орнамента нет, венчик не сохранился.

Фрагмент сосуда 3 из могилы 2 (рис. 32, 6) — шаровидный, видимо, круглодонный, венчик прямой, накладной, но не изнутри, а снаружи.

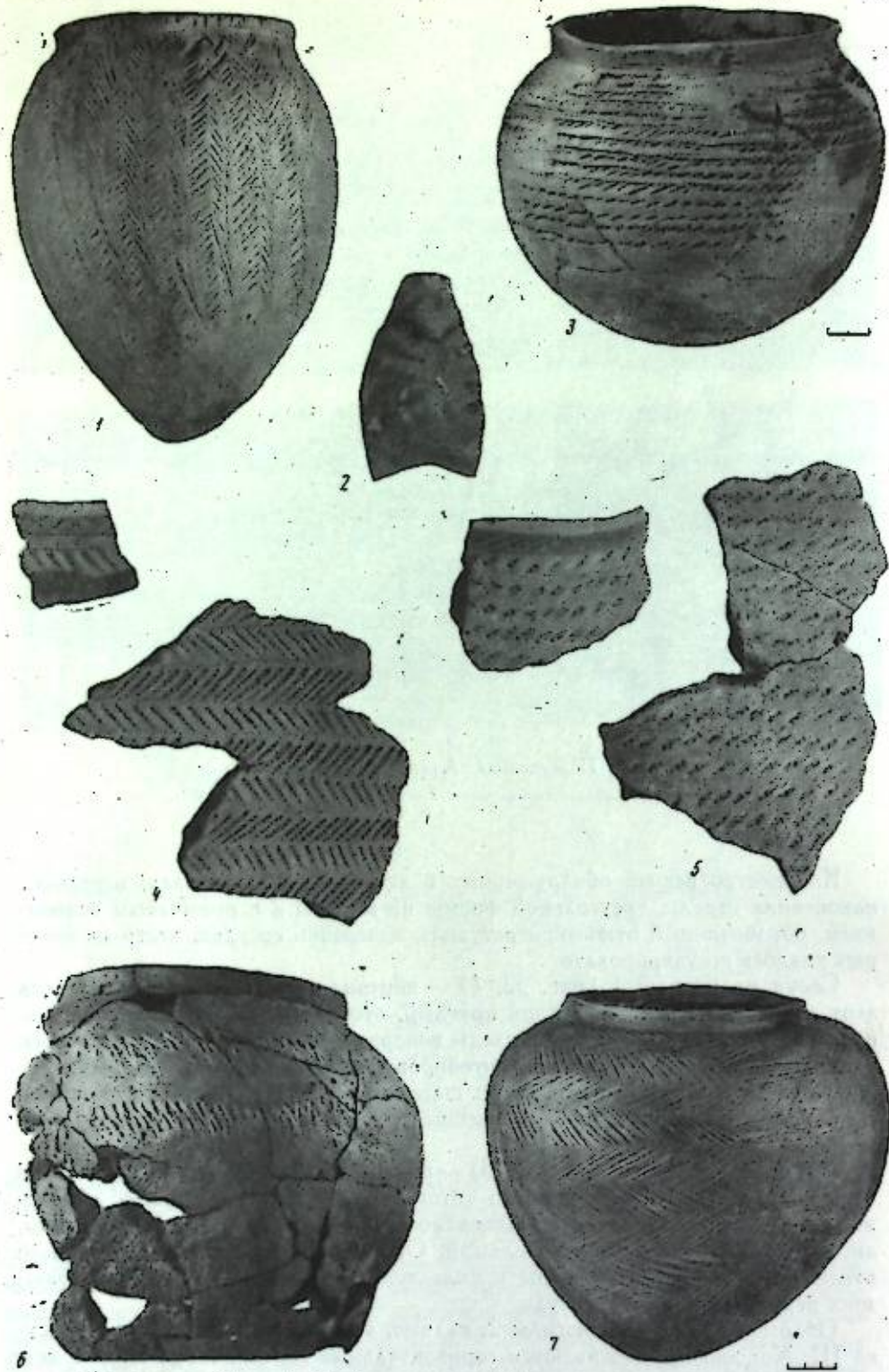

Рис. 32. Подсуханиха. Афанасьевский могильник, ограда 2

1 — сосуд из могилы 2; 2 — наконечник стрелы из могилы 2; 3 — сосуд из могилы 2; 4-6 — обломки сосудов из могилы 2; 7 — сосуд из могилы 6.

Сосуд ангобирован. Выбивка. Обжиг окислительный. Орнаментирован двумя горизонтальными рядами шагающей гребенки по плечам.

По черепкам сосуда 4 из могилы 2 форма не устанавливается. Венчик отогнут наружу, верхний край его прямой. Сосуд заглажен штампом, ангобирован, выбивка не прослеживается, обжиг окислительный. По наружной части венчика — решеточка, далее горизонтальный зигзаг, нанесенный зубчатым штампом. Внешняя поверхность черепка оформлена в виде ступенек (рис. 32, 4).

Черепки сосуда 5 из могилы 2. Видимо, остродонный, яйцевидной формы. Венчик небольшой, плохо выраженный. Сосуд заглажен штампом, ангобирован, выбивка не прослеживается, обжиг окислительный, орнаментирован горизонтальными рядами отпечатков зубчатого штампа, поставленного наклонно вправо (рис. 32, 5).

Сосуд из могилы 6 — шаровидный, круглодонный, с прямым венчиком, верхний край его скруглен. Поверхности заглажены зубчатым штампом — ангобированы. Поверхностная выбивка. Обжиг окислительный. Орнаментирован почти полностью двумя перемежающимися орнаментами: вертикальными полосами горизонтального резного зигзага и группами горизонтальных резных линий, пересеченных крест-накрест двумя такими же резными линиями (рис. 32, 7).

Как видно, не во всех могилах сохранился погребальный инвентарь. В четырех из семи раскопанных могилах ничего не было найдено, кроме человеческих костей. Тем не менее представляется, что все могилы афанасьевские. Их объединяет сочетание признаков, свойственных только этой культуре в данном районе: одинаковый тип круглых оград из горизонтально положенных плит девонского песчаника, грунтовые могильные ямы, перекрытые деревянным настилом или каменными плитами, расположение могил в центре оград, одинаковая ориентировка могильных ям (за исключением одного случая) с юго-запада на северо-восток, труположение умерших и юго-западная ориентировка их (в тех случаях, где это удается установить), керамика, где она есть, изготовленная в афанасьевской традиции. Все это позволяет считать раскопанные могилы афанасьевскими.

Перед отрядом А. А. Гавриловой стояла задача не только раскопать и зафиксировать собственно могилы, но и выяснить конструкцию афанасьевских надмогильных сооружений⁴. Афанасьевские памятники определялись по отдельным камням, выступающим над поверхностью почвы и расположенным иногда по кругу. Эти места предполагаемых афанасьевских памятников исследовались широким раскопом, захватывающим не только изучаемый объект, но и некоторое пространство за его пределами. После снятия дерна и почвенного слоя вырисовывались или широкое кольцо из плит девонского песчаника, или сплошной круг из плит (в зависимости от размера надмогильного сооружения — при небольшом диаметре — круг, при большом диаметре — широкое кольцо). Выяснилось, что внешняя часть таких колец (или кругов) состоит из плит черепицеобразно налегающих друг на друга наклонно наружу, часто в несколько рядов. Очевидно, плиты эти свалились с какого-то сооружения круглой формы, существовавшего ранее. Под развалами, внутри их, оказалась кладка, которую также тщательно расчищали. Она представляла собой во всех случаях круглую или близкую к кругу ограду, сложенную из нескольких рядов плит девонского песчаника, положенных горизонтально друг на друга без связующего материала. Ясно, что это — сохранившая первоначальный вид нижняя часть ограды. Развал же плит был развалом верхней части ограды, плиты которой при разрушении ограды сваливались наружу и черепицеобразно налегали друг на друга. Очевидно, что первоначальная высота ограды значительно превышала устанавливаемую при раскопках. Нижние, сохранившиеся

⁴ Задача сформулирована М. П. Грязновым, им же была предложена методика исследования и реконструкции надмогильных сооружений.

in situ части оград, позволили реконструировать их графически, а потом и практически.

В 1960 г. была сделана попытка восстановить высоту и внешний вид ограды 2. На непо потревоженную нижнюю часть ограды, достигавшую 35 см (рис. 31, 1), был аккуратно и равномерно сложен плитняк развала. Высота восстановленной таким образом ограды достигла 80 см (рис. 31, 2). Можно предполагать, что первоначально ограда была еще выше, так как, несмотря на хорошую сохранность, часть плит могла отсутствовать, часть — остаться в отвалах раскопа⁵.

В большинстве афанасьевских могильников были зафиксированы деревянные или каменные (иногда и то и другое) перекрытия могильных ям и над ними большое хаотическое скопление плит, вперемешку с землей. Исследование Красноярской экспедицией Афанасьевского могильника Карасук III (отряд М. Н. Комаровой) позволило разобраться в этих скоплениях плит над могилами. В нескольких случаях удалось зафиксировать непо потревоженные грабителями, сравнительно хорошо сохранившиеся сооружения, возведенные непосредственно над могилой. Выяснилось, что на перекрытии могильной ямы из земли возводили плоскую усеченную пирамиду или овальный в плане холм с плоской вершиной. По всей поверхности их облицовывали несколькими слоями плит. После сгнивания деревянного перекрытия, часть земли просачивалась в могилу, вслед за ней в образовавшуюся воронку сползали и плиты, накладываясь друг на друга. С другой стороны, надмогильное сооружение расплывалось вширь (как земля, так и плиты). В таком расплывшемся состоянии они достигали площади 36 м² (6×6) или 16 м² (4×4) при высоте 50—60 см. Разрушенные и задернованные, они создавали всхолмления, которые вместе с развалом ограды принимали плавные очертания невысокого кургана.

В целом же раскопки Подсуханихи и Карасука III благодаря примененной методике исследования позволили понять конструкцию афанасьевских надмогильных сооружений в других, ранее раскопанных пунктах. Дело в том, что в исследованных ранее памятниках поражало разнообразие типов надмогильных сооружений. Почти каждый вновь раскопанный могильник давал новый тип надмогильных сооружений. Их можно классифицировать следующим образом: 1) сплошной каменный круг, прикрывающий могилу (Афанасьева гора, раскопки С. А. Теплоухова); 2) невысокие курганные насыпи (высота от 0,45 до 0,55 м), на поверхности которых прослеживаются кольца из горизонтально положенных плит. Все эти курганы имели вершину в северной части. Каменные кольца поднимались на севере на вершину кургана, а на юге спускались до самой подошвы (Тесь I, II, Сыда, раскопки С. В. Киселева); 3) плоские курганы (высота от 0,15 до 0,6 м), окруженные каймой из плитняка, с примыкающей к окружности площадкой, также выложенной плитняком (Красный Яр, раскопки В. П. Левашовой); 4) земляные курганы с каменной наброской (Уйбат-Хулган, Бюрь II, раскопки Л. Р. Кызласова).

Хотя все названные афанасьевские памятники можно разделить по внешнему виду на курганные и бескурганные (причем высота курганов не превышает 60 см, т. е. равна высоте сооружения над могилой в ограде II Карасука III после расчистки), ясно, что курганный характер придавался памятнику развалом сооружения над могилой и что его имели те могилы, сооружения над которыми в силу каких-то причин разрушились не полностью. Это могилы в Теси I, Теси II, Сыде, Красном Яре, Уйбат-Хулгане, Бюри II, некоторые могилы Карасука III. Другие могильники — Афанасьева гора, Подсуханиха, часть могил Карасука III — полностью утратили курганный характер. Объяснить это можно тем, что эти могильники частично

(Карасук III) или полностью (Подсуханиха, Афанасьева гора) расположены на проезжих дорогах, что, безусловно, независимо от продолжительности существования этих дорог должно было повлиять на сохранность и характер надмогильного сооружения.

Что касается других указанных выше особенностей, то они также находят себе объяснение. Так, тесинские и сыдинские «кольца» представляли собой не что иное, как развалы оград из горизонтально положенных плит песчаника. Это понимал и С. В. Киселев, указывавший в каждом случае «глубину колец». И в данном случае вопрос лишь в термине. Наличие оград в Сыде было подтверждено и раскопками Красноярской экспедиции 1965 г., где картина была аналогична той, что и в Подсуханихе.

А такая особенность сыдинских и тесинских курганов, как вершина в северной части, поскольку она свойственна и карасукским, и тагарским курганам, раскопанным в Теси на одном могильном поле с афанасьевскими⁶, имеет, очевидно, естественное происхождение (наклон местности, направление господствующих ветров).

Сплошные каменные кольца Афанасьевой горы и земляные курганы Уйбат-Хулгана и Бюри, отсутствие той четкой картины, которую удалось увидеть в Карасуке III и Подсуханихе, объясняются особенностями строительного материала, из которого были сделаны надмогильные сооружения в этих пунктах. В них для строительства применялись не песчаниковые плиты, а рваные глыбы камня. Естественно, что необработанные камни с неровными бугорчатыми поверхностями (в отличие от почти идеально прямых плоскостей песчаниковых плит) представляли по сравнению с плитами значительно менее устойчивый строительный материал. Сооружения из такого камня разрушались быстрее, а в развале камней почти невозможно найти основание (нижние ряды оград). Кроме того, ограды под Афанасьевой горой расположены на дороге и, как правило, невелики. Поэтому при разрушении оград и сооружения над могилой образовывались «каменные диски» и «каменные круги».

Очевидно, что «кайма из плитняка» у курганов в Красном Яре является верхней частью развала плит оград, и так как памятник копали в «пределах видимого кольца», то не удалось проследить высоту этих оград. Боковые же выкладки курганов Красного Яра представляют собой, быть может, участки развала кольца, в силу каких-то причин обнажившегося в этих местах более, чем в других. Но не исключены в данном случае и другие объяснения.

Таким образом, исследование афанасьевских могильников в Подсуханихе и Карасуке III широким раскопом, с вертикальной и горизонтальной зачисткой плит, позволило увидеть и различить надмогильные и околomoгильные сооружения афанасьевских могильников, а также понять их в ранее исследованных памятниках. В результате можно с полной достоверностью утверждать, что в тех случаях, о которых шла речь, околomoгильные сооружения были одного типа и состояли из круглой оград, сложенной из песчаниковых плит или камня, и надмогильного сооружения овальной или прямоугольной формы, обложенного плитами или камнями, возводимого непосредственно на перекрытии могил.

⁶ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, стр. 13.

⁵ М. П. Грязнов. Работы Красноярской экспедиции. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 63, 64.

С. А. РАХИМОВ

АНДРОНОВСКАЯ СТОЯНКА И МОГИЛЬНИК НА Р. СЫДЕ
(КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)

До последних лет считалось, что памятники андроновской культуры в Минусинской котловине встречаются только в ее северной части и только к западу от Енисея (рис. 33). Предполагалось, что андроновские племена не дошли до Абакана и поэтому устанавливалась прямая генетическая связь между памятниками афанасьевской культуры в южной половине Минусинской котловины с памятниками дугавского типа, датируемыми послеандроновским временем¹. Однако в 1963 г. мною и Я. А. Шером был исследован могильник андроновской культуры на правом берегу Енисея у дер. Байкаловой, а в 1964 г. мною велись раскопки на могильнике и стоянке андроновской культуры² в 35 км к востоку от Енисея близ с. Белоярск. Значит и по восточную сторону Енисея степи также были заняты населением андроновской культуры. Несомненно, и южная часть Минусинской котловины тоже была заселена андроновцами. Могильник около улуса Подкунинского находится в самом начале абаканской степи, там, где долина Абакана смыкается с долиной Енисея. Находки же андроновской керамики в ряде пунктов около г. Минусинска (Самодуровка и Тагарский остров) и к югу от него (Знаменка)³ указывают, по-видимому, на широкое распространение памятников андроновской культуры не только около Абакана и Минусинска, но и по всей южной части Минусинской котловины.

Восточные памятники андроновской культуры — стоянка и могильник на р. Сыде — исследованы в 1964 г.

Стоянка, открытая в 1955 г. А. А. Гавриловой, находится на правом берегу р. Сыды, на восточной окраине с. Белоярск. Она занимает узкую полосу в 10—15 м, тянущуюся вдоль берега реки на 40—50 м. В 1964 г. исследован культурный слой стоянки на площади 80 м². Поселение, видимо, было недолговременным. В слое всего обнаружено 540 черепков, по числу вещей не менее чем от 81 сосуда с елочным и геометрическим орнаментом. Кроме этого, найдены зарытые в ямки два крупных раздавленных сосуда. Основная масса керамики принадлежит грубым баночным сосудам.

¹ Н. А. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3.

² Работы проводились Красноярской экспедицией, руководимой М. П. Грязновым. В работе отряда принимали участие: студентка ЛГУ археолог Е. В. Лапина, студент Академии художеств Ю. Комаров и учащиеся средней школы из г. Абакана.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 1927, стр. 83.

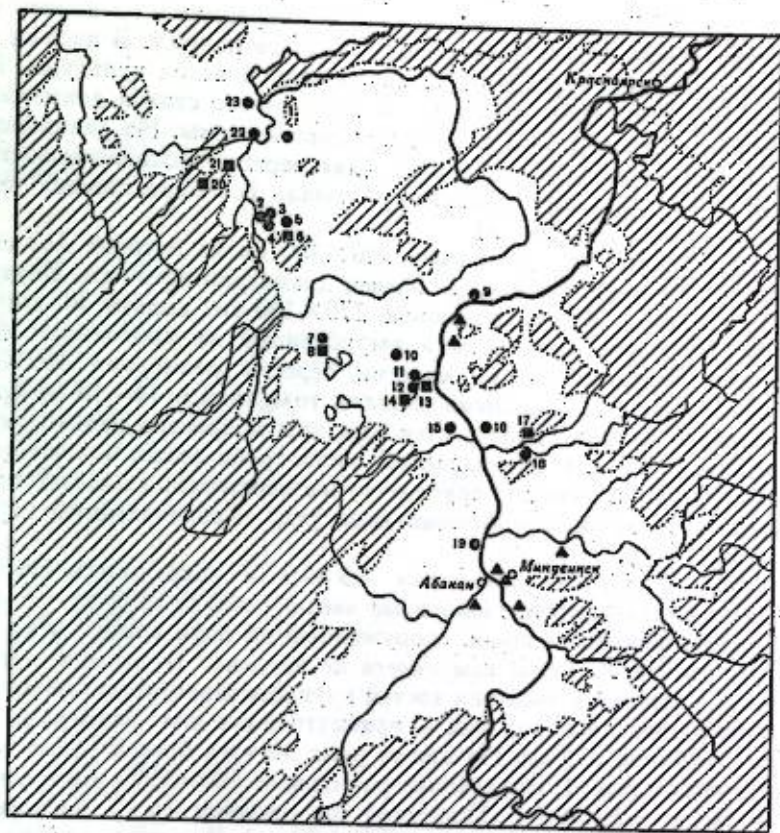

Рис. 33. Карта распространения памятников андроновской культуры

1 — дер. Андропова; 2—4 — Орак; 5, 6 — Ужур; 7, 8 — Солёноозерский; 9 — Пристань I; 10 — Сухое озеро; 11, 12 — Ярка I—II; 13 — Батеневская протока; 14 — Карасук V; 15 — Усть-Ерба; 16 — Камсика II; 17 — Белоярск; 18 — Ланин Лог; 19 — улус Подкунинский; 20 — Обьют; 21 — Ингольский ялгуч; 22 — Большаящучина; 23 — Михайловский (аружки — могильники; квадратики — поселения и стоянки; треугольники — отдельные находки керамики)

Нарядные горшки с геометрическим орнаментом представлены фрагментами всего лишь от пяти сосудов. В слое найдено также 24 черепка от 14 сосудов карасукской культуры.

Могильник Ланин Лог находится на левом берегу р. Сыды приблизительно в 2 км к юго-востоку от поселения, к которому, видимо, относится; расположен на краю высокой надпойменной террасы р. Сыды, около устья Ланина Лога, в 500 м к юго-западу от р. Кара-Сук, впадающей в р. Сыду. Могильник состоит из 18 курганов с кольцевыми оградками. Ограды сооружены из бутового камня, уложенного в несколько рядов, и едва видны на поверхности. Курганы обычно представляют собой плоскую насыпь над группой из двух, трех и четырех кольцевых пристроенных друг к другу оград. В северо-восточной части могильника находятся также два отдельно расположенных больших восьмикаменных кургана сарагашенского этапа. Здесь раскопано два кургана, содержавшие шесть могил (четыре взрослых и две детских). Помимо этого, в насыпи кургана 1 было найдено впускное погребение более позднего времени.

Курган 1. Плоская насыпь диаметром 15—16 м, высотой 30—50 см. На поверхности местами видны камни оград. Под насыпью четыре кольцевых ограды, пристроенные друг к другу. Судя по плану, первыми сооружены ограды могил 1 и 3, а позднее к ним пристроены ограды могил 2 и 4 (рис. 34, 2).

Могила 1. Ограда диаметром 6—7 м сохранилась на высоту трех—шести рядов камня. Некоторые камни свалились наружу. В насыпи найдены обломки орнаментированных черепков андроновской культуры. В юго-западном углу могильного пятна следы деревянного столба диаметром 6—8 см на глубине от 20 до 40 см от погребенной почвы. На различной глубине в насыпи найдены кости барана (два черепа, нижняя челюсть, две бедренных, три ребра, два позвонка) и лошади (обломки нижней челюсти, бедренная, обломки метаподии)⁴.

В прямоугольной яме размерами 300×180 см на глубине 320 см был деревянный сруб в один венец из бревен диаметром до 30 см. Внутренние размеры сруба 200×80 см, наружные 270×150 см, высота 30 см. Поперечные бревна сруба вставлены в вырубленные на продольных бревнах пазы. Бревна покрыты сверху листьями бересты размерами 100×30 см. Сруб покрыт пятью поперечными плахами толщиной в 14—18 см (рис. 34, 3, 4). Между бревнами сруба и стенками ямы набросано небольшое количество мелких камней. В юго-западной части сруба лежал большой камень размерами 50×40 см. На дне сруба — кучка пережженных костей человека на площади 70×60 см, а в юго-западном углу — раздавленный нарядный горшок (рис. 35, 1).

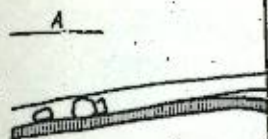
Могила 2. Ограда диаметром 5,5—5 м сохранилась на высоту пяти—семи рядов камней. Некоторые камни сползли наружу. У южной стенки ограды находился ящик, сооруженный из пяти камней. Размеры — 60×30 см, высота 30 см. В нем ничего не найдено. В насыпи встречены андроновские черепки и обломки костей крупного животного. Около южной стены ограды, частично под ней — прямоугольная яма размерами 240×240 см, глубиной 315 см. На дне ее рама из трех бревен (одна поперечная стенка отсутствует). Внутренние размеры ее 180×100 см, наружные — 220×120 см, высота 20 см. Покрытие не сохранилось. У юго-западной стенки сруба лежал большой камень (50×30 см). В могиле — кучка пережженных костей взрослого человека. В юго-западном углу — нарядный горшок (рис. 35, 2).

Могила 3. Ограда диаметром 6,5—5,5 м. Сохранилась на высоту до трех—шести рядов камня. В насыпи на глубине 60—70 см скелет годовалого младенца, погребенного на правом боку, головой ориентирован на северо-восток. Кроме этого, на разной глубине — разрозненные кости младенца двух лет. В южной части ограды на верхних камнях кладки найден бронзовый нож подгорновского этапа. В насыпи — андроновские черепки, кости лошади и коровы и обломок зернотерки. Прямоугольная яма размерами 240×260 см, глубиной 200 см. На дне сруб в один венец из бревен диаметром по 20—30 см. Устройство такое же, как и в могиле 1. Внутренние размеры его 170×80 см, наружные — 210×120 см, высота 30 см. Покрыт семью поперечными плахами. В могиле вертикально поставленный столбик диаметром в 10—12 см, верхний конец которого начинался с глубины 40 см, а нижний заостренный достигал покрытия сруба. Покрытие повреждено грабителями. На дне — разбросанные мелкие кусочки сожженных костей человека и фрагменты нарядного горшка (рис. 35, 3).

Могила 4. Ограда диаметром 6,5—6 м сохранилась на высоту до трех—шести рядов камня. В заполнении могильной ямы попадались камни, куски дерева, фрагменты горшка, кости животных.

На глубине 170 см сруб в один венец. Внутренние размеры его 200×100 см, наружные — 240×150 см, высота 20 см. Устройство такое же, как в могилах 1 и 3. Покрыт шестью плахами. Поверх дерева — слой камней. Могила разграблена. На дне — остатки жженных костей человека и фрагмент андроновского горшка, обломок которого был найден в заполнении могилы.

⁴ Определение костей животных в этом могильнике произведено М. П. Грязновым.

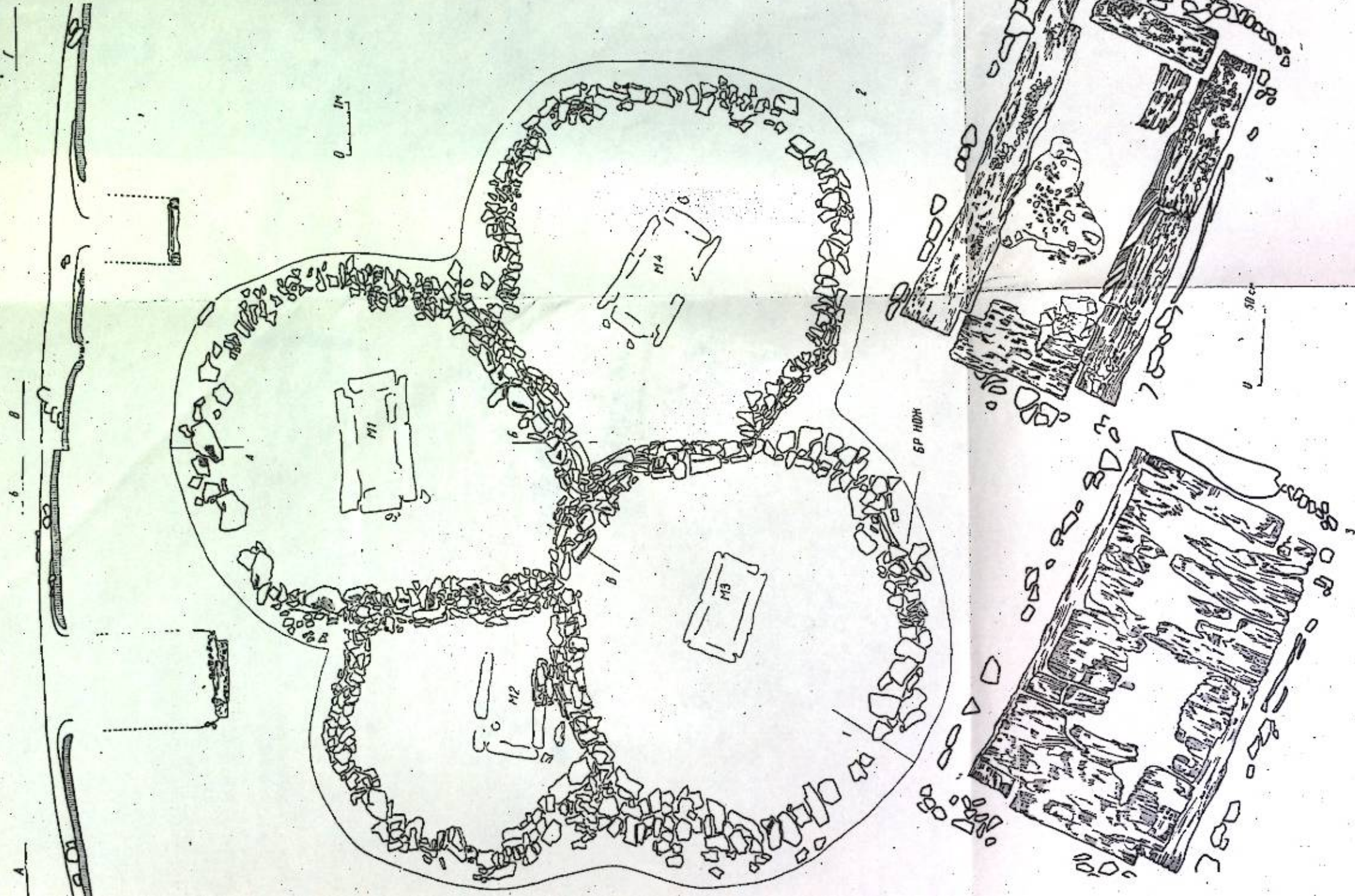

Рис. 34

1 — разрез мурла 1; 2 — общий план мурла 1; 3 — покрытие мурла 1; 4 — мурла 1

М
 шести
 ны об
 запад
 8 см
 бине
 бедра
 бедра
 В
 дере
 разм
 речн
 пазы
 Сруб
 3, 4)
 чести
 разм
 на п
 горц
 М
 пяти
 стен
 60×
 андр
 стен
 × 2
 ная
 220
 стен
 жен
 гор
 до
 дов
 сев
 ден
 бро
 кос
 мер
 диа
 ние
 кръ
 сто
 ны
 реж
 кос
 тре
 кус
 ×
 в
 М
 ме
 мо

Рис. 35. Сосуды из могильника Ланин Лог и из Белоярской стоянки
 1—3 — курган 1, могила 1—3; 4, 6 — курган 2, могила 1, 2; 5, 7 — стоянка

Курган 2. Круглая ограда без насыпи диаметром 4,4—5 м. Сохранились один-два ряда камней. Некоторые камни свалились внутрь ограды и наружу. В западной части ограды среди скопления камней найдены фрагменты сосудов и отдельные кости новорожденного (бедренная, тазовая), годовалого ребенка (две большие берцовые) и трехлетнего ребенка (локтевая, фрагменты черепа, ребро). По-видимому, это остатки разрушенных грабителями трех детских могил.

Могила 1. На глубине 110 см сруб в один венец, очевидно, был сделан из бревен диаметром 30—35 см. Внутренние размеры 100×45 см, наружные — 145×105 см, высота 35 см. Покрыт тремя широкими плахами. Устроен так же, как и в могилах 1, 3 и 4 кургана 1. На дне лежал скелет ребенка полутора лет в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. У головы лежал баночный сосуд (рис. 35, 6).

Могила 2. За оградой, в ее юго-западной части, каменный ящик, сооруженный из десяти камней неправильной формы. Внутренние размеры его 100×50 см, наружные — 130×75 см, высота 35 см. Покрытие разрушено грабителями. На дне — неполный скелет ребенка двух лет, судя по

⁴ Определение костей животных в этом могильнике произведено М. П. Грязновым.

положению черепа и некоторых костей, лежавший головой на восток. У северной стенки ящика была найдена бронзовая пластинка. Справа в головах баночный сосуд (рис. 35, 4).

Исследованный могильник по форме и внешнему виду надмогильных сооружений аналогичен могильникам андроновской культуры Минусинской котловины, таким, как Орак, Ярки II, Пристань I, улус Подкуниинский, Каменка II, а также могильнику у с. Федоровки в Зауралье.

В прямоугольных ямах глубиной от 1,5 м до 3,7 м сооружены срубы в один венец из бревен диаметром в 20—30 см. Как и в ораком могильнике, на концах продольных бревен делались пазы, куда вставлялись ровно срезанные концы поперечных бревен. Было и более простое устройство могилы — рама из четырех плотно подогнанных друг к другу бревен. Для укрепления сруба вокруг него набрасывали мелкие камни. В головной части ставили обычно крупные камни. Срубы прикрывались поперечными широкими бревнами, иногда широкие бревна чередовались с узкими плахами.

В могилах 1, 3 кургана 1 на перекрытиях в головной части сохранились следы деревянных столбов диаметром 10—12 см. Следы столбов от погребенной почвы доходили до покрытия. Аналогичные деревянные столбы встречены в могильнике Каменка II. Они известны также в Казахстане и Приуралье: Боровое, ограда 8 и 14⁵, могильник Мало-Кизилский 1 близ Магнитогорска⁶; могильник Бугулы дандыбай-бегазинского периода в Центральном Казахстане⁷. В андроновском могильнике Предгорный, на Иртыше, раскопанном в 1964 г. С. С. Черниковым, в одной могиле находился каменный столб⁸.

Могильная яма засыпалась землей и поверх нее устраивалось небольшое сооружение из кусков дерна или земли. Со временем земляное сооружение разрушалось, расплзалось, сравнивалось с развалившейся оградой и окружающей землей. К моменту раскопок насыпь была высотой до 30—50 см или меньше.

Во всех могилах кургана 1 основной погребальный обряд — трупосожжение. Видимо, сожжение производилось не в могиле. В могиле 3 внутри ограды в 2 м к северу от могилы найдены следы костра и мелкие человеческие жженные кости. Возможно, что здесь погребенного сожгли внутри ограды. Надо отметить, что по всей области распространения андроновской культуры неизвестно случаев трупосожжения в детских могилах. Видимо, трупосожжение применялось только при погребении взрослых.

В могильнике Ланин Лог детские могилы сооружались отдельно от взрослых. Это не единичное явление. Отдельные детские кладбища известны в могильниках этого времени в Минусинской котловине: Ярки I, Сухое озеро 1⁹; детское кладбище находится недалеко от кладбища взрослых (курган 436, Л, Г, Т, П, М)⁹. Отдельные детские кладбища встречены на Верхней Оби¹⁰.

Друг к другу пристроенные могилы в кургане 1 дают основание предполагать, что это семейная группа могил. Такие курганы известны в могильниках Орак (курганы «А», «В»), Каменка II (ограда 24), Сухое озеро (курган 16) и в могильниках Зауралья.

В Минусинской котловине могилы с трупосожжением располагаются обычно группами, параллельно в ряд, на что обратил внимание Сальников.

⁵ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. V, 1958.

⁶ Устное сообщение К. В. Сальникова.

⁷ Устное сообщение К. А. Акишева.

⁸ С. С. Черников. Сообщение в секторе Средней Азии и Кавказа (13.XI 1964 г.).

⁹ Г. А. Максименков. Отчет о раскопках Черновского отряда Красноярской экспедиции за 1964 г. Архив ИА, Р—1, № 2958.

¹⁰ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956.

Погребальный инвентарь могильника Ланин Лог сравнительно беден. В каждой могиле в головах скелета находится по одному глиняному сосуду. Только в одной детской могиле найден обломок бронзовой пластинки. В шести могилах обнаружено четыре целых сосуда, в двух могилах сохранились лишь фрагменты орнаментированных горшков.

В могильнике представлена керамика двух типов — банки и горшки. Баночные сосуды небольшого размера, сравнительно грубо отделаны. Один из них украшен рядом ямочных вдавлений (рис. 35, 4). Другой покрыт елочным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 35, 6).

Горшки характерной андроновской формы, со сложным геометрическим орнаментом, несколько отогнутым наружу венчиком, с плавным переходом от шейки к тулову. Венчик горшков орнаментирован рядом заштрихованных треугольников. Шейка украшена двумя рядами заштрихованных треугольников, на тулове — фестоны. У дна — ряд заштрихованных треугольников (рис. 35, 1, 2).

Следует отметить, что сосуды из Ланина Лога несколько беднее по орнаменту, чем в могильниках Орак и Пристань I. Они принадлежат к федоровскому этапу андроновской культуры. Ближайшие аналогии могильник Ланин Лог находит среди могильников андроновской культуры в Минусинской котловине.

Могильник и стоянка, исследованные на р. Сыде, интересны тем, что являются пока самым восточным пунктом нахождения памятников андроновской культуры.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

ЛИПОВАЯ КУРЬЯ — ПОСЕЛЕНИЕ «АНДРОНОИДНОЙ»
КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Андроновскими племенами были освоены протянувшиеся на огромное расстояние от Урала до Енисея те участки зоны степей и частично лесостепей, которые были наиболее пригодны для их хозяйства. Вблизи от них обитали потомки лесных неолитических племен. На юге Урала, в частности в Озерном крае Зауралья, где сохранилась растительность таежного типа, обитали племена, культура которых на основании сходства с андроновской нередко называется «лесным андроном».

К. В. Сальников исследовал памятники этих племен и выделил, вначале как вариант андроновской, черкаскульскую культуру, разделенную на три последовательных этапа, сопоставленных с этапами развития андроновской культуры¹.

Изучение характера взаимоотношений племен андроновской культуры с соседними этническими группами является наиболее сложным вопросом в древней истории Западной Сибири.

В силу большого территориального распространения андроновская культура должна была распасться на варианты. В то же время андроновские племена в культурно-хозяйственном и социальном отношении оказывали значительное влияние на соседние инородные культуры вплоть до ассимиляции их. Наряду с вариантами андроновской культуры и культурами, находящимися под ее непосредственным влиянием, существовали культуры синстадиальные андроновской, т. е. синхронно и аналогично, хотя и своеобразно, развивавшиеся на основе взаимного обогащения.

В каком же из перечисленных взаимоотношений находятся лесная черкаскульская и степная андроновская культуры? Решение поставленного вопроса возможно только после окончательного выяснения восходящих генетических связей этих культур, а также их хронологического соотношения. Способствовать этому могут результаты раскопок одной из стоянок черкаскульской культуры, расположенной в таежной части Миасского района Челябинской обл.

Стоянка находится в глухом лесу, на берегу протоки, соединяющей округлый по очертаниям залив Липовая Курья с основным акваторием Большого Миассового озера². Следы ее были обнаружены Л. М. Цецевин-

¹ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. «Вопросы археологии Урала», вып. 6, 1964; он же. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии. «Археология и этнография Башкирии», т. II, Уфа, 1964; он же. История Южного Урала в эпоху бронзы. М., 1965.

² Местом стоянки является территория Ильменского государственного заповедника им. В. И. Ленина, где вырубка леса запрещена. Поэтому площадь раскопок ограничена свободными от больших деревьев участками.

ским в 1960 г. В 1961 г. стоянка была обследована, а в 1962—1963 гг. раскопана Южноуральской экспедицией ЛОИА, работавшей под руководством Л. Я. Крижевской. Раскоп площадью 128 м² был заложен на ровном участке небольшого мыса между крупными деревьями. Вдоль кромки воды тянется древний береговой песчаный вал. В глубине берега на поверхность выступают скальные выходы. Поэтому стратиграфия, оставаясь в общем однородной на всем раскопе, значительно различалась по толщине напластований. Под дерново-почвенным слоем (0,08—0,10 м) залегал розовый песок. На участках раскопа, удаленных от берега, его толщина уменьшалась до 0,04—0,08 м, а далее слой совсем выклинивался. В средней части раскопа его мощность равнялась 0,20—0,30 м, а по направлению к кромке берега она резко увеличивалась за счет падения материкового слоя, состоящего из скальных пород и рухляка. В дерново-почвенном слое находки носили случайный характер. В верхней части розового слоя около очагов, сложенных из камней, встречались обломки сосудов, относящихся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и рубежу н. э. Особый интерес представляют находки изделий черкаскульской культуры, сосредоточенные в нижней части этого слоя, в основном на глубине в 0,20—0,25 м. Здесь были отмечены второй горизонт залегания очажных камней и приуроченная к ним тонкая гумусно-углистая прослойка. С нижним культурным горизонтом связаны остатки жилища полуземляночного типа, контуры которого хорошо прослеживаются по черному от примеси угля и зольных включений заполнению его котлована. Еще до начала раскопок на месте жилища прослеживалось углубление. В нем была устроена одна из волчьих ям, при рытье которых и было обнаружено поселение. Здесь наблюдалась следующая стратиграфия: дерново-почвенный слой 0,08 м; розовый песок 0,2 м; черный углистый песок заполнения 0,14—0,20 м, который лежит на материковом рухляке или озерном песке.

Жилище имело прямоугольную форму и расположено так, что стены его ориентированы почти по странам света (рис. 36). Длина северной стены 5,10 м, восточной 4,50 м, южной 5,24 м и западной 3,60 м. Площадь жилища около 23 кв. м. В юго-восточном углу находится вход в виде траншеи шириной в 0,75 м, полого поднимающийся вверх и обращенный в сторону берега. Жилище было вскрыто на участке, примыкающем к скальным выходам, и большая часть его пола углублена в рухляк. Только юго-восточный угол жилища был вырыт в песке. Различная структура грунта, в котором было вырыто жилище, нашла отражение и в характере стен. Западную стену ограничивают две крупные глыбы, пространство между которыми заполнено материковым рухляком и мелкими камнями. Край глыб обтесаны, чтобы создать ровную линию. Высота стен 0,55 м. Северная стена у основания сложена рухляком. Верхняя ее часть состояла из песка, установить ее истинную высоту не удалось. Хорошо сохранились северо-восточный угол жилища и восточная стена, хотя они образованы главным образом крупным песком берегового вала. Высота стен здесь доходит до 0,64—0,68 м. Южная стена также была устроена почти на всем своем протяжении в песчаном грунте, и край жилища выявлен здесь только по черному заполнению. Стены сделаны почти отвесными: их наклон 65—68°. Укреплялись они жердями, остатки которых в виде углей прослежены вдоль стен. Одни жерди (их диаметр по наиболее сохранившимся обугленным кускам достигал 4—5 см) располагались вертикально, другие — горизонтально. Вдоль стен обнаружены ямки от столбов. Диаметр их 13—16 см. Столбы были врыты на глубину в 16—20 см и служили, видимо, опорой для крыши и облицовки стен. Две ямки от столбов, поддерживавших кровлю, были найдены около волчьей ямы, разрушившей центр жилища. Возможно, что столбов было больше, но их следы уничтожены ямой.

В южной стене около входа имеется апсидообразное углубление. В нем по стене поставлена плита гнейсо-гранита, а на песчаном полу отмечено

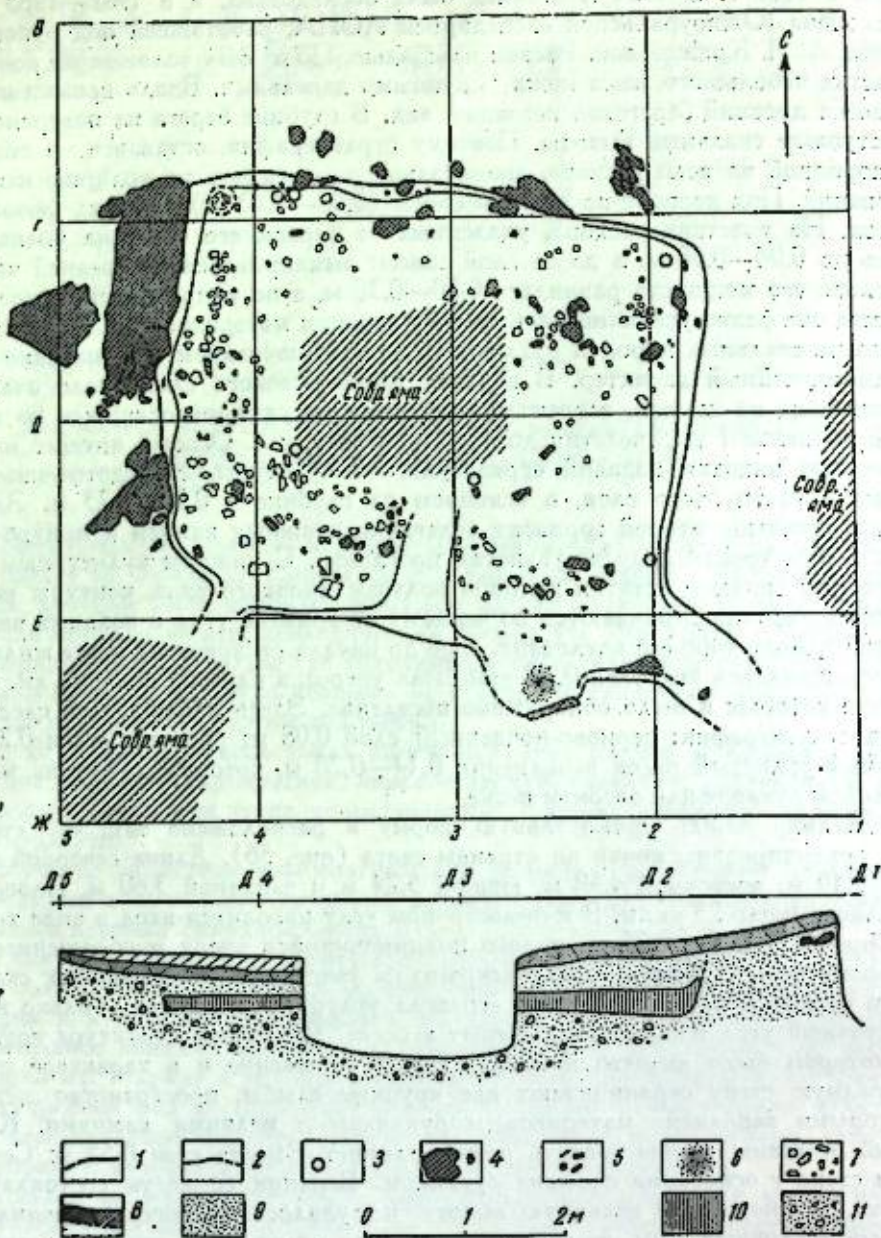

Рис. 36. Стоянка Липовая Курья. Жилище. 1 — план; 2 — разрез

Условные обозначения: 1 — верхний контур жилища; 2 — нижний контур жилища; 3 — следы ямок от столбов; 4 — камни; 5 — различные изделия; 6 — очажное пятно; 7 — обломки сосудов, лежащие на дне жилища; 8 — дерново-почвенный слой; 9 — песок; 10 — углистое заполнение жилища; 11 — рухляк

интенсивной окраски пятно от кострища. Вблизи очага следов жердей, укрепляющих стены, не отмечено, а заполнение имело слабую окраску от угля. Это, а также присутствие плиты, объясняется, видимо, боязнью строителей укреплять стены около очага деревом.

В верхней части заполнения находки встречались редко. Вся их основная масса найдена в нижней части слоя, на контакте с материком, служившим полом. Найдены в основном из крупных обломков плоскодонных горшков. Вперемешку с ними залегали глиняные «пуговицы» с отверстиями и их заготовки: куски слюды и талька, применявшегося в качестве

гончарной примеси и для лощения, кремневые отщепы. В распределении находок в жилище следует отметить следующее: около кострища находок почти не было; вблизи северной стены черепки горшков найдены в небольшом количестве, зато вдоль нее были сосредоточены другие изделия. Среди них — эллипсовидной формы кусок талька с желобком, напоминающий выпрямитель древков, сделанный из глины шарик с насечками, образующими крестик и другие менее ясные начертания, выполнявший, по-видимому, роль вюрфеля — гадательного камушка. Еще один такой же предмет обнаружен вблизи кострища. У северной стенки найден клык волка, обломки резцов бобра. Самой интересной находкой, обнаруженной здесь, являются две створки литейной формы. Кроме того, из жилища происходят два грубых скребла, рыболовное грузило, мелкие кремневые скребки. Среди углей — остаток жердей, укреплявших западную стену, — был найден единственный металлический предмет — бронзовое четырехугольное острие, служившее, вероятно, шилом.

Раскопанное жилище представляет собой полуземлянку, углубленную на 0,5—0,7 м в материк. Наземная часть ее была сделана из дерева и присыпана землей. Кровля опускалась на центральные столбы. Кострище, обнаруженное у входа, не имело хозяйственного значения. Возможно, для этих целей служили очаги вне жилища, а также несохранившийся очаг в центре его. В северо-восточной половине жилища, где найдены вюрфель, литейная форма и другие вещи, не имеющие бытового значения, располагался жилой комплекс, а в юго-западной части, где находки состоят в основном из горшков, — хозяйственный. Судя по характеру находок, жилище существовало не более нескольких лет и погибло во время пожара. Черное заполнение образовалось от смеси углей сгоревшей облицовки стен, крыши и песка.

Большинство находок, аналогичных происходящим из жилища, было обнаружено к югу от него, вблизи остатков трех очагов. Рядом с одним из них был найден вкопанный старый горшок, прикрытый днищем другого сосуда. В этой своеобразной духовке и около нее были в большом количестве обнаружены кости щуки, плотвы и окуня³.

К юго-западу от жилища расположен зольник. В жилище найдены крупные фрагменты примерно 25 горшков. Вместе с сосудами нижнего горизонта культурных напластований они составляют единую по пропорциям и характеру орнамента группу. Все они имеют невысокую горловину, округлый край слегка отогнутого наружу венчика, пологие выпуклые плечики и небольшое плоское дно. В качестве примеси к глине использованы кусочки талька. Лепились сосуды ленточным способом, с соединением лент в стык. Наиболее распространенный диаметр венчиков 20—28 см, но имеются и небольшие горшки с диаметром венчика в 11—13 см. Богатый геометрический орнамент покрывает только верхнюю половину сосуда. Выполнен он при помощи прочерченных линий, наколов и реже оттисков гребенчатого штампа. Размещение узора строго зональное, отличающееся на горловине и плечиках. В украшении горловины часто применяются желобки и валики. Между ними часто помещались зигзаг с заштрихованными углами и опоясывающие ряды наколов или косых нарезок. На плечиках горшков располагались опоясывающие прочерченные зигзаги и зигзагообразные ленты, заполненные косо расположенными нарезками или гребенчатыми отпечатками. На ряде сосудов встречен меандровый орнамент, составленный аналогичными лентами, который кажется естественно образующимся из зигзагообразного орнамента. Иногда накольчатые ямки сопутствуют зигзагообразным лентам, напоминая бахрому. Изредка на плечиках встречаются ромбы из прочерченных или желобчатых линий (рис. 37).

³ Определение Е. А. Цепкина.

По форме и орнаменту эта керамика близка сосудам федоровского этапа и полностью укладывается в описание керамики раннего этапа черкаскульской культуры, данное К. В. Сальниковым⁴. В украшении керамики из липовокурьевского жилища наблюдаются приемы построения орнамента и части его узора, которые типичны для поздненеолитических культур Зауралья. Несмотря на близость к сосудам федоровского типа андроновской культуры, описываемая керамика не имеет такого характерного признака, как «косые» треугольники. Все это соответствует наблюдениям К. В. Сальникова.

Большой интерес для изучения металлургии племен «лесного андрона» имеет находка литейной формы (рис. 38). Она состоит из двух сходных брусков талько-пегматитового сланца и предназначена для изготовления желобчатого долота с округлой сомкнутой втулкой. Ранее створки этой литейной формы служили для отливки трех других изделий: листовидного с черешком ножа, непонятного по назначению (нож? кородер?), кинжалоподобного орудия с полукольцом для крепления и еще какого-то предмета, но потом были отрезаны и переделаны. Желобчатое долото, изготовленное в этой форме, имело длину в 9,7 см, диаметр втулки 2,5 см, длину желоба — 7 см. Оно отличается от близких ему по пропорциям долот Европейской части СССР и Урала наличием богатого орнамента, что приближает это орудие к кельтам. Орнамент на долоте подобен оформлению горловин сосудов, найденных совместно с литейной формой. Из кельтов по форме втулки и ее украшению к липовокурьевскому долоту ближе всего кельты Дербедьского клада⁵.

Появление втульчатых долот принято датировать началом I тысячелетия до н. э. Однако не следует растягивать промежуток времени между появлением в лесном Приуралье и Зауралье кельтов и сходных с ними по принципам изготовления втульчатых долот. Об этом говорит совместное нахождение липовокурьевской литейной формы с керамикой черкаскульского типа, синхронизированной К. В. Сальниковым с материалами федоровского этапа андроновской культуры.

Археологические материалы, полученные в последние годы, позволяют отнести нижнюю границу алакульского этапа по крайней мере к XV в. до н. э.⁶ Соответственно удревняется датировка памятников федоровского этапа и, следовательно, сопоставляемых с ними памятников черкаскульской культуры. Данные археологического анализа подтверждают абсолютной датировкой, полученной на основе радиоуглеродного анализа угля из сгоревшего жилища описываемой стоянки. Время его существования определяется XVII—XVI вв. до н. э. (3590 ± 90)⁷. Таким образом, литейную форму втульчатого желобчатого долота и сопровождающую его керамику черкаскульского типа можно датировать второй четвертью II тысячелетия до н. э., однако XIII в. до н. э. представляется более реальной датой.

Исследование стоянки Липовая Курья показало, что ее начальное существование следует относить к раннему этапу развития черкаскульской культуры. Небольшие размеры полуземлянки и всего поселения значительно отличают этот памятник от андроновских поселений и типичны для лесных культур неолита и ранней бронзы. Они свидетельствуют о том, что здесь обитал небольшой хозяйственный коллектив наподобие патриархальной семьи. По своей культуре обитатели Липовой Курьи, как и все чер-

⁴ К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы, стр. 11—14; он же. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии, стр. 77.

⁵ Н. И. Бульчев. Древности из Восточной России, М., 1902, табл. VI, 1.

⁶ Э. А. Федорова-Давыдова. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. «Археология и этнография Башкирии», т. II, 1964; она же. Андроновские погребения XV—XIII вв. до н. э. Тр. ГИМ, вып. 37, 1960.

⁷ Анализ произведен в радиоуглеродной лаборатории ИА АН СССР, РУЛ—633, обр. 329.

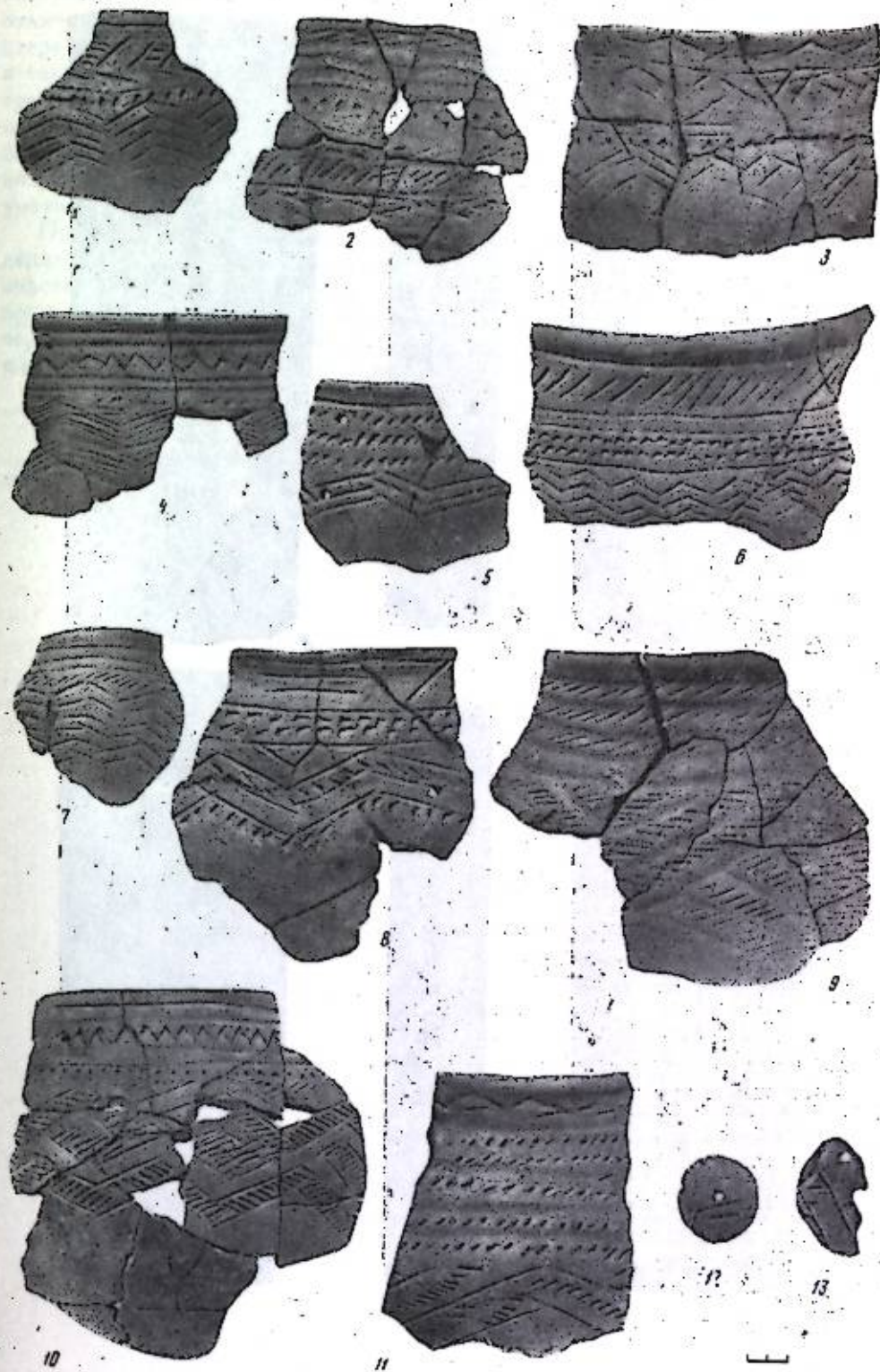

Рис. 37. Стоянка Липовая Курья. Керамика из жилища

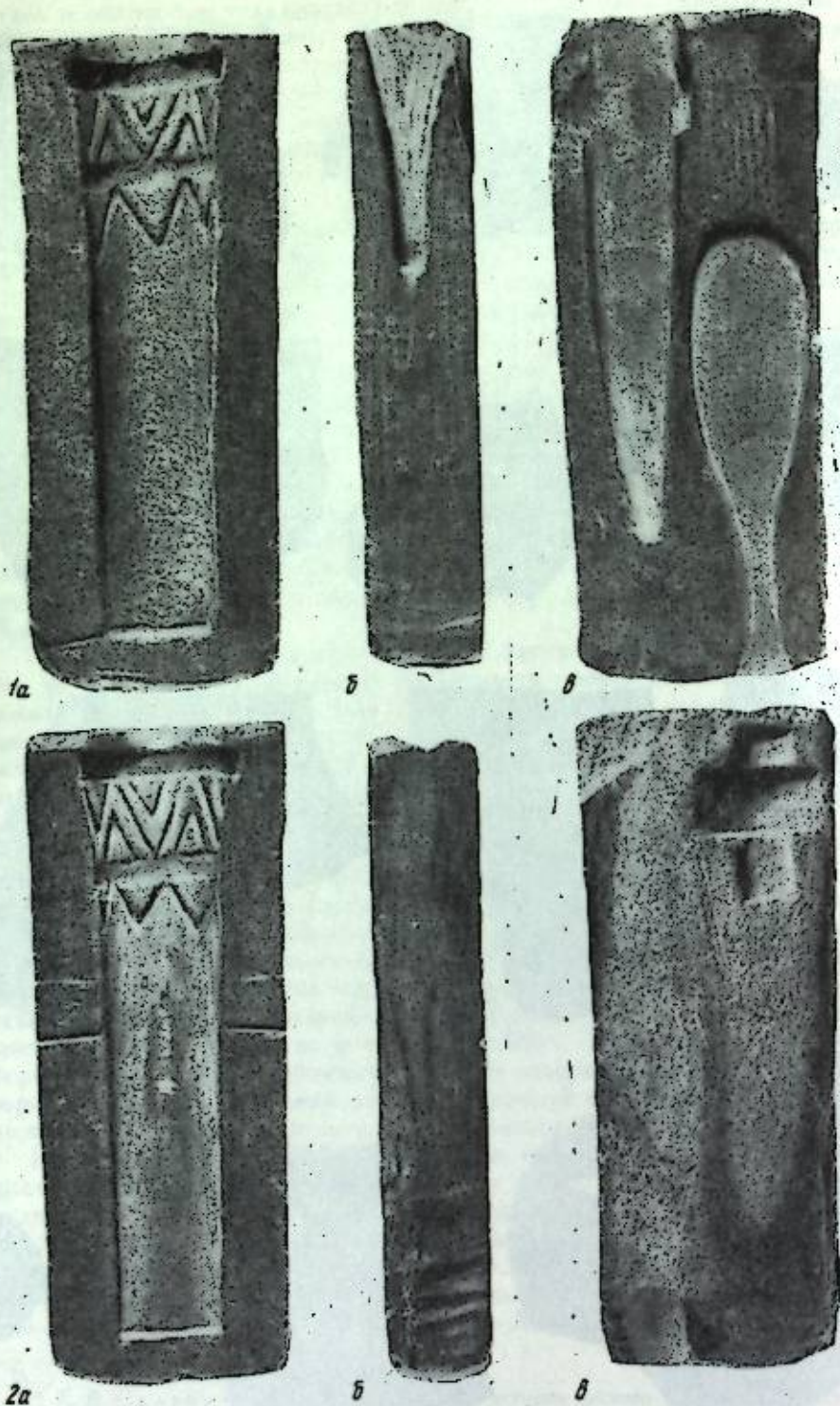

Рис. 38. Стоянка Липовая Курья. Литейная форма из жилища

каскульцы, были близки андроновцам, но имели ряд самобытных черт и отличались главным образом своим хозяйством. Жизнь на берегу лесного озера делала основой экономики рыбную ловлю и охоту. Животноводство в таких условиях должно было иметь небольшое значение⁸. Рыболовство требовало развитого деревообрабатывающего инвентаря, поэтому вполне понятна находка формы для отливки желобчатого долота. Сделанная с большим мастерством, она служит доказательством высокого уровня развития металлургии бронзы в среде черкаскульских племен лесного Зауралья.

Полученные в результате исследования Липовокурьевского поселения данные, говорящие о высокоразвитом самобытном бронзолитейном производстве и значительной древности черкаскульской культуры, позволяют при решении поставленного выше вопроса о характере взаимоотношений черкаскульской и андроновской культур в значительной мере склоняться к выводу о их синстадиальном развитии.

⁸ Кости домашних животных в жилище отсутствуют, а найденные вне его происходят из слоев со смешанными материалами.

Н. А. ЧЛЕНОВА

КАРАСУКСКИЕ НАХОДКИ В ПЕРВОЙ ИЗЛУЧИНЕ ЧУЛЫМА

Карасукская культура, распространенная по всей территории Минусинской котловины, на севере ограничена, по-видимому, первой излучиной р. Чулыма. Вот почему этот район — северный предел распространения карасукской культуры в Красноярском крае¹ — представляет интерес. Здесь (от слияния р. Чулыма из Черного и Белого Июсов до впадения р. Урюпа) известно четыре карасукских могильника (Ужурский и три — в окрестностях дер. Орак — «Орак на болоте», «Орак — Сухое озеро» и «Орак — Красная гора») и некоторое количество случайных находок. Последним и посвящена настоящая публикация. Эти находки известны как с берегов самого Чулыма (Копьева, Тургужан, Корелка, Барант, Светлолобова, Ильтикова), так и его притоков (Никольское, Темра, Лопатина, Тумна, Тукай, Яга, Терехта, Изыкчуль и Марьясово) и внутри излучины (Ужур). Всего из рассматриваемого района известно 69 предметов (не считая найденных в могильниках, рис. 39).

Наибольший интерес представляет клад из дер. Тукай на р. Жура (Балахтинский район Красноярского края), хранящийся в ГИМ (рис. 40)². По сведениям, полученным от местных старожилов сотрудниками Чулымского отряда Красноярской экспедиции в 1962 г., вещи эти были найдены местным учителем на склоне Лысой горы, на левом берегу р. Жура, прямо против деревни. Несмотря на тщательные поиски (осмотр и шурфовка склона и подножия горы) и обследования обоих берегов р. Жура на значительном протяжении, следов могильника или поселения не обнаружено. По-видимому, вещи либо происходят из грунтового могильника, ничем не отмеченного на поверхности (как Ладейский могильник в г. Красноярске), либо представляют собой клад. В составе клада 44 предмета: массивный бронзовый нож с уступом между ручкой и лезвием и плоским прорезным навершием, долото, «загадочный предмет» в форме ярма, заканчивающийся двумя прорезными бубенчиками, дисковидное зеркало с петлей на обороте, круглая бляха, по периферии которой расположено шесть кружков меньшего диаметра, и украшения: треугольная бляха с выпуклым точечным орнаментом и отверстиями по углам, в одно из которых продета бронзовая проволочка, кусок такой же проволоки с заостренными концами, разломанный на части, бронзовая подвеска в виде ложечки, две крупные и одна маленькая цилиндрические пронизки из бронзового листка, одна, подобная

¹ В степном островке в районе Красноярска также известно несколько карасукских памятников и случайных находок; район этот отделен от основной территории карасукской культуры тайгой.

² Инв. № 64145. Клад передан в музей 19.IX 1928 г. П. Д. Ковалевым, принят Д. Н. Эдингем. Акт закупочной комиссии от 19.IX 1928 г., № 176 (Главная Инвентарная книга ГИМ, т. IX, стр. 54).

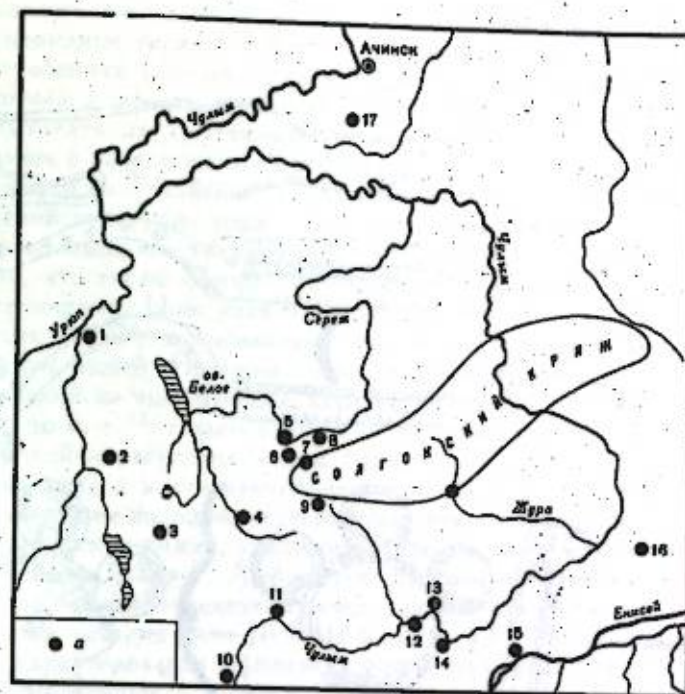

Рис. 39. Карта распространения карасукских находок

1 — Никольское; 2 — Темра; 3 — Орак; 4 — Ужур; 5 — Марьясово; 6 — Изыкчуль; 7 — Терехта; 8 — Яга; 9 — Лопатина; 10 — Кольева; 11 — Тургужан; 12 — Корелка; 13 — Барант; 14 — Светлолобова; 15 — Новоселово; 16 — Тукай; 17 — Каменки; 18 — Тукай

ей, но очень короткая пронизка, два маленьких колечка из бронзовой проволоки в полтора оборота, одно крупное кольцо со сходящимися концами, 14 цилиндрических бус, длинных и коротких, из белого камня — аргиллита, пять костяных дисковидных бус, четыре костяных бисерины, просверленный резец марала, 1 крупный бронзовый разделитель бус с тремя отверстиями и три мелких разделителя с двумя отверстиями (рис. 40, 19).

Карасукская принадлежность клада доказывается ножом карасукского типа, «загадочным предметом», подобным найденным в карасукских погребениях у Бейской шахты³ (могила 1) и у Подсиной («Абакай, у моста») (могила 1)⁴ и имеющим многочисленные аналогии среди случайных находок из Минусинской котловины, среди которых есть и предметы с бубенчиками на концах⁵ и украшенные выпуклыми четырехугольниками — излюбленным карасукским орнаментом⁶, как на рассматриваемом предмете. О назначении этих предметов автору приходилось уже высказывать мысль, что эти предметы — символы ярма — в карасукское время служили навершиям шаманского посоха⁷. Круглая бляха (рис. 40, 3) найдена в могильнике Карасук IV (ограда 27), а еще более точные аналогии известны из случайных находок в Минусинской котловине, также с орнаментом

³ А. Н. Липский. Отчет о раскопках Афанасьевского, Карасукского и Тагарского могильников в Хакасии в 1958—1959 гг. Архив ИА, Р—1, д. 2119, лл. 61, 63.

⁴ А. Н. Липский. Отчет о раскопках трех погребений карасукской культуры, обнаруженных в балластном карьере у железнодорожного моста через Енисей. Архив ИА, Р—1, д. 2651, л. 2.

⁵ С. Таштып. ММ, № 9375; Минусинский край. ГЭ, № 3975—350; КМ, № 499; ММ, № 12060.

⁶ Упомянутый предмет из Бейской шахты; АМ; с. Быскар. ГЭ, № 5531—1411; Минусинский край. ММ, № 9373; КМ, № 499 и др.

⁷ Н. А. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3, стр. 55.

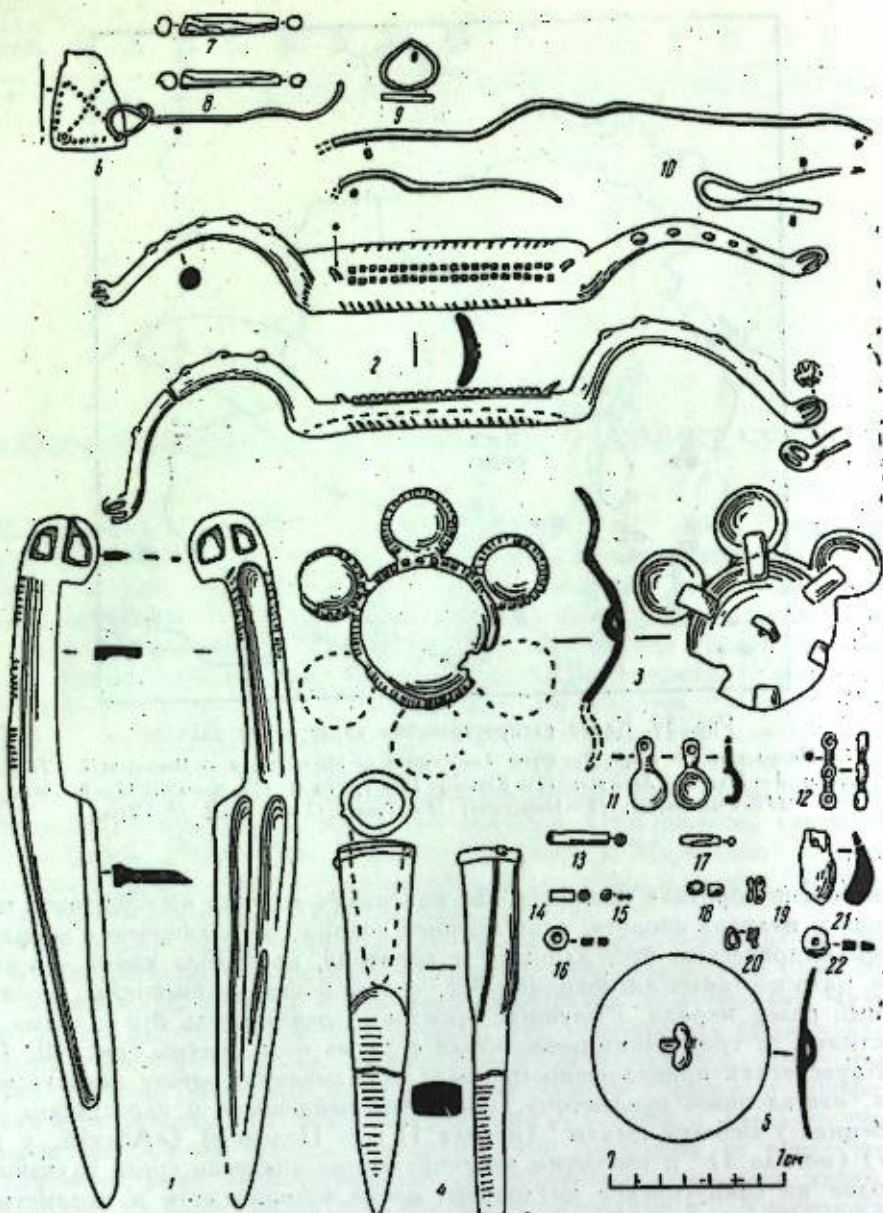

Рис. 40. Вещи из Тукайского клада

1-22 — ГИМ, 64145; 13, 14 — аргиллит; 15, 16, 22 — кость; 21 — подвеска из резца марала; остальное — бронза

из выпуклых четырехугольников⁸. Типичны для карасукских и лугавских погребений и украшения Тукайского клада: треугольная бляха с точечным орнаментом (Кривинское, могила 21; Орак, «Красная гора», могила Е; улус Федорова, могила 11, Аскыз могила 2)⁹, цилиндрические пронизки

⁸ М. П. Грязнов. Отчет о раскопках Карасукского отряда Красноярской экспедиции. Раскопки 1963 г. Архив ИА, Р-1, д. 2742, л. 14; с. Бейское, ГЭ, № 5531/1433, 1439; ММ, № 8830; Минусинский край, ММ, № 8949.

⁹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник Государственного музея им. Мартьянова», т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929, табл. III, 28; раскопки Г. П. Сосновского, 1926 г. ГЭ, № 297-17; А. Н. Липский и Афанасьевское в карасуке и карасукское у хакасов. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Красноярск, 1963, стр. 75.

из бронзового листка, бусы из аргиллита, колечки из бронзовой проволоки. Дисковидные зеркала с петелькой известны также во многих карасукских погребениях (Аскыз, могила 1; Бейская шахта, могила 3; Подкуининский, могила 3, ограда «в»; Усть-Тесь, могила 10 и др.)¹⁰ и продолжают затем бытовать на протяжении тагарской эпохи. Разделители для бус встречались в карасукском погребении на Ладейском поле¹¹. Спектральный анализ вещей из Тукайского клада показал, что состав металла обычен для карасукской культуры: медь с небольшой примесью мышьяка (см. табл.). Количество мышьяка увеличивается в предметах с рельефным мелким орнаментом, что также обычно. Некоторые вещи Тукайского клада являются датированными. Нож уникален, точной аналогии ему нет. Центральный угол велик — 172°, что позволяет отнести его к довольно поздним группам карасукских ножей. Навершие ножа напоминает по форме нечто среднее между «аркой на крошштейне», характерной для ножей из комплексов X—VIII вв. до н. э.¹², только смещенной вбок, в сторону лезвия, и уплощенной шляпкой карасукских ножей более ранних групп. «Арка» прорезная, разделена надвое вертикальной перемычкой. Это сближает данное навершие с навершием-кольцом, пересеченным крест-накрест перемычками на одном из ордосских ножей, у которых и форма клинка близка к тукайскому ножу, но более узкая¹³. Любопытно, что почти такое же навершие имеется на бронзово-железном ноже, также с широким уступом, из Северной Италии (стадия Эсте II, VIII в. до н. э.)¹⁴. Форма клинка тукайского ножа характерна для нескольких ножей из случайных находок из Минусинской котловины¹⁵, клинку ножа из позднекарасукского могильника «Орак на болоте»¹⁶, упоминавшихся уже ордосских ножей, иногда украшенных уже в скифском зверином стиле¹⁷ и, наконец, клинку ножа из Туркисибского клада в Казахстане¹⁸, о котором ниже еще будет речь. Таким образом, поздний предел бытования ножей, подобных тукайскому, — X—VIII вв. до н. э. Ранний предел — наличие ножей подобной формы, но более изогнутых, в Аньяне, где есть и нож со смещенным в сторону кольцом¹⁹ (но не арками, которых в Аньяне нет совсем), — скорее XI в. до н. э.²⁰

Долото Тукайского клада находит аналогии в Северном Казахстане, в Баладинском клада на Иртыше²¹ и в клада из Нижней Павловки близ

табл. 10, 4; И. П. Кузнецов-Красноярский. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907, табл. IV, 6.

¹⁰ И. П. Кузнецов-Красноярский. Указ. соч. табл. IV, 5; А. Н. Липский. Архив ИА, Р-1, д. 2119; л. 81, 85, 86; раскопки В. П. Левашовой, 1930 г. ГЭ, № 250-9; раскопки С. В. Киселева, 1928 г., ММ, № 10948.

¹¹ Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 130, рис. 55, 10.

¹² Ильинская гора, раскопки С. В. Киселева, 1932 г.; Самохвал, курган 9, могила 2, раскопки А. В. Адрианова, 1898 г.; Баннов улус, раскопки В. Г. Карцова, 1930 г. (см.: Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине, таблица-вклейка, стр. 54, 56).

¹³ J. G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA 4. Stockholm, 1932.

¹⁴ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, Taf. 97-24; S. 221, Abb. 58, 64.

¹⁵ Дер. Алтайская. ММ, № 1416; с. Емельяново под Красноярском. ГЭ, № 5531, 404; Минусинский край. ММ, № 1345.

¹⁶ Могила 4, раскопки Г. П. Сосновского, 1926 г. ГЭ, № 296-11.

¹⁷ J. G. Andersson. Указ. соч., табл. I, 4; II, 1; III, 1.

¹⁸ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 107, рис. 83.

¹⁹ B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. BMFEA 17, 1945, pl. 30-169.

²⁰ Ли Цзи. Бронзовые предметы, обнаруженные в Слотуне (на китайском языке). Чжунго каогу сюэбао, 1949, № 4, таблица-вклейка, рис. А-7.

²¹ А. Кибиров, Д. Н. Кожемяко. Новые памятники эпохи бронзы. Тр. ТИИ АН Киргизской ССР, вып. II, 1956, рис. 9; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962, табл. XXII, 3; А. М. Оразбаев.

Оренбурга²², а также в памятниках Западной Европы. Е. Е. Кузьмина, рассматривая взаимовстречаемость вещей из разных кладов Киргизии и Казахстана и приведя им западноевропейские и среднеазиатские аналогии, датирует эти клады в пределах XII—VIII вв. до н. э.²³ Даты для копьевидных долот дают многочисленные западноевропейские комплексы стадии Гальштат А1—В2, т. е. XII—IX вв. до н. э., по Г. Мюллер-Карпе и Р. Питтиони²⁴. К тому же периоду относится и комплекс Нижней Павловки, где такое долото найдено с шестигранным кельтом «киммерийского типа», относящимся, по А. И. Тереножкину, к белогрудовскому этапу, т. е. к XII—IX вв. до н. э.²⁵ (в более поздней работе — X—IX вв. до н. э.)²⁶. Таким образом, долото подтверждает дату Тукайского клада. Ей не противоречит как будто и ранний тип «загадочного предмета», аналогичный типу из Бейской шахты, — крупный, массивный, орнаментированный (ножи из Бейской шахты с гардой более или менее соответствуют аньяским типам); более поздние «загадочные предметы» делаются меньше, тоньше и теряют орнамент (Аскыз, курган 3, раскопки О. Ольсена) и, наконец, в VII—VI вв. до н. э. превращаются в тонкие небольшие предметы²⁷. Тукайская бляха с шестью приливами — самая крупная из найденных в комплексах. Наиболее поздние из них — маленькая неорнаментированная бляха из Томского могильника (Большой мыс, VII—VI вв. до н. э.) и аналогичные маленькие бляхи из Болгарии (VI в. до н. э.)²⁸, в Болгарии они предположительно служили украшениями конской узда.

В карасукской культуре эти бляхи служили украшениями костюма, судя по находке подобной бляхи небольших размеров на шейных позвонках покойника в карасукском погребении у улуса Шалгинова²⁹.

Тукайский клад ближе всего стоит к карасукским памятникам района Красноярск. Это проявляется и в плоском навершии ножа в форме буквы Г, типичном и для ножей Ладейского погребения под Красноярском, и для других ножей этого района³⁰, и в наличии разделителей для бус, найденных только в Тукае и в Ладейском погребении. В таком случае, если тукайский комплекс представляет собой не клад, а погребение (что вероятно, судя по наличию в нем не только орудий, но и украшений, в том числе каменных и костяных), то сходство усиливается и богатством инвентаря погребения, которое отличает Ладейки от прочих карасукских погребений.

Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 5, 1958, табл. X, 1, 9; табл. IX, 1, 3, 4; табл. X, 4, 7; табл. XI, 1, 2, 6, 9—11; В. И. Мошинская. Баландинский клад бронзовых инструментов КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 144, 145; Е. Е. Кузьмина. Хронология некоторых кладов Семиречья. МИА, № 130, 1963, стр. 106—108.

²² К. В. Сальников. Кельты Зауралья и Южного Урала. МИА, № 130, 1965, стр. 160, 161, рис. 1, 4—5.

²³ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 108.

²⁴ H. Müller-Karpe. Указ. соч., стр. 108—111, 112, 127, 128, 161, 192; рис. 64; табл. 128, 3; 132, 5; 133, 7; 141, 15; 168, 5; R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954, S. 534.

²⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 131, 196.

²⁶ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 82.

²⁷ Н. А. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, таблица-вкладыш, рис. 30, 125, 130; Р. В. Николаев. Отчет о раскопках 1960 г. Архив ИА, Р—1, № 2179, табл. VII, 7 (Станция «Минусинск», курган 4).

²⁸ Б. Николов. Тракийски наместници във Врачанско. «Известия на Археологическия институт Българска Академия на науките». т. XXVIII. София 1965, стр. 166—169, рис 7, в, и, к.

²⁹ Доклад А. Н. Липского «Археологические работы Хакоблмузея за 1965 г.» на секции Урало-Сибирской археологии Археологической сессии 1966 г. в Москве.

³⁰ Э. Р. Рыгдылов. Указ. соч., стр. 130, рис. 55, 2; Г. А. Максименков. Новые данные по археологии района Красноярск. «Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961, стр. 303, рис. 9, 10; стр. 304.

Кроме тукайского комплекса, в первой излучине Чулыма найдено еще 25 случайных находок: 19 ножей, 3 кельта, 2 книжала и перстень (рис. 41, 42). Это составляет всего $2,8 \pm 0,5\%$ общего числа карасукских случайных находок в Минусинской котловине и Красноярском районе (911 шт.), тогда как по площади излучина Чулыма занимает 12% всей территории. Это показывает слабую насыщенность рассматриваемого района карасукскими находками (0,2 вещи на 100 км²). Карасукские находки распределены по территории Минусинской котловины неравномерно. Это особенно ясно из сравнения первой излучины Чулыма с равной ей по площади (14 000 км²) территорией по Абакану, включающей Аскызский, Алтайский, Бейский и часть Таштыпского района, между р. Таштыпом и Бейским районом Хакасской автономной области. Здесь найдено 218 случайных находок, что составляет $23,3\% \pm 1$ всех случайных карасукских находок и 1,5 находки на 100 км². Между тем плотность современного населения в этих районах примерно одинакова³¹. В излучине Чулыма больше пахотных земель, чем по Абакану³². Следовательно, если исходить из плотности современного населения в этих районах, то возможность находить древние вещи в этих районах одинакова (чем выше плотность населения, тем больше возможностей их находить). Если же исходить из площади пахотных земель в этих районах, то на Чулыме даже больше шансов находить древние вещи (в Минусинской котловине их находят обычно при пахоте). Если бы карасукские находки распределялись везде равномерно, то на Чулыме было бы найдено столько же вещей, сколько и на Абакане. В действительности же их почти в восемь раз меньше. Можно, очевидно, сделать вывод, что первая излучина Чулыма была слабо заселена племенами карасукской культуры, слабее, чем более южные районы. Это находит подтверждение и при сравнении излучины Чулымы с другими районами, произведенном автором в специальной работе.

Заметим, что среди находок в излучине Чулыма почти нет вещей раннекарасукских типов. Только три ножа (Изыкчуль, Ужурский район и; может быть, Никольское — рис. 41, 8, 12; рис. 41, 2) относятся к сравнительно ранним типам — по центральному углу, массивности, а нож из Никольского — по некоторому сходству с ножом из Лугавского могильника. Прочие вещи — второй половины карасукской эпохи. Ножи с шипом или гардой и небольшим уступом (рис. 40, 1, 6, 10, 13), как уже говорилось, близки к типам из Бейской шахты и аньяским, но более развитые. Эти ножи (за одним исключением — Тургужан рис. 42, 2) найдены внутри излучины Чулыма. Ножи, обнаруженные на самом Чулыме, относятся к тому же времени. Нож с остатком гарды, круглой грибовидной шляпкой и петлей под ней (рис. 42, 5) находит аналогии в позднекарасукских памятниках (Окунев улус, могила 2; Абакан — Набережная, могила 21) и некоторых ножах из Аньяна (XIII—XI вв. до н. э.)³³. К этому же времени относится и замечательный нож с головкой лося (рис. 41, 6), изданный Ф. Мартином, но заслуживающий несколько более подробного описания как один из примеров раннего звериного стиля Евразии. Головка лося выполнена в круглой скульптуре, морда очень длинная, цилиндрической формы, сплошная. Глаза представляют собой полую цилиндрическую трубочку, перпендикулярную морде. Изображены два уха в форме ложечки и два рога, соединенных сзади стержнем. Лопатка каждого рога по краю украшена

³¹ См. карту «Плотность населения СССР» (масштаб 1:50 000 000). Авторы — С. Н. Брук, Я. Р. Винников, В. И. Козлов, 1962.

³² Н. М. Добродеев. Перспективы развития сельского хозяйства Хакасской автономной области. Тр. Южносибирской комплексной экспедиции, вып. 2. М., 1954, стр. 10, табл. 1.

³³ Раскопки С. А. Теплоухова, 1928 г. ГЭ, № 4837—9; А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане. «Краеведческий сборник», № 1, 1956, табл. II, 4; Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilization. Seattle, 1957, p. 49, fig. 7—B8.

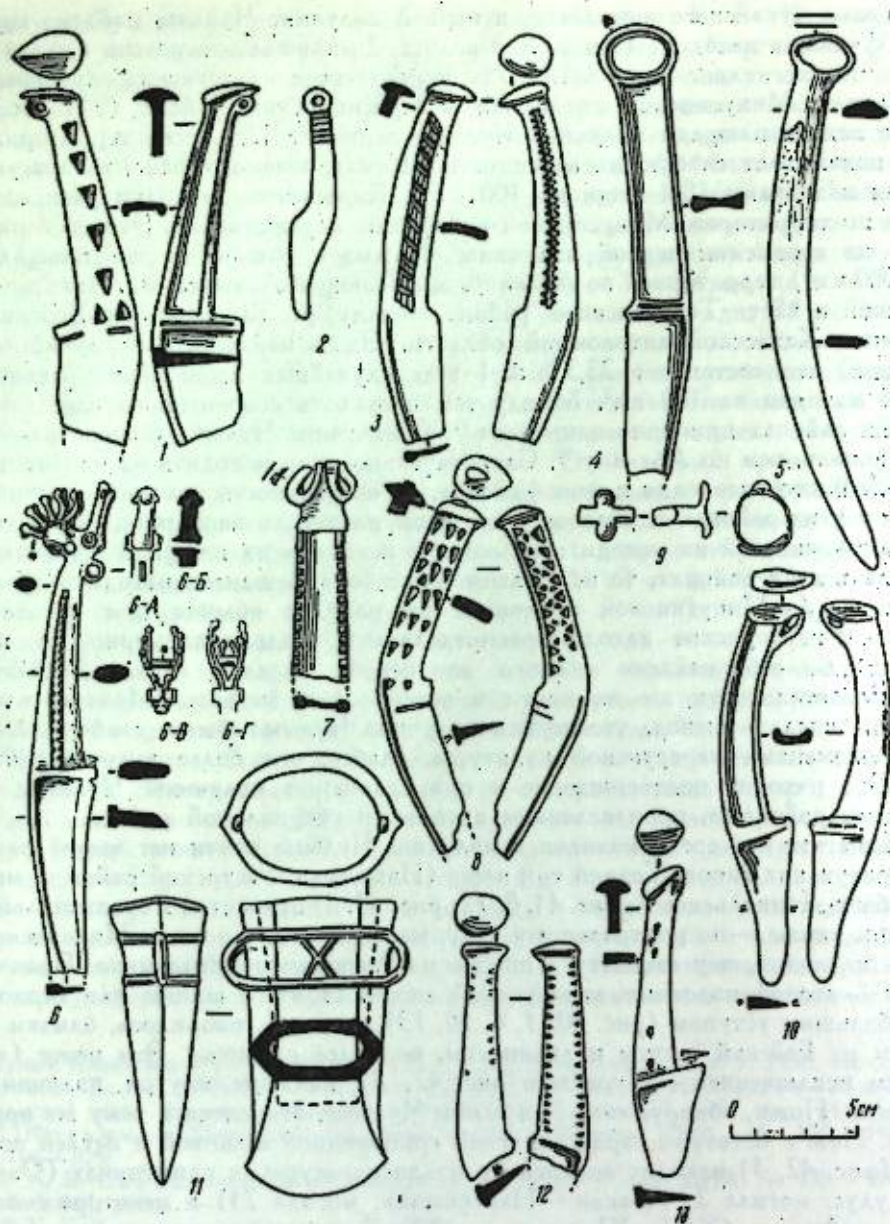

Рис. 41. Карасукские находки внутри излучины Чулыма

1 — Темра, МИМК ТГУ, 6271—30; 2 — с. Никольское (A. Tallgren. Collection Tovostine. Helsinki, 1917, pl. V, 13); 3 — с. Ужур, ГЭ, 5531—384; 4 — дер. Лопатка, ГЭ, 5531—409; 5, 6 — с. Марасово, ГИМ, 55226, л. 59/34а и ММ, 1320; 6-А — вид головки ножа снизу; 6-В — вид головки спереди; 6-Б — сечение головки; 6-Г — вид головки сверху; 7, 8 — дер. Измкчуль, ГЭ, 5531—380; 9 — дер. Терехота, ММ, 6955; 10 — с. Яга, АЧМ, 3787 и АЧМ, л. 182, л. 95; 11 — дер. Каменка Ачинского окр., ММ, 121; 12 — Ужурский р-он, АЧМ, л. 182, л. 95; 13 — Ачинский окр., ММ, 1396. 1—13 — бронза

зубчиками; к ней прикреплено пять цилиндрических отростков с шариками на концах. Нождри изображены двумя выпуклостями. Головка имеет все характерные особенности евразийского звериного стиля второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. На каждой стороне ручки вырезана вертикальная полоска из ромбов. Ножи с головками и гардой известны среди карасукских, ордосских и аньянских бронз, которые и датируют их. Ножи с желобчатой ручкой, центральным углом 170—178°, овальным не-

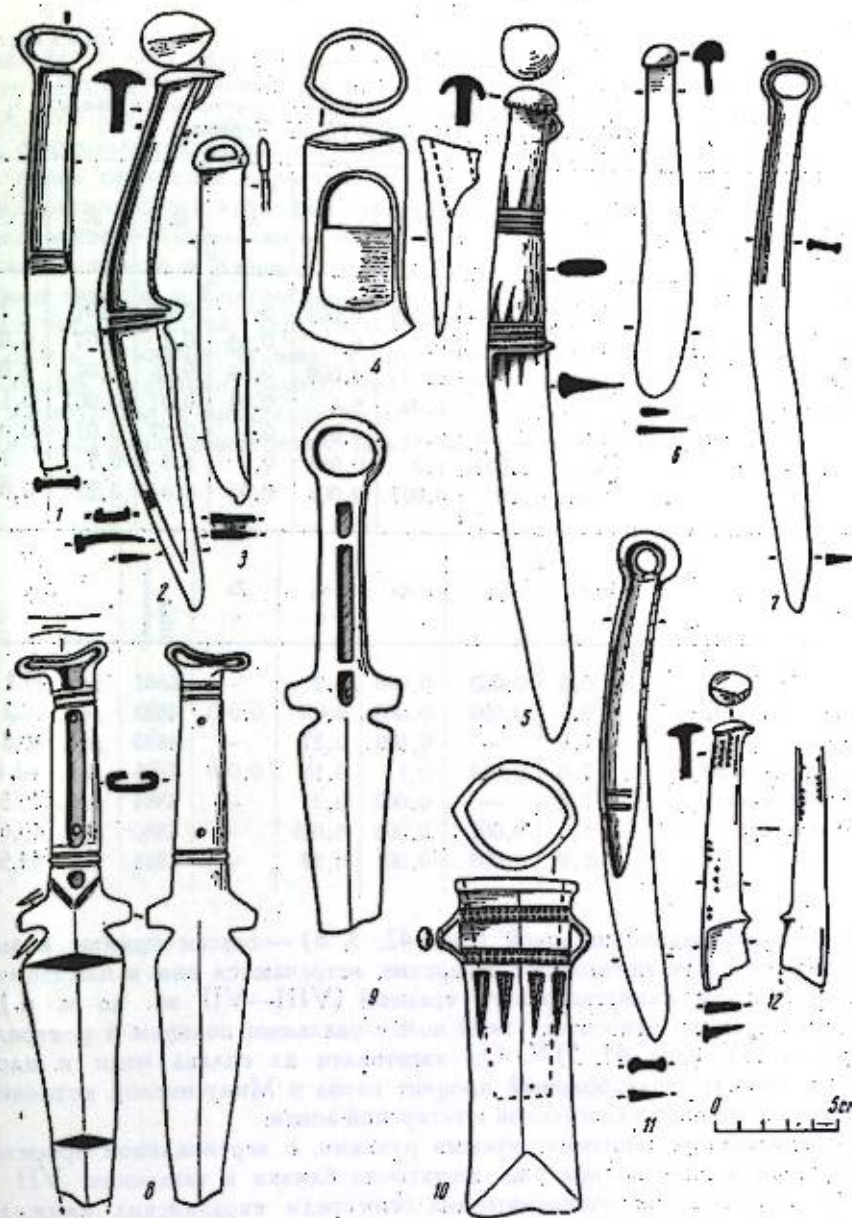

Рис. 42. Карасукские находки с берегов Чулыма

1 — дер. Копьева, ГЭ, 1126—319; 2 — дер. Туртуман, ММ, 1366; 3 — дер. Корелка, ММ, 1248; 4 — с. Барант, ГЭ, 5531—176; 5—10 — дер. Светлолово, ММ, 1432, 1413, 1767, 931. МАР 15, СПб., 18, табл. 1у-5; ММ, 5; 11 — дер. Ильдикова, ММ, 1765; 12 — дер. Тузма Ачинского окр., ММ, 1398. 1—12 — бронза

замкнутым кольцом и остатком гарды или двумя рельефными полосками на ее месте, или без следов гарды (рис. 41, 4; рис. 42, 11, 7) встречаются в самых поздних карасукских могилах (Абакан, могила 1; улус Чарков, могила 10; Окунев улус, могила 9³⁴ и др.) и в раннетагарском кургане у Райкова улуса VII в. до н. э.³⁵, что и определяет поздний предел их бытования. Предтагарские типы ножей — «с аркой на кронштейне» и

³⁴ А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане. «Краеведческий сборник», № 1, стр. 111, табл. 3—4; раскопки С. В. Киселева, 1938 г. ГИМ, № 86—292; раскопки С. А. Теплоухова, 1927 г. ГЭ, № 4657/26.

³⁵ Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири, таблица-вклейка, рис. 116.

Таблица

Результаты спектрального анализа вещей из Тукайского клада (1—6) и дер. Марьясовой (7), произведенных в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР (Е. Н. Черных).

Название предмета	Спектральный анализ							
	Cu	Sn	Pb	Fe	Ag	Sb	Bi	Co
Нож	осн.	0,011	0,027	0,003	0,1	0,09	0,01	?
«Загадочный предмет»	осн.	0,0025	0,8	0,1	0,12	0,1	0,07	0,01
Зеркало	осн.	0,005	0,035	0,009	0,09	0,25	0,02	0,005
Бляха с приливами	осн.	—	0,09	1,4	0,03	0,07	0,007	0,1
Подвеска-«ложечка»	осн.	0,003	0,03	0,01	0,1	0,27	0,03	0,005
Разделитель бус	осн.	0,002	1,0	0,011	0,3	1,6	0,7	?
Нож	осн.	5,0	0,007	0,005	0,02	0,6	0,25	0,005

	Спектральный анализ							Рис.
	As	Mn	Au	Ni	Zn	Шифр кабинета		
Нож	0,5	0,003	0,003	0,2	—	4881	рис. 40,1	
«Загадочный предмет»	2,5	0,009	0,003	0,05	0,013	4882	рис. 40,2	
Зеркало	1,9	—	0,003	0,27	—	4883	рис. 40,3	
Бляха с приливами	7,0	0,003	0,1	0,15	0,009	4885	рис. 40,4	
Подвеска-«ложечка»	2,2	—	0,003	0,3	—	4884	рис. 40,5	
Разделитель бус	1,0	0,001	0,003	0,015	—	4880	рис. 40,6	
Нож	1,9	0,003	0,001	0,27	—	4944	рис. 41,5	

сплошной грибовидной шляпкой (рис. 42, 3, 6) — совсем прямые и массивностью почти не превышают тагарские, встречаются они в памятниках предтагарского и раннетагарского времени (VIII—VII вв. до н. э.)³⁶. К тому же времени относится узкий нож с овальным кольцом и центральным углом 155° (рис. 41, 5)³⁷. Он изготовлен из сплава меди и олова (5%, см. табл.); столь большой процент олова в Минусинской котловине характерен для конца карасукской и тагарской эпохи.

Два книжала «с шипами», полыми ручками, с вертикальной прорезью и навершием в виде кольца уже достаточно близки к тагарским VII в. до н. э. и имеют многочисленные аналогии среди евразийских книжалов начала I тысячелетия до н. э.³⁸ Пещерный кельт (рис. 42, 4) имеет аналогично в могильнике Чарков улус³⁹, о поздней дате которого сказано выше. Два других кельта пока датируются в пределах карасукской эпохи (рис. 41, 11, рис. 42, 10).

Можно думать, что на самом Чулыме карасукские вещи появились еще позже, чем внутри излучины, куда они могли попасть с юга, с территории современной Хакасии. Чулым как большая река осваивался, очевидно, позже, уже во второй половине II—I тысячелетия до н. э., что наблюдается и в других местах в бронзовом веке. Особенно богаты находками окрестности дер. Светлолобовой на Чулыме, где найдено 6 предметов из 25

³⁶ Там же, табл. 48—51 и 86 (форма лезвия).

³⁷ Там же, таблица-вклейка, рис. 28.

³⁸ Н. А. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 11.

³⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, табл. XI.

(рис. 42, 5—10). Вряд ли это случайно: в данном месте Чулым ближе всего подходит к Енисею (расстояние между ними тут всего 12 км), и через Светлолобову проходит современный тракт Ужур — Новоселово-на-Енисее, связывающий район излучины с Енисеем. Возможно, что и в древности здесь проходила дорога на Чулым с Енисеем — основного пути всего юга Красноярского края. Вся северная часть излучины, к северу от линии Никольское — Марьясово — Яга, пока не дала ни одной карасукской находки, и только в Каменке, южнее Ачинска, найден кельт (рис. 41, 11). Лишен находок и Солгонский кряж, покрытый лесом. По самому Чулыму ниже устья р. Жура карасукских находок также не было обнаружено. Только в низовьях Чулыма, в пределах Томской обл., известны находки ирменской керамики, распространившейся, очевидно, с Оби. Смыкались ли карасукская и ирменская культуры на Чулыме или средняя часть его оставалась в бронзовом веке незаселенной, покажет будущее.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЭПОХИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА КАЛАЧЕВКА II

История древних племен лесостепи среднего Прииртышья эпохи поздней бронзы и раннего железа известна пока очень слабо. Материал этого периода представлен был в основном случайными сборами керамики с поселений. В 1966 г. была частично исследована курганная группа Калачевка II, которая находится на левом берегу Иртыша, в 102 км к северу от Омска, с левой стороны от шоссе Омск — Большеречье¹. Она состоит из пяти курганов, форма насыпей округлая, сильно расплывшаяся. Наибольший диаметр 27 м при высоте около 2 м, наименьший диаметр 10 м при высоте около 0,3 м. Возможно, часть мелких курганов этого могильника уничтожена пашней. При исследовании двух курганов этой группы впервые для Омского Прииртышья были найдены погребения, относящиеся к эпохе перехода от бронзового века к железнюму.

Курган 1 — насыпь овальная, состоит из чернозема, диаметры 14 и 12,3 м, высота 1 м. В южной части насыпи был найден обломок заполированного камня. В кургане вскрыты четыре погребения.

Погребение 1 располагалось на глубине 0,6 м, в северной поле кургана, почти на уровне горизонта. Оно представлено черепом и лежащей вдоль в 0,4 м на северо-запад от него отдельной трубчатой костью (берцовой —?) без эпифизов. Слева от черепа находился бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 43, 1) с шипом, который разрушился при извлечении наконечника из земли. Аналогичные наконечники стрел представлены в памятниках степного Прииртышья VII — начала VI вв. до н. э.²

Погребение 2 находилось на глубине 0,6 м почти в центре насыпи. Захороненный лежал на спине и был ориентирован головой на северо-запад. Левая рука его вытянута, правая согнута в локте (рис. 44, 2), ноги слегка согнуты в коленях. Вещей в погребении нет.

Погребение 3 обнаружено в северо-восточной поле насыпи на глубине 0,5 м. Сохранился череп, лежавший сводом вверх, и три трубчатые кости без эпифизов (рис. 4, 3). Вещей также не найдено.

Основное погребение (4) находилось почти в центре кургана на глубине 0,8 м в прямоугольном деревянном срубе в один венец или бревенчатой обкладке размером 1,85 × 1,1 м (характер сочленения концов бревен в углах не удалось проследить из-за плохой сохранности дерева), устроенной на уровне погребенной почвы и ориентированной продольными бревна-

¹ Работа проводилась Иртышским отрядом Западносибирской экспедиции совместно с Омским педагогическим институтом при участии студентов 1-го курса этого института. Руководила работой кандидат исторических наук И. В. Захарова.

² С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, рис. 6, 4, 8.

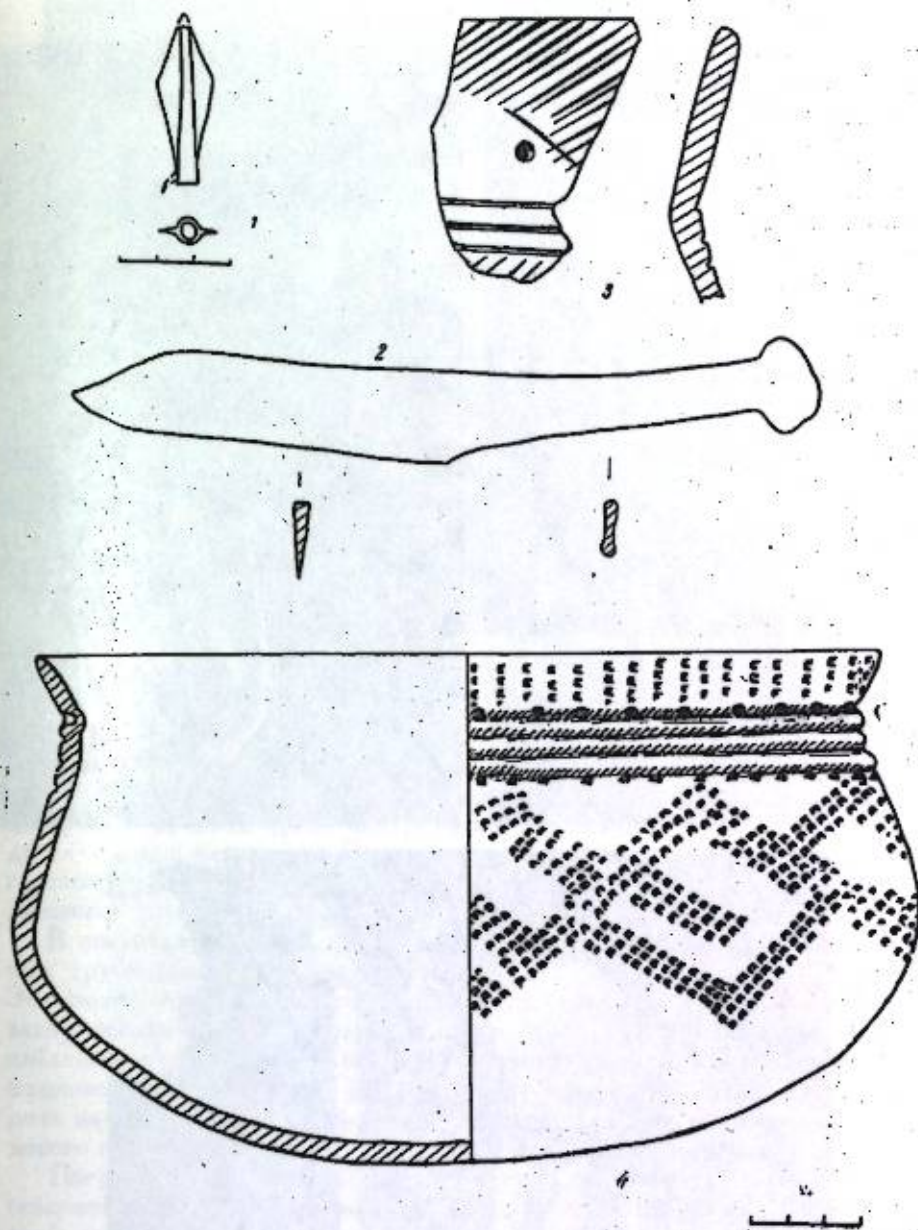

Рис. 43. Калачевка. Вещи из курганов
1—2 — бронза; 3, 4 — глина; 1, 2, 4 — курган 1; 3 — курган 2

ми с севера на юг. Толщина бревен или плах сруба — около 0,2 м. Судя по расположению отдельных волокон дерева, лежавших сверху, поперек торцовых бревен сруба, можно предполагать, что сруб был перекрыт плахами, положенными вдоль. Погребение, очевидно, было разграблено, кости разбросаны; судя по остаткам костей, захоронение было парным. Череп одного погребенного оказался целым, от второго сохранились лишь обломки нижней челюсти и черепной крышки. Позу и ориентировку костяков установить невозможно. Внутри сруба, у восточной стенки, находилась глиняная чаша с округло-уплощенным дном и подлощенной поверхностью (рис. 43, 4). Орнамент из отпечатков гребенчатого штампа образовывал пояс вдоль венчика и ромбические фигуры на тулове. По шейке

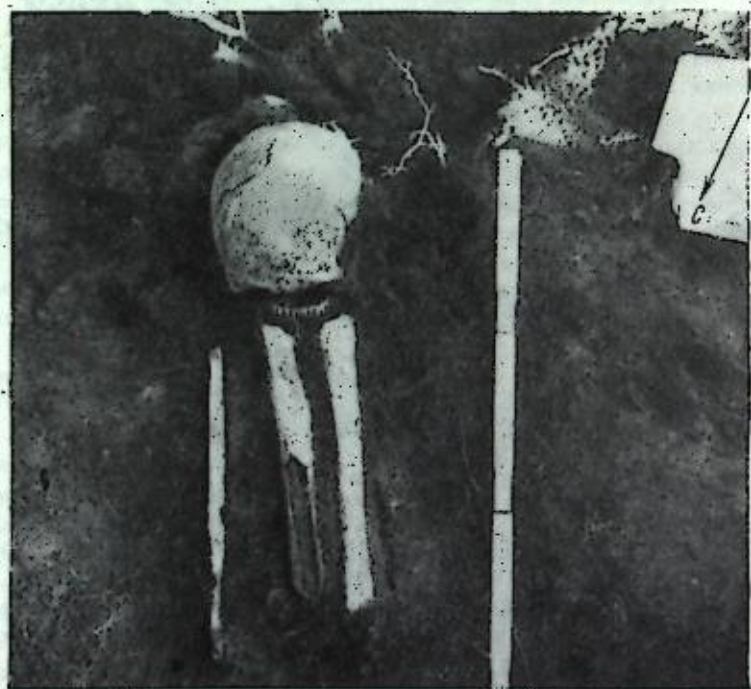

Рис. 44. Калачевка. Курган 1. Вид погребений 1—3.

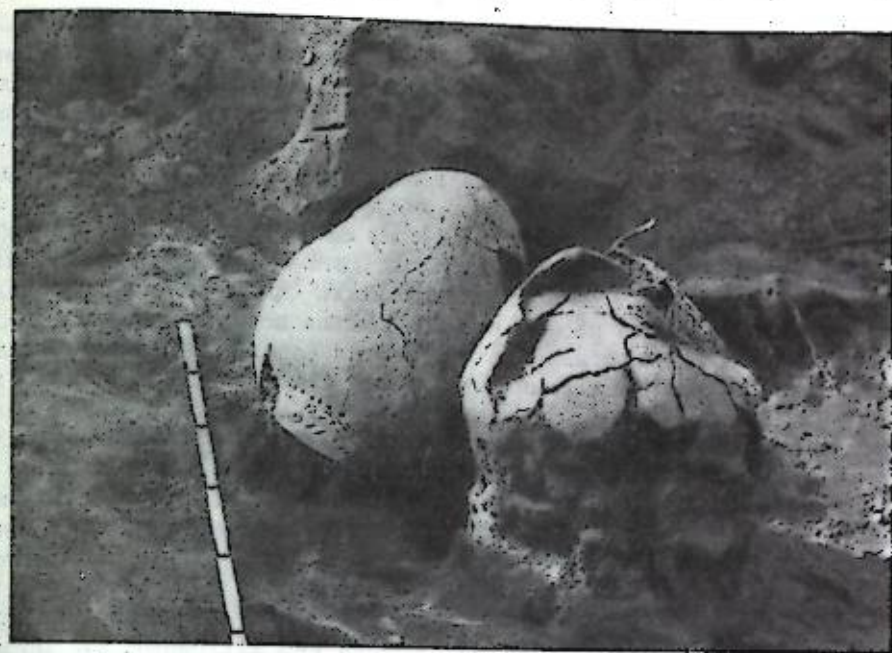

Рис. 45. Калачевка. Курган 2. Расположение глиняных сосудов

располагался ряд ямок и горизонтальные желобки. У венчика сосуда находился бронзовый, слегка изогнутый нож с утолщенной спинкой и округлым навершием рукояти (рис. 43, 2). Ножи аналогичной формы известны среди случайных находок из Омской обл.³ и, возможно, относятся к раннетагарскому времени. Сосуд из погребения 4 по форме отдаленно напоминает керамику гамаюнской культуры⁴.

В погребениях 1 и 3 наблюдается захоронение только черепов и длинных трубчатых костей, ориентированных с северо-запада на юго-восток. Это позволяет предположить особый погребальный обряд, связанный с захоронением останков умершего на стороне. Подобный обряд погребения наблюдался до недавнего времени у некоторых сибирских народов. О небольшом хронологическом разрыве между погребениями 1 и 4 можно говорить на основании бронзового наконечника стрелы (погребение 1) и бронзового ножа (погребение 4).

Погребения в срубе в один венец на уровне древнего горизонта при северной ориентировке довольно устойчиво удерживаются в западносибирской лесостепи и южных районах лесной полосы на протяжении периодов раннего железа и средневековья⁵. В литературе есть мнение, что эти черты погребального обряда характеризуют угорскую этническую общность в эпоху железа⁶, для изучения культуры которой и выявления территории расселения в эту эпоху необходимы дальнейшие полевые исследования.

Второй курган в диаметре имел около 23 м, а в высоту — 1,65 м. Южная полая его была скрыта бульдозером при строительстве дороги. По словам местных жителей, при постройке ее попадались кости человека и глиняная посуда.

³ ГИМ, коллекция Усовых, инв. № 39096.

⁴ Е. М. Берс. Поселения и керамика гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960.

⁵ В. Н. Чернецов, Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 164.

⁶ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35, 1953, стр. 238.

При снятии насыпи было установлено, что по периметру кургана шел ровик шириной около 0,7 м и глубиной до 0,3 м. Он состоял из отдельных прямых отрезков, разделенных небольшими перемычками и образующих в плане многоугольник. В ровике у перемычек в восточной поле кургана находились остатки вертикально стоящих столбов диаметром около 0,2 м, возможно связанных с деревянной конструкцией, может быть, оградой вокруг насыпи. В заполнении ровика обнаружен фрагмент глиняного сосуда с резным орнаментом (рис. 43, 3). По своей орнаментации и профилировке он напоминает керамику эпохи поздней бронзы Северного и Восточного Казахстана⁷. Благодаря находке этого фрагмента можно определить время сооружения насыпи второго кургана первыми веками I тысячелетия до н. э. Кроме отмеченного фрагмента (рис. 43, 3), мелкие, мало-выразительные обломки керамики встречены в слое насыпи. Здесь же обнаружены зубы лошади, а также куски рога лося, один из которых вместе с небольшим обломком черепа находился почти на материке. Кости черепа лося встречены также у краев ровика в восточной поле насыпи.

Погребение в кургане не было обнаружено. Очевидно, оно было разрушено бульдозером. В северной поле кургана, на уровне материка, обнаружены два крупных круглодонных глиняных сосуда с резным орнаментом в виде горизонтальной елочкой по венчику, стоявшие рядом вверх дном на ЮЮЗ краю подпрямоугольной ямы размером 1,65 × 1,55 × 0,2 м, ориентированной с ССВ на ЮЮЗ (рис. 45). Стенки ямы наклонные, плавно переходящие к слегка овальному дну. Никаких находок в яме обнаружено не было, поэтому датировка керамики представляет известные трудности. По форме, орнаменту, затирке поверхности концом щепки и примеси в тесте слюды она напоминает глиняную посуду зауральской лесостепи, известную по находкам на памятниках бассейна Исети и Тобола — городище Чудаки⁸, Речкинском селище, Воробьевском и Шадринском могильниках⁹, где она датируется второй половиной I тысячелетия до н. э. Отсутствие костей человека в яме Калачевского кургана, по-видимому, следует рассматривать как погребение-кентаф, впущенное в курган более раннего времени. Тождество описываемой керамики из кургана 2 у Калачевки с посудой, происходящей с памятников лесостепного Зауралья, говорит, вероятно, о том, что в лесостепи от Урала до Иртыша во второй половине I тысячелетия до н. э. существовала единая этническая общность, которая до известной степени сохранялась и в первые века н. э. Черты такого единства прослеживаются не только в керамике, но и в погребальном обряде. По-видимому, правы те авторы, которые считают, что культура племен западносибирской лесостепи эпохи раннего железа была связана с угорскими племенами¹⁰. На близость времени сооружения курганов 1 и 2 в группе Калачевка II, по-видимому, указывает то, что керамика типа, представленного в кургане 1 (рис. 43, 4), хронологически почти непосредственно предшествует керамике типа, встреченного в ровике кургана 2 (рис. 43, 3): Это подтверждается также архаическими чертами в орнаментации сосуда из первого кургана (рис. 43, 4), отпечатки штампа на тулове которого образуют фигуры, напоминающие сложные орнаментальные композиции на керамике эпохи бронзы.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. 17, 1948, рис. 55, 6; С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 15, 1, 2, 8; он же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. LIII-1.

⁸ К. В. Сальников. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, IX, 1947, стр. 229, 230.

⁹ В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев. Селище Речкино. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, стр. 31, 80.

¹⁰ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье, стр. 240; К. В. Сальников. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время, стр. 126.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

ПОСЕЛЕНИЕ VII—VI ВВ. ДО Н. Э. У С. ЗАВЬЯЛОВО
 НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛ.

Поселение Завьялово I расположено на мысу острова правого притока Оби р. Каракан, близ пристани Завьялово. К 1963 г. оно сохранилось лишь частично. Исследованная площадь составляла 60 м². Толщина культурного слоя равна была 50—70 см. В настоящее время поселение полностью размыто Обским морем.

Бронзовые изделия из Завьялово I представлены тонкими четырехгранными шильями (рис. 46, л), обломками листовой бронзы и проволоки и бронзовым втульчатим двухперым наконечником стрелы с одним шипом (рис. 46, к) VII—VI вв. до н. э. Найдены каменные грузила длиной от 26 до 3 см со сквозными отверстиями или подтесанными краями, два каменных точила, обломок глиняного пряслица (рис. 46, м—р), камень со следами подточки шильев. Интересна костяная бляшка (рис. 46, с); подобные изделия, но из бронзы и камня встречены в могилах большеберцовского этапа на Ближних Елбанах¹. М. П. Грязнов считает их нашивными бляшками и полагает, что они являются местным типом. Собрана коллекция, состоящая из 967 фрагментов керамики. Керамика изготовлена из хорошо промешанной глины с примесью песка и по своей выделке напоминает сосуды карасукского времени; она имеет розовато-желтый или серый цвет. Орнаментацией покрывалась верхняя треть сосуда.

Несмотря на отсутствие стратиграфических данных, типологическое изучение керамики Завьялово позволяет предположить, что всю керамику Завьялово можно делить на три группы.

Первая группа (62%, рис. 46, а—и) представляется автору дальнейшим развитием сосудов ирменского типа, большие комплексы которой получены при раскопках памятников Ирмень 1², Красный Яр 1 и 2, Чучка 7, Умна 1, Каменское и Улыбинское поселения (раскопки автора в 1957—1963 гг. на Оби). Как и в эпоху бронзы, в первой группе представлены плоскодонные горшки и мелкие тонкостенные чашечки. Мелкие сосуды (8% данной группы) были, видимо, круглодонными. Встречаются чашечки полукруглой формы (рис. 46, е) и небольшие горшочки, близкие к карасукским (рис. 46, з) или отличающиеся от них более вытянутым венчиком и слабо выраженным профилем (рис. 46, и). Один венчик имел воротничок. В орнаменте мелких сосудов, как и в предшествующее время, отсутствуют ямки и жемчужины, преобладают пояски из сетки косых линий и зигзагов, выполненных отпечатками гребенки или гладкой палочки.

¹ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхнего Приобья. МИА, № 48, 1956, табл. XIX, 1, 10; XXI, 1, 6—11.

² М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 27 и сл.

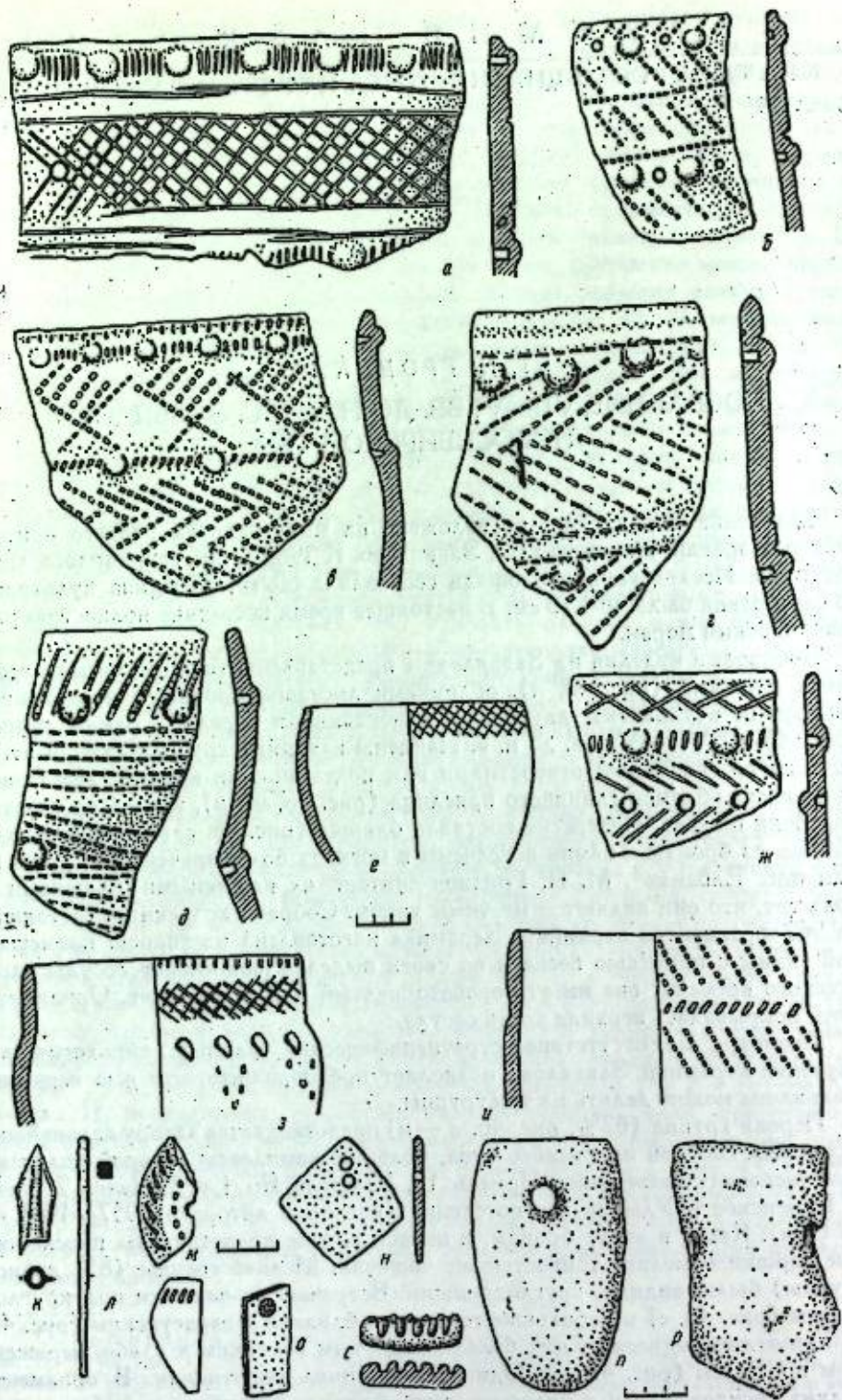

Рис. 46. Поселение у с. Завьялово

Находки из слоя а — и, л — глина; к, л — бронза; н — р — камень; с — кость; а — и, л, р — 1/4 натур. вел., к — н, с — 1/2 натур. вел.

Крупные сосуды этой группы сохранили от эпохи поздней бронзы плоское дно, геометрический орнамент, жемчужины, разделенные одной или несколькими черточками, и слегка раздутое тулово. Но их формы явно изменяются в сторону баночных: во многих случаях удлиняются венчики (до 6—9 см), шейка делается слабо выраженной, а иногда и вовсе отсутствует (рис. 46, б). Крутые плечики встречаются редко. Венчики прямые или слегка отогнуты, реже — выпуклые. При общей близости к орнаментации эпохи поздней бронзы сосуды Завьялова 1 имеют и свои особенности. Если в ирменской керамике преобладал резной орнамент и отпечатки гладкой палочки, то в керамике Завьялова доминирует гребенчатый штамп (42% сосудов всех групп и 67% сосудов этой группы). Жемчужины большей частью располагаются не в один ряд, а в два: сверху и внизу венчика или на плечиках (рис. 46, а — д). Реже один ряд жемчужин заменяется одним рядом ямок (рис. 46, ж), появляется их разделение оттиском угла пластинки. В карасукскую эпоху на этой территории на сосудах у самого края венчика обычно прочерчивалась прямая линия. Теперь орнамент венчика обрамляется рядами жемчужин или ямок, и прямая линия встречена лишь на 18% сосудов данной группы (рис. 46, з), 40% орнаментировано по краю штрихом (рис. 46, в), несколько сосудов — зигзагом или косой сеткой (рис. 46, ж), у трети сосудов край венчика гладкий. На венчиках ирменских сосудов обычно преобладал орнамент из различных комбинаций — заштрихованных и гладких треугольников и ромбов. В завьяловском комплексе — горизонтальные елочка (более 50%) и ряды наклонных линий (30%), разделенных иногда горизонтальной чертой или пояском из ямок (рис. 46, б). Встречаются старые карасукские мотивы в виде косой сетки (10%, рис. 46, а), еще реже — в виде заштрихованных треугольников и ромбов, гладких полос между ними (рис. 46, в). Наблюдаются пояски из горизонтальных линий (рис. 46, д). Два венчика были гладкими. С исчезновением венчика исчезает и зональное распределение орнамента: елочка, ряды косых линий, ямки продолжают и на плечиках (рис. 46, б); в двух случаях плечики гладкие и только у четырех сосудов видно наличие двух зон (рис. 46, в). Исчезли характерные для карасукского времени зигзаги из заштрихованных лент и вытянутые вниз треугольники.

Вторая группа керамики (29%, рис. 47, а — ж) по своей форме не отличается от первой, но имеет своеобразный орнамент, новый для этого района: оттиски различного фигурного штампа. Наиболее часто встречается штамп в виде оттиска полного и неполного креста (рис. 47; а, б, ж). Иногда отступающая лопаточка образует ложную веревку (рис. 47, д). Встречается орнамент, выполненный отступающей лопаточкой (рис. 47, в, з), отступающим овальным штампом, в единичных случаях — углом пластинки (рис. 47, б), острием палочки, S — образным и струйчатым штампом (рис. 47, в). Все эти штампы встречаются в различных комбинациях: ряды отступающей лопаточки чередуются с оттисками гребенчатого штампа, струйки — с оттиском креста и гребенки и т. д. На венчике обычно встречается два ряда жемчужин, иногда второй ряд заменяется рядом ямок или оттиском фигурного штампа (рис. 47, б). Оттиски фигурного штампа на венчике и плечиках располагаются либо сплошной полосой, либо образуют геометрические фигуры, чаще ряды наклонных линий, разделенных горизонтальным пояском (рис. 47, д).

Третья группа керамики (9%, рис. 47, з — м) — сосуды баночных или близких к ним форм с бедной орнаментацией. Прослеживается их связь с первой группой: сохраняется два ряда жемчужин на месте границы тулова и венчика, намечается горизонтальная черта (рис. 47, и, м). Иногда венчик слегка отогнут, а по самому краю или изнутри проходит насечка (рис. 47, з, л). Встречаются гладкие сосуды. Фигурный штамп отсутствует.

Сосуды всех трех групп в основном плоскостонные, мелкие чарочки имели круглое дно. Половина найденных донц орнаментирована (рис. 47, н, о).

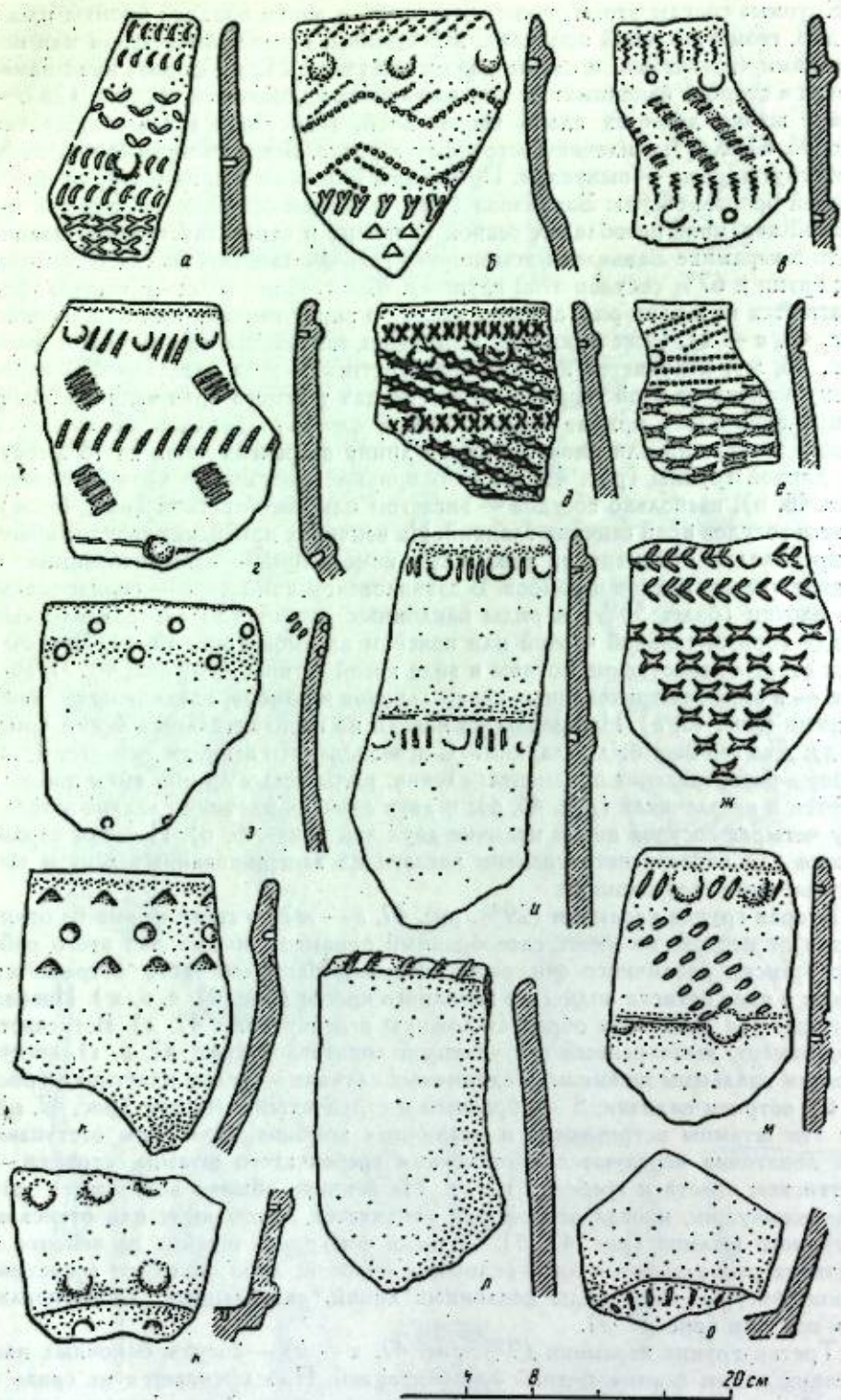

Рис. 47. Поселение у с. Завьялово. Керамика. 1/4 натур. вел.

На тулове около дна располагался поясok из одного-двух рядов жемчужин, они же имелись на доньшке. В двух случаях орнамент был выполнен острой палочкой и расположен концентрическими кругами на внутренней и внешней поверхностях доньшка.

Керамический комплекс Завьялово является дальнейшим развитием карасукской (ирменской) керамики, которая была распространена в этой части Приобья. Во второй группе формы связаны с местными традициями, а орнаментация — с влиянием соседних культур. В целом для комплекса характерны: связь с предшествующей культурой, переход к баночным формам, исчезновение зональности в расположении орнамента и его упрощение, наличие сосудов с двумя рядами жемчужин и появление фигурного штампа.

Костяные и бронзовые изделия, рассмотренные выше, позволяют думать, что памятник относится к VII—VI вв. до н. э. Эту же дату дает и керамика, ближайšie аналогии которой находятся в материале поселений и могильников на Ближних Елбанах³. Столь же близка нашему комплексу небольшая группа керамики многослойного городища Маяк под Новокузнецком⁴. М. П. Грязнов указывает на территории Верхнего Приобья шесть памятников этого времени и полагает, что ареалом их распространения являются лесостепные районы Приобья, Притомья и Обско-Томского междуречья⁵, где наиболее северным известным пунктом является Томский могильник. Но подобная керамика известна и в степной полосе, на р. Оми у с. Преображенское⁶. Там найдены сосуды, очень близкие к завьяловским, орнаментированные горизонтальной елочкой, крестовым штампом, двумя рядами ямок на венчике и ямками на стенках у дна сосуда. Другой пункт с близкой керамикой — памятник Умна 3 (раскопки автора на р. Уени в Новосибирской обл.), где в насыпях курганов II тысячелетия н. э. встречается керамика с оттисками крестового и треугольного штампов.

Завьяловская керамика выделяется наличием разнообразного фигурного штампа, что можно объяснить более северным расположением памятника и территориальной близостью к лесным племенам, у которых фигурный штамп бытовал еще в эпоху поздней бронзы. Керамика с оттисками фигурного штампа известна в карасукское время на памятниках, расположенных к северу от Томска (поселение на Остяцкой горе⁷, Десятковское поселение⁸). Еще ближе к завьяловскому комплексу стоит керамика эпохи поздней бронзы, встреченная у впадения Тары в Иртыш⁹ и на Красноозерском городище¹⁰, с оттисками крестового штампа, горизонтальной елочкой, треугольниками, двумя рядами ямок, ложной веревкой. Крестовый штамп встречается в керамике поздней бронзы ряда культур, например, в керамике лебяжского типа на Печоре¹¹. Чем южнее, тем реже в эпоху поздней бронзы распространены фигурный штамп. В керамике Еловского поселения (раскопки В. И. Матющенко) изредка встречаются отпечатки струйчатого штампа. В поселении Умна 1 среди ирменской керамики найдены три обломка сосудов с крестовым штампом. В более южных пунктах фигурный штамп в карасукское время не отмечен.

³ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхнего Приобья, табл. IX—XIV.
⁴ У. Э. Эрдниев. Городище Маяк. Тр. науч. конф. пединститута, вып. 1. Кемерово, 1956, стр. 157 сл. Находки хранятся в Новокузнецком краеведческом музее.

⁵ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхнего Приобья, стр. 69.
⁶ А. И. Талицкая. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 334. Фонды Омского краеведческого музея, № 4472.

⁷ А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области «Тр. Томского краеведческого музея», т. V, 1956, стр. 296—302, табл. XIV—XX.

⁸ М. Ф. Косарев. Десятковское поселение. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 86, рис. 29.

⁹ Поступление в Омский краеведческий музей.
¹⁰ В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 85, рис. 34; стр. 90, рис. 36. Находки хранятся в Омском краеведческом музее.

¹¹ В. И. Канивец. Канская пещера. М., 1964, стр. 75, рис. 26.

В эпоху раннего железа на всей территории Приобья прослеживается определенная общность культур. В северных районах большебереческой керамике синхронна зеленогорская¹². В. Н. Чернецов отмечает их близость. Общим в керамике этих двух культур является наличие оттисков фигурного штампа. Все это может указывать на проникновение в VII—VI вв. до н. э. на территорию лесостепного и частично степного Приобья северного населения, видимо, вскоре растворившегося в местной среде, так как в последующее время — к V—IV вв. до н. э. — эти новые особенности в орнаменте керамики исчезают.

¹² В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 68.

А. Д. ГРАЧ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КУРГАНЫ НА ЮГЕ ТУВЫ

Памятники древнетюркского времени (VI—X вв. н. э.) имеют весьма важное значение для исследования многих проблем древней истории народов Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии. Этим вызвано было исследование ряда памятников древнетюркского времени на территории Овюрского района Тувинской АССР, расположенных вдоль южных отрогов хребта Танну-Ола.

В Овюрском районе представлены все основные категории древнетюркских памятников — курганные группы, поминальные комплексы, серии каменных изваяний¹ и многочисленные наскальные изображения².

Первые в Овьуре раскопки древнетюркских курганов и поминальных комплексов были проведены на территории высокогорной Саглынской долины³. Всего наряду с памятниками других исторических эпох (монгун-тайгинского типа, курганы с камерами-струбами пазырыкского времени, курганы кыргызского времени, погребения XVII—XIX вв.) в Саглы было раскопано пять древнетюркских курганных погребений и три ритуальные оградки. Кроме того, на территории долины Хачы-Хову были раскопаны ранние древнетюркские погребения с сожжением, составляющие единый комплекс с ритуальными оградами, стелами и енисейскими надписями.

К у р г а н 19 (1960 г.). Расположен в пределах могильника Саглы-Бажи I. Наземное сооружение — из камней и земли; форма в плане до раскопок — округлая, размеры по основным осям 6 и 7 м.

Могильная яма, подчетыреугольная в плане, четко выявилась по интенсивной темной окраске заполнения. Длинной осью яма вытянута с ССЗ на ЮЮВ; нижний ярус вырублен в материковой скале (глубина 2,38 м). Костяк взрослого мужчины находился в западной половине ямы, костяк коня — в восточной ее части (рис. 48). Конский костяк лежал на более высоком уступе и отделен от погребения человека рядом вертикально врытых плит, которые были подперты листовичным бревном⁴, уложенным по длине могилы. Погребение человека было первоначально перекрыто уложенными плашмя каменными плитками, которые частично были смещены. Оказалась перемещенной и часть костей скелета коня — в западную половину мо-

¹ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, стр. 11, 39—49, рис. 67—87; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). «Вестник МГУ», серия IX, 1960, № 1, рис. 2.

² А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, II. МАЭ, т. XVIII, стр. 339, 343—383, рис. 2, 4; 6, 11; 13, 14 табл. V, 2; XIV.

³ Раскопки проводились 1-м археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1960—1961 гг. под руководством автора.

⁴ Листовичный ствол вывезен целиком и передан в Лабораторию археологической технологии ЛОИА АН СССР для анализа по С-14.

Рис. 48. Курган 19. Общий вид погребения с конем

рельефные изображения цветков на фоне так называемого облачного орнамента; имеется отверстие для подвешивания, внутри отверстия сохранились остатки шелковой завязки (рис. 50, 5), деревянная лопата у северной стенки могилы; рабочий конец лопаты для большей прочности обожжен (рис. 50, 29).

Курган 22 (1960 г.). Расположен в пределах могильника Саглы-Бажи III, сложен из валунов и обломков горных пород, форма в плане до раскопок — округлая, размеры по основным осям 6,5 и 7 м.

Форма могильной ямы — подквадратная, ориентирована сторонами по странам света, глубина 0,30 м от горизонта. Погребение разграблено. Скелет человека покоился некогда в западной части могилы; сохранившиеся в первоначальном положении голени позволяют заключить, что ориентировка погребенного — головой на север, первоначальное положение — вытянутое на спине. Инвентарь: железная поясная ливровидная бляха (рис. 50, 6), трехлопастный железный наконечник стрелы.

В восточной половине ямы лежали в анатомическом порядке кости конечностей лошади. Возможно, в погребение был положен не конь, а лишь его шкура с конечностями. Судя по тому, что передние конечности находят-

⁵ Этот факт полностью согласуется с данными письменных источников, сообщающих о том, что центральноазиатские тюрки носили волосы распущенными (см.: Н. Н. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 229; Бичурин (Иакинф). История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. по Р. Х. с картой на разные периоды сей истории (перевод с китайского). СПб., 1833, стр. 232.

гилы отброшен череп и некоторые другие кости конского скелета. Человеческий скелет оказался непотревоженным, кроме черепа и трех шейных позвонков.

Положение скелета человека — вытянутое на спине, ориентировка головой на ССЗ. Инвентарь: обломки железного ножа (возле черепа), бронзовая серьга; она была обнаружена при правой височной кости вместе с ухом, в которое была продета, и частью связок; ухо и связки сохранились вследствие естественной мумификации под влиянием бронзы; (рис. 50, 20), шелковая лента-венчик с приставшими к ней волосами погребенного человека⁵, берестяные полоски с железными заклепками и бронзовым штифтом (слева у таза, между бедренными костями и у левой руки; рис. 50, 12); фрагмент китайского зеркала с фигурным краем и невысоким бортиком (на правой тазовой кости); отражающая сторона зеркала была обращена вверх, на оборотной стороне —

ся в южной части могилы, а задние — в северной, можно заключить, что здесь имела место имитация момента, характерного для обеих основных хронологических групп древнетюркских погребений Тувы, в которых конь обычно ориентировался головой в направлении, обратном ориентировке человека (в данном случае человек — головой на север, конь — на юг).

Курган 25 (1961 г.). Расположен в пределах могильника Саглы-Бажи V, рядом с более древним курганным сооружением (камень для сооружения древнетюркского кургана взят с более древнего кургана — выборка прослеживается очень отчетливо). Сложен из валунов и обломков горных пород, форма в плане до раскопок — округлая, размеры по основным осям 6,5 и 7,25 м. В северо-западной поле кургана найдено звено кольчатых удиц с подвесными украшениями; под центром кургана на глубине 0,19 м от горизонта — железный клепаный котел (рис. 50, 28).

Погребение сильно потревожено. От скелета человека в первоначальном положении сохранилась лишь большая и малая берцовые кости правой ноги; по положению этих костей можно судить о том, что погребенный некогда покоился в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на северо-восток.

В юго-восточной части могильной ямы — два конских скелета (черепа отсутствуют); по положению сохранившихся костей можно представить, что первоначальная ориентировка — головами на юго-запад, причем кони были повернуты мордами к ногам погребенного человека.

При костяках лошадей — две бронзовые бляхи-тройчатки (рис. 50, 3, 4), две концевые бронзовые бляхи (рис. 50, 1, 2) и одна накладная бляха (рис. 50, 8).

Курган 26 (1961 г.). Расположен в пределах могильника Саглы-Бажи V. Так же как и предыдущий, курган находился возле более древнего кургана, с которого и взяты камни — пола этого более древнего сооружения выбрана в объеме наземного сооружения древнетюркского кургана. Сложен он из валунов и обломков горных пород, форма в плане до раскопок — округлая, диаметр 7,5 м.

Форма могильной ямы — подквадратная, ориентирована сторонами по странам света, глубина 0,62 м. Погребение потревожено. От скелета человека *in situ* сохранились берцовые кости обеих ног; по положению этих костей можно заключить, что первоначальное положение погребенного — вытянутое на спине, ориентирован головой на север.

Костяк коня находился в восточной половине ямы, по положению сохранившихся костей — головой на юг. При костяке найдена железная пряжка и костяная подпружная пряжка с железным язычком (рис. 50, 10). В погребении имеются кости барана.

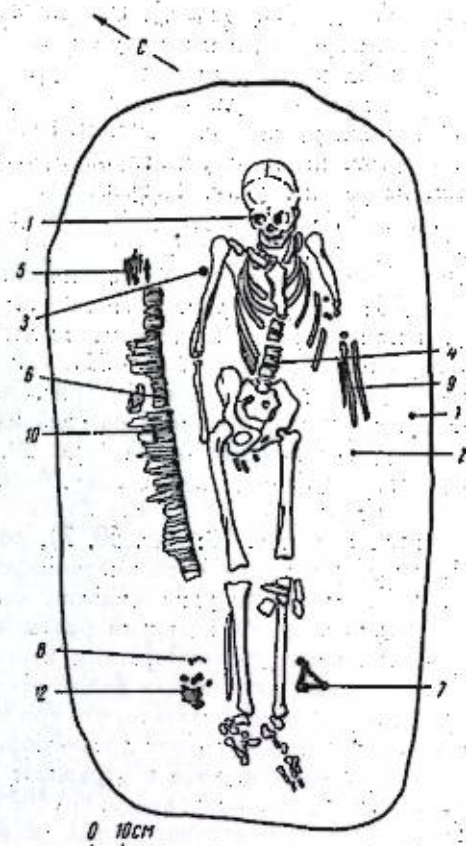

Рис. 49. Курган 27. План погребения без коня

Курган 27 (1961 г.). Расположен на правом берегу пересыхающей р. Теректиг, в 15 км к западу от Кызыл-тея. Сложен из речных валунов. Форма в плане до раскопок — округлая, размеры по основным осям 8,5 и 8 м. В насыпи обнаружено впускное захоронение XVII—XIX вв.

Могила яма основного погребения ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад, глубина 0,95 от горизонта. В засыпке и под скелетом встречены угли. Погребенный был положен на обгорелый грунт. Положение погребенного (рис. 49) вытянутое на спине, ориентировка — головой на СВВ. Справа и слева от погребенного мужчины — отдельные кости лошади (грудина, копыто и пястная кость).

Инвентарь: серебряная серьга (11; рис. 50, 19)⁶, берестяной колчан (6), в приемнике которого семь железных наконечников стрел (5); три из них плоские (рис. 50, 24—26), три — трехлопастные (рис. 50, 21—23), одна — ромбическая в сечении (рис. 50, 27); внутри колчана — сплюснутые древки стрел, фрагмент роговой накладки на лук (рис. 50, 16), золотая фигурная поясная бляха (рис. 50, 14), крепленая с помощью золотых гвоздей на бронзовую основу, бронзовая основа второй такой же бляхи (2; рис. 50, 15), бронзовая бляха с тройным перекрестием (3; рис. 50, 18), железный нож (9; рис. 50, 7), роговой нагрудный амулет (рис. 50, 17), железные удила с восьмерковидными окончаниями и кольцами (7; рис. 50, 11); концы удила связаны кожаным ремешком, железный крюк крюк (8; рис. 50, 9), кожаный фрагмент (12).

Исследование древнетюркских курганов на юге Тувы дает некоторые дополнительные данные для разработки проблемы датировки и периодизации. Есть основания полагать, что три погребения с конем относятся ко второй хронологической группе древнетюркских курганов Тувы (VIII—IX вв. н. э.). Курганы эти, хотя и отражают несколько различные варианты погребального обряда, относятся к группе погребений, исследованных в других районах Тувы и ориентированных по оси север — юг (вариант — север-запад). В этой связи интересна находка в кургане 22 (1960 г.) железной бляхи, относящейся к типу так называемых лировидных. Известно, что лировидные бляхи, обнаруженные в Забайкалье⁷, Минусинской котловине⁸, Алтае⁹, Чуйской долине¹⁰, датируются временем не ранее VIII в. Найдены они были и в Туве (поясные наборы из урочища Кара-Чоога в Центральной Туве¹¹ и из Монгун-Тайги¹², а также бляхи из раскопок С. А. Теплоухова¹³). Если сопоставить данные о погребальном обряде всех захоронений с труположением, в которых были обнаружены металлические лировидные бляхи, то оказывается, что все они были найдены в погребениях с северной ориентировкой и пока ни разу не были встречены в погребениях, ориентированных по оси восток — запад. Металлические лировидные бляхи, предметы для древнетюркского времени относительно поздние, связаны с

⁶ Здесь и далее в скобках даются № находок по чертежу.

⁷ Ю. Талько-Грыцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Иркутск, 1902, табл. II, С.

⁸ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1926, стр. 57, табл. II, 47. Бронзовые лировидные бляхи представлены в собраниях Минусинского музея (№ 8433—8437, 8439—8441).

⁹ А. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 103, 105, рис. 40, табл. III; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1951, стр. 536, 538, табл. L, 5.

¹⁰ Тр. Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. XLIV, 9; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. КАЗЭ, т. II, М., 1959, рис. 45, 8.

¹¹ С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. II, 1954, стр. 148, 150, табл. VII, VIII, 9.

¹² А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве. Тр. ТКЭАН, т. I, М.—Л., 1960, стр. 32, рис. 34, а.

¹³ Хранятся в Эрмитаже, № 4566—15, 16 (с. Успенское); 4547—10 (Будук).

поздней группой погребений с конем, датируемой VIII—IX вв. Находка из Саглы, обнаруженная в погребении с северной ориентировкой, еще раз подтверждает эту закономерность. Лировидные бляхи ни разу не были встречены на изваяниях, датируемых VII—VIII вв. (изваяния при оградках), но зато встречены на изваяниях более поздних — VIII—IX вв.¹⁴ (одно такое изваяние было обнаружено и в Овьоре — долина р. Боора-Шей)¹⁵.

Для датировки кургана 19 (1960 г.) интересен фрагмент китайского зеркала, превращенный в подвесной амулет. По классификации, представленной в китайской литературе, посвященной металлическим зеркалам, находки из Саглы относятся к типу зеркал, характерных для второй половины эпохи Тан (по данной классификации для начала танского времени характерны только круглые зеркала, а позднее появились зеркала фигурные)¹⁶. Согласно этой классификации, саглыское зеркало относится к типу III — зеркало в виде священного цветка (бао сянь хуа), являющегося буддийским мотивом¹⁷. На оборотной стороне зеркала из Саглы имеются изображения того же цветка, в общем повторяющие формы самого зеркала — изображения на фоне так называемого облачного орнамента, представленного и на зеркалах иных, более ранних типов¹⁸.

Широкий ареал имели трехконцевые сбруйные бляхи, подобные найденным в кургане 25 (1961 г.). Такие бляхи были найдены на Алтае (Курай I)¹⁹ и в Минусинской котловине (Капчалы I)²⁰.

Погребение без коня (курган 27, 1961 г.) датируется, по-видимому, временем несколько более поздним, чем курганы, содержащие погребения с конями. Есть основания полагать, что оно относится к IX—X вв. — заключительному этапу древнетюркского времени и таким образом синхронно памятникам сrostкинской культуры. Об относительно поздней дате этого кургана свидетельствуют находки плоских стрел и удила с восьмерковидными звеньями; подобные удила уже были известны среди инвентаря курганов поздних кочевников в Туве (Кара-Чоога²¹, Бай-Тал²², Тора-Тал-Арты²³), датируемых VIII—IX и IX—X вв. н. э.

Заслуживает особого внимания один момент погребального ритуала, зафиксированный при раскопках кургана 22 (1960 г.), где в могилу был помещен не труп лошади полностью, а шкура коня. Между тем известно, что для исследованных к настоящему времени центральноазиатских тюркских погребений с конем — как для первой группы (VII—VIII вв.), так и для группы более поздней (VIII—IX вв.), характерной чертой являлось помещение в могилу целой туши лошади. В Туве, Монголии и Горном Алтае для древнетюркского времени до сих пор не было зафиксировано факта «за-

¹⁴ А. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, стр. 109, рис. 65; Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, стр. 153; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 65; А. Д. Грач. По поводу рецензии Л. Р. Кызласова. СА, 1965, № 3, стр. 302 и сл. (в последней работе проводится сравнительная таблица лировидных блях).

¹⁵ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 44, 65, рис. 77, 78.

¹⁶ Собрание бронзовых зеркал, раскопанных в провинции Чжецзян (составитель и автор вступительного текста Ван Шидунь). Изд. Чжунго гудэюй шу Чубаньшэ, 1957, стр. 7 (на китайском языке). Перевод с китайского научных сотрудников Института этнографии АН СССР В. А. Вельгуса и А. И. Мухлинова.

¹⁷ Там же, стр. 7, рис. 51, 52.

¹⁸ М. Лаврова. Китайские зеркала ханьского времени. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1, Л., 1927, стр. 6; А. Д. Грач. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве. СЭ, 1958, № 4, стр. 27.

¹⁹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 540, табл. L, 21.

²⁰ В. П. Левашова. Два могильника кыргызо-хакасов. МИА, № 24, рис. 1, 31.

²¹ С. И. Вайнштейн. Указ. соч., стр. 151, табл. VII, 4.

²² А. Д. Грач. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге (из материалов полевого сезона 1959 г.). Тр. ТКЭАН, т. II, 1966, стр. 96, рис. 24, 1.

²³ А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Краткие итоги исследований археологического отряда ТКЭАН. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, табл. I, 7 (в подписи к таблице обломок удила ошибочно назван подвеской).

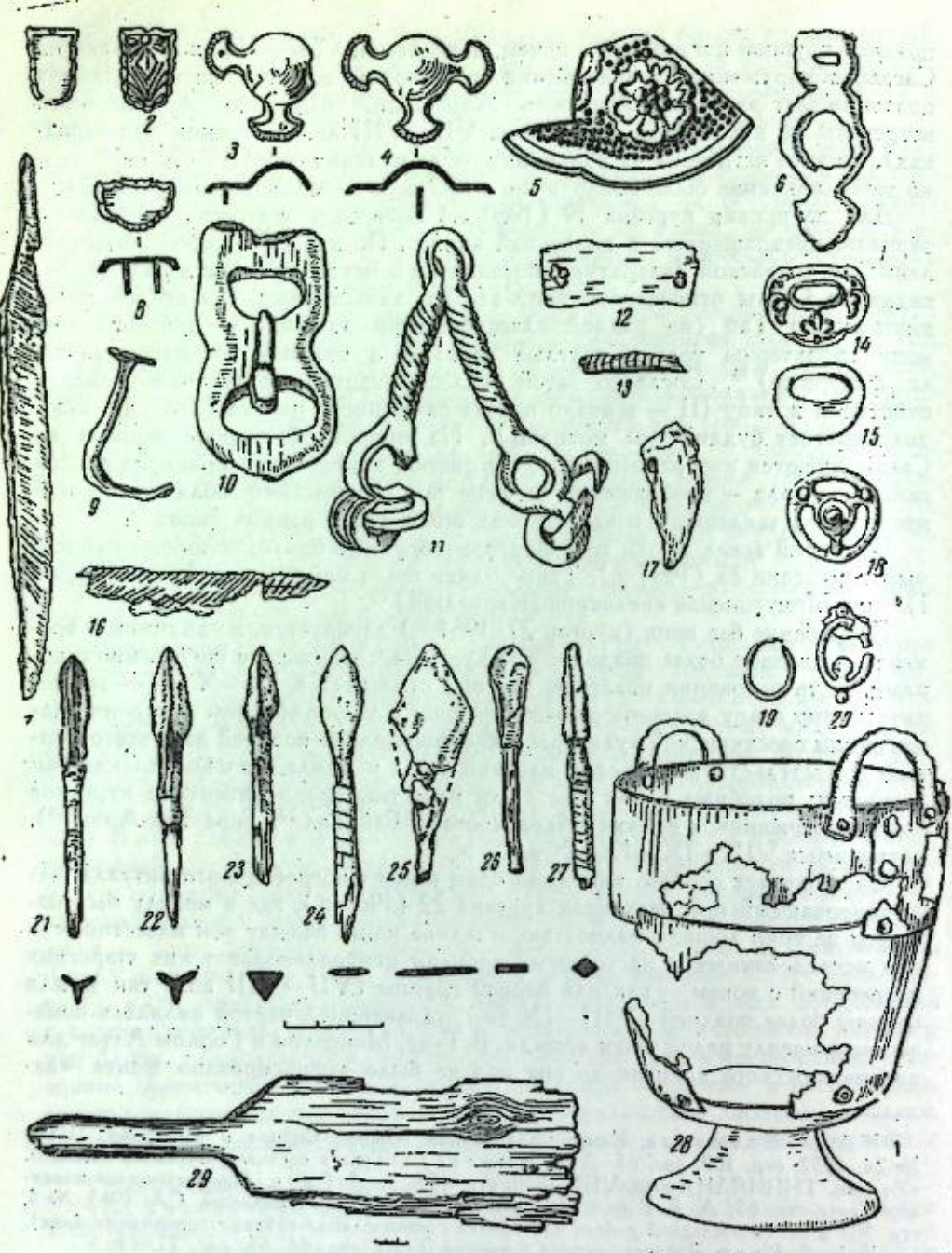

Рис. 50. Инвентарь из древнетюркских погребений

5, 12, 13, 20, 29 — курган 19 (1960 г.); 6 — курган 22 (1960 г.); 1, 4, 8, 29 — курган 25 (1961 г.); 10 — курган 26 (1961 г.); 7, 11, 14—19, 21—27 — курган 27 (1961 г.)

мены» цельной туши коня шкурой; погребение на могильнике Саглы-Бажи III отличается этой деталью погребального ритуала. Вместе с тем необходимо указать, что обычай помещения в могилу шкуры лошади с оставленными в ней конечностями, а также головой, был характерен для погребального обряда многих захоронений кочевников юга России X—XIII вв.²⁴

²⁴ С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА. № 62, 1958, стр. 155, 161, 162, 183, рис. 2, 2, 3, 6, 7; рис. 18, 2; Тр. XII АС. М., 1905, стр. 141—144; Тр. АС. т. I. М., 1907, стр. 346; М. П. Грязнов отмечает, что обычай ос-

Археологические данные совпадают и с сообщениями арабского путешественника Ибн Фадлана, который указывал, что мясо лошадей съедают «... кроме голов, кожи и хвоста»²⁵.

Обнаружение этого элемента погребального обряда при раскопках древнетюркского погребения в Центральной Азии заставит в будущем, при накоплении серийных фактических данных, исследовать вопрос о возможных центральноазиатских корнях этого погребального обычая, зафиксированного в более поздних кочевнических погребениях юга России.

тавлять после поминального пиршества шкуру с конечностями и черепом получил широкое распространение уже в эпоху бронзы (см.: М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, № 48, 1956, стр. 107 и сл.).

²⁵ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939, стр. 160.

О. Г. БОЛЬШАКОВ

О РАСКОПКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА
ХАУЗ-ХАН В 1961 г.

В связи с работами по сооружению Хауз-ханского водохранилища между Мары и Серахсом отдел охраны памятников министерства культуры Туркменской ССР организовал в 1960 г. раскопки городища Хауз-хан, которое подлежало затоплению. Это городище представляет собой остатки большой караванной станции на полпути из Серахса в Мерв¹, на одной из оживленнейших магистралей Ближнего и Среднего Востока. Остатки караван-сарая и других построек составляют две группы холмов: северную, образовавшуюся из построек домонгольского времени, и южную — тимуридского времени, где заметны остатки хауза (или сардобы), по которому и названо городище².

В 1960 г. была раскопана часть караван-сарая в восточной части северной группы (рис. 51, раскоп 1) и заложен большой шурф в южной части этой группы (рис. 51, помечен буквой А).

Раскопки караван-сарая дали много интересных находок: стекла, керамики, бронзы. Слой датирован двумя динарами Меликшаха, один из которых имеет дату 483 г. х. — 1090/91 гг.

В 1961 г. эти работы продолжил отряд в составе К. Г. Большаковой, Б. И. Маршака, В. И. Распоповой под руководством автора этой статьи. Кроме того, были проведены раскопки в четырех других пунктах северной группы развалин и снят инструментальный план этой группы в масштабе 1:1000 с сечением горизонталей через 1 м (рис. 51)³.

Как явствует из этого плана, северная группа развалин состоит из четырех больших холмов высотой 6—6,5 м с крутыми скатами, к северу от которых тянется пологий шлейф с остатками мелких построек. Два южных и северо-восточный холмы имеют одинаковый рельеф с квадратным понижением в центре, присущим развалинам зданий с большим внутренним двором. Поскольку раскопки северо-восточного холма, где был обнаружен караван-сарай, подтвердили это предположение, мы можем смело утверждать,

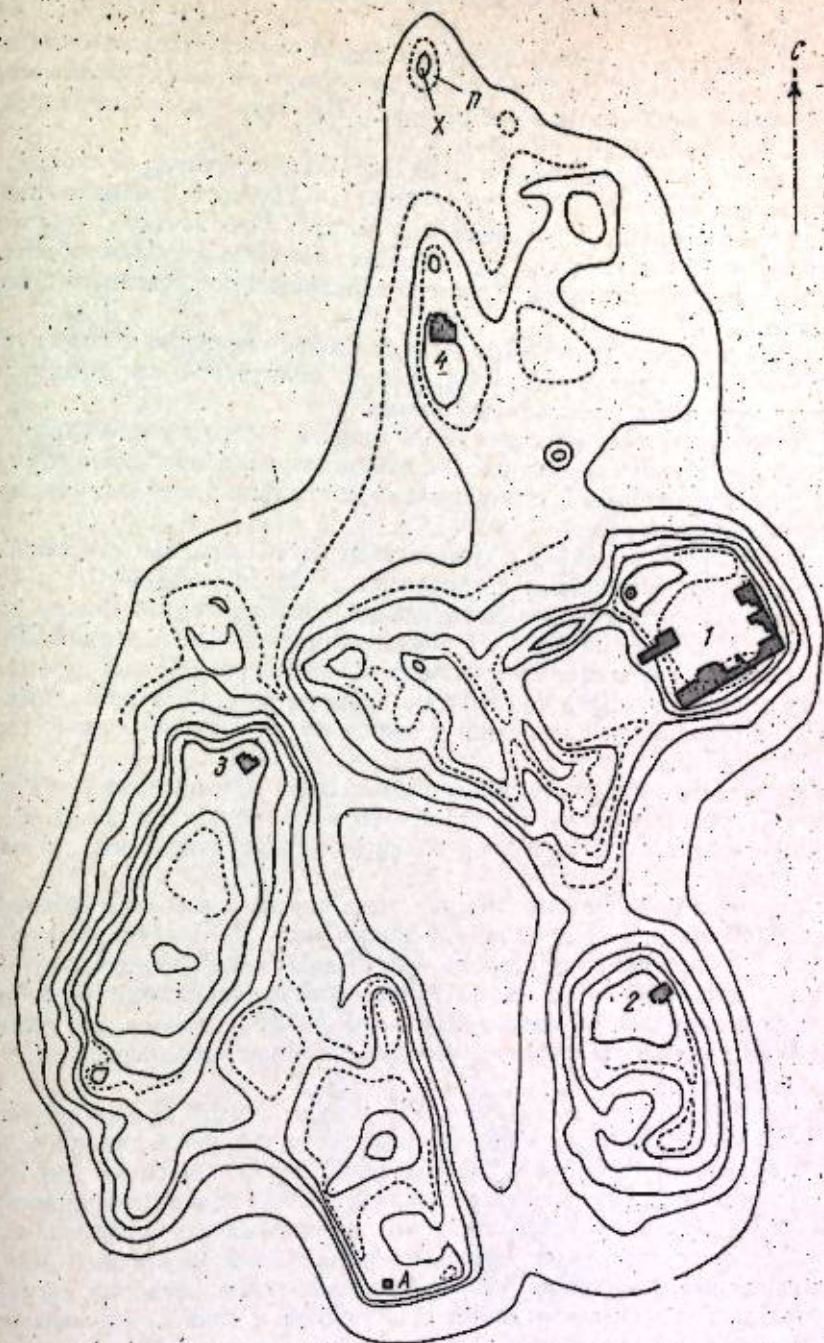

Рис. 51. Городище Хауз-хан. План северной группы холмов

¹ К. А. Адыков отождествляет городище Хауз-хан со станцией Тильситана, упоминаемой арабскими географами: К. А. Адыков, Тильситана (промежуточная станция на отрезке древнего торгового пути из Мерва в Серахс). «Изв. АН Туркменской ССР», 1959, № 1, стр. 96—103.

² Станция Хауз-хан неоднократно упоминается в письменных источниках послемонгольского времени, ср.: В. В. Бартольд, Соч., т. III, стр. 153.

³ План группы построек послемонгольского времени, расположенный к югу, не был выполнен в связи с большой изрытостью; представление о положении этой группы дает глазомерный план, опубликованный в упомянутой статье К. А. Адыкова.

Исходной точкой нивелировки, условно принятой за 6 м, является наивысшая точка в северо-восточном углу караван-сарая (на плане обозначена кружком с точкой). От этой отметки велась отсчеты глубины в раскопках.

что и на других участках с подобным рельефом находились караван-сарай или рабаты.

Для выяснения характера застройки других частей станции были заложены три раскопа — 2, 3 и 4 и расчищены остатки печи для обжига кирпича в северной оконечности шлейфа (рис. 51). Ниже приводится предварительный отчет об этих раскопках.

Раскоп 1 — караван-сарай. В 1960 г. были раскопаны 36 помещений, в основном по верхнему слою (до глубины 1—1,5 м от поверхности), но несколько помещений, раскопанных на большую глубину (до 3,5 м от поверхности), выявили сложную стратиграфию памятника и свидетельствовали о значительном изменении характера планировки по сравнению с первоначальной.

Изнутри на протяжении 90 м была выявлена сырцовая внешняя стена караван-сарая толщиной 4 м, с наружной облицовкой из квадратного обожженного кирпича, положенного плашмя.

В 1961 г. наш отряд поставил своей задачей обнаружить въезд в караван-сарай (въезд этот обычно имел монументальный облик; его оформляли в виде парадного портала) и уточнение стратиграфии в помещениях, соседних с раскопанными ранее.

Основные работы велись в центральной части западной стороны, где, судя по рельефу, можно было предполагать въезд. На глубине 1,5 м от поверхности выявились мощные стены здания, относящиеся к периоду до его перестроек. Между ними оказался коридор шириной 4 м и длиной 20,5 м. «Он делится на две части: восточная, наиболее длинная (около 16 м), составляет собственно коридор; стены его сложены из сырцового кирпича без какой-либо облицовки, вдоль всей длины идет кирпичная скамья (суфа) шириной в 0,55 м.

Западная, меньшая часть, представляет собой проход, стены которого являются продолжением стен коридора, но в отличие от них были облицованы до основания. Остатки этой облицовки сохранились лишь у южной стенки прохода.

Точно так же облицована внешняя стена справа и слева от выхода. Судя по аналогиям с другими зданиями такого типа, здесь начинался портал, но раскопать хотя бы одну сторону его не удалось ввиду окончания работ.

Из коридора в обе стороны идут симметрично расположенные проходы в боковые помещения, которые предназначались скорее всего для привратников. Нам удалось раскопать часть одного из них, находящегося к северу от коридора.

Раскоп был доведен до глубины 4,75 м ниже репера (3,25 м от поверхности). На этом уровне расчищен кирпичный пол узорчатой кладки из квадратного обожженного кирпича⁴ (в западной части коридора пол совершенно уничтожен). Он относится к периоду, когда здание находилось еще в хорошем состоянии и сохранялась его первоначальная планировка. На этом же уровне обнаружен тщательно выложенный кирпичный пол и в центральной части восточной стороны караван-сарая, напротив въезда.

Впоследствии на полуметровый слой мусора и глины, скопившийся, в коридоре, небрежно положили новый кирпичный пол, коридор перегородили тонкой кирпичной стенкой, оставив лишь узкий проход. Во время этого ремонта здание находилось уже в запущенном состоянии и начало разрушаться.

Последний сколько-нибудь регулярный пол был положен на высоте 0,75 м над узорчатым кирпичным полом (выше можно проследить только случайные наброски обломков кирпича).

Одновременно в противоположной части здания были срублены некото-

⁴ В восточном конце коридора сразу под этой вымосткой прослеживается другая, с иным рисунком, но столь же тщательно выполненная.

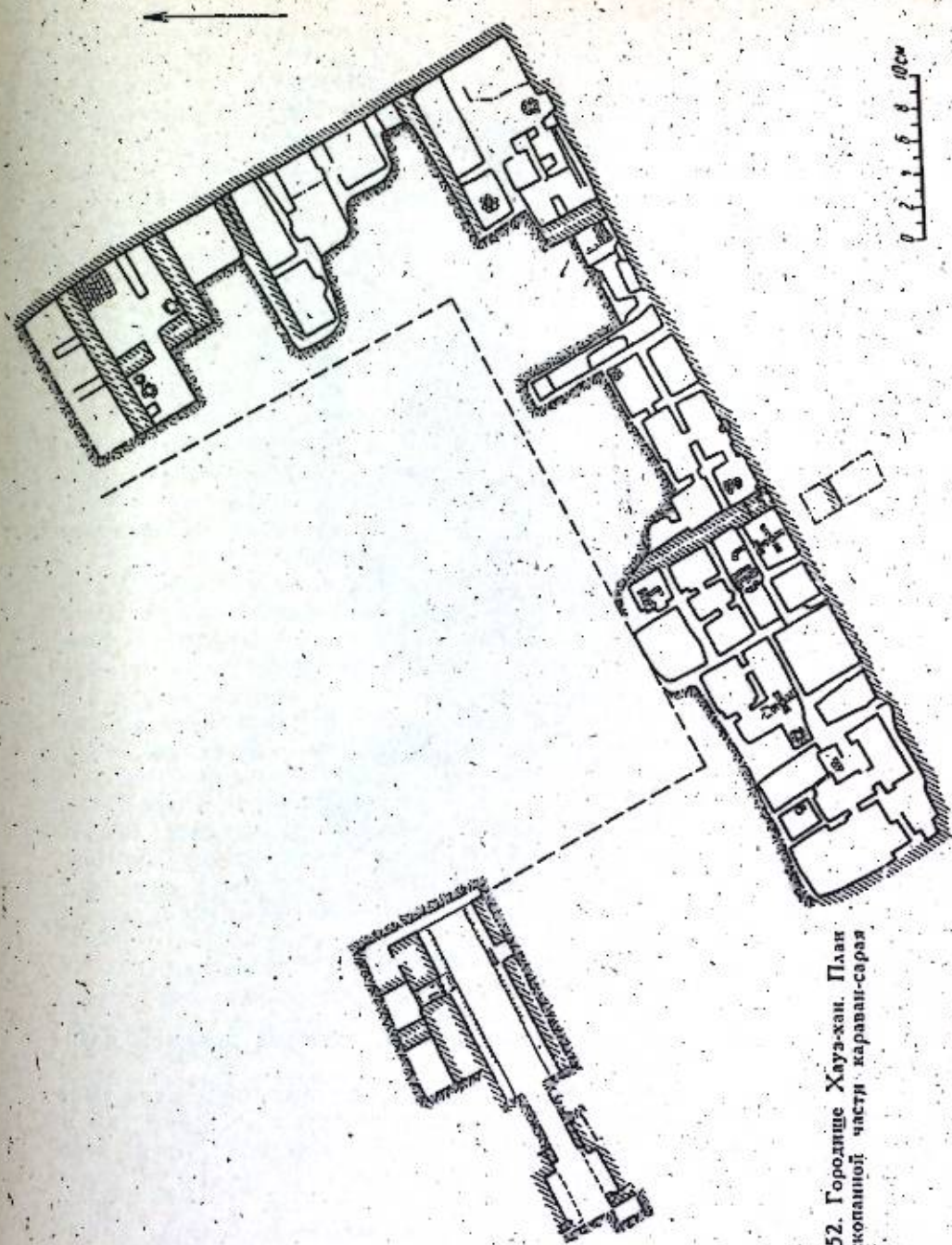

Рис. 52. Городище Хауз-хан. План раскопанной части караван-сарая

Рис. 53. Городище Хиуз-хан. Бронзовый кувшинчик из клада

рые стенки, на них поставили новые (правда, повторив прежний план) и сделали кирпичную вымостку пола.

Последний строительный период в проезде не удается отчетливо выделить (возможно, архитектурно оформленного проезда в то время уже не существовало), зато он хорошо прослеживается в остальных частях караван-сарая; к нему относится подавляющее большинство помещений, раскопанных в 1960 г. Уровень пола помещений этого периода колеблется около отметки 3—3,25 м ниже репера. Характерны небольшие размеры комнат, тонкие стенки в один-два обожженных кирпича, очень небрежная кладка, в заполнении комнат — большое количество всякого мусора. Первоначальный план караван-сарая в это время был совершенно изменен. Прежние большие помещения были перегорожены; образовалось множество мелких комнаток, почти в каждой из которых устроен очаг (в первоначальных помещениях их не было), из чего можно заключить, что в последний период здесь находились более или менее постоянные жители. Перегородки не массивные, сырцовые, как прежде, а в большинстве случаев небрежно сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе. Кирпич, вероятно, брали из разрушившейся части караван-сарая, скорее всего из портала, от которого сохранилось только основание стен.

При раскопках проезда было найдено незначительное количество мелких фрагментов поливной и неполивной керамики и обломки каменных кот-

лов. Поливная керамика в слое мусора и глины на узорчатом кирпичном полу относится к началу XI в.; керамика из верхних слоев несколько отличается от нее, но эти различия, ввиду незначительного количества фрагментов, не могут служить основанием для датировки данных слоев.

Косвенным путем мы все же можем сделать некоторые заключения о дате основных этапов жизни здания. Узорчатый кирпичный пол довольно изношен и местами зачищен, что свидетельствует о довольно длительном периоде его существования, не менее 20—30 лет. Следовательно, если в слое глины и гумуса, лежащем на этом полу, находятся фрагменты керамики начала XI в., то замощение пола и соответствующая перестройка здания относятся, вероятно, ко второй половине X в. С другой стороны, самый верхний слой здания относится не ранее чем к XII в. Его датируют упомянутые два медных динара (быть может, фальшивых) с именем Меликшаха, с датой 1090/91 г.

Любопытно, что раскапывавшийся караван-сарай (или рабат) выходил не непосредственно на улицу, а в большой двор, окруженный постройками, о чем свидетельствует рельеф участка к западу от него. Возможно, что этот двор служил для размещения верховых и вьючных животных, а люди помещались во втором здании.

Раскоп 2. Расположен к югу от раскопа 1. Площадь раскопа 10 × 6 м. Здесь выявлены два прямоугольных помещения и коридор. Четвертое помещение, находившееся на склоне, не имело четких границ. В прямоугольных помещениях открыты круглые очаги с устьем, выложенным обожженным кирпичом. В южном из этих помещений раскоп доведен до уровня 2,2 м ниже самого позднего пола. Выяснилось, что один из очагов четырежды перестраивался на одном и том же месте, причем при перестройке срезалась верхняя часть предыдущего очага. Помещение заполнено глиной и несколькими слоями золы и зеленоватого перегноя.

В коридоре раскоп доведен до уровня 5 м ниже репера. Оказалось, что стены коридора перестраивались четырежды, каждый раз они перемежались слоями глины и гумуса. Самая нижняя стена, сохранившаяся на высоте семи кирпичей, стоит на песчаном основании, которое прослежено на глубину 0,8 м. Коридор сверху донизу был заполнен перемежающимися слоями глины, гумуса разных оттенков — от серо-зеленого до светло-желтого, и зольников. В этом заполнении найдены фрагменты более двух десятков неполивных светлоглиняных кувшинов с очень характерной выступающей снаружи донной частью. Поливная керамика представлена мелкими фрагментами, в основном XI, отчасти X в., однако нет ни одного, который с уверенностью можно отнести ко времени раньше X в.

Четвертое плохо сохранившееся помещение было раскопано лишь до уровня верхнего пола. Здесь была сделана наиболее интересная находка, а именно небольшой кладок, состоявший из бронзового кувшинчика с грушевидным, расширяющимся книзу туловом (форма, характерная для кувшинов сасанидского времени, но известные и поздние ее реминисценции) на высокой ножке (рис. 53); бронзового светильника, от которого сохранился треножник основания и верхняя часть в виде плоской тарелочки (ствол светильника, вероятно, сделанный из железа, не сохранился)⁵; шесть миниатюрных стеклянных флаконов и баночек и небольшой поливной горшочек (высота 5 см) с пестрой желто-голубой поливой, характерной для одного из видов иранской керамики XII—XIII вв. Клад в целом может быть датирован предмонгольским временем.

Раскоп 3 находится на холме к западу от раскопа 1, площадь его 56 кв. м. Раскоп доведен до глубины 6 м от поверхности. Открыты два помещения, одно из которых шириной 3,5 м, второе — больших размеров,

⁵ Оба бронзовых предмета скудно орнаментированы, надписи отсутствуют.

М. В. ВОРОБЬЕВ

ДВА СТРОЕНИЯ С КАНАМИ В КРАСНОЯРСКОЙ КРЕПОСТИ
 В ПРИМОРЬЕ

В 1958 и 1960 гг. на территории Красноярской крепости у г. Уссурийска в Приморском крае продолжались раскопки различных сооружений, принадлежавших чжурчжэням.

Строение жилого типа 2 (5 по общей нумерации) расположено на террасе, являющейся продолжением соседней террасы с ее жилищем 1 (4), раскопанным нами в 1956—1957 гг.¹ Терраса со строением 2(5) также находится в верхней части юго-западного склона оврага, но более отдалена от края крепости и расположена чуть выше и глубже по склону оврага, чем соседняя терраса со строением 1 (4). Терраса со строением 2 (5) имеет небольшой (до 50 см) наклон вдоль склона оврага и довольно крутой уклон (до 2,5 м) в глубину (с заплывом), при относительно ровной поверхности основной своей части, служившей площадкой для жилища.

После удаления дерна, завала и заплыва, очертания и некоторые конструктивные элементы жилища определились довольно четко. В этом отношении жилище мало чем отличалось от соседнего жилища 1 (4). Однако для жилища 2 (5) характерен более ровный пол с понижением его до 10 см к южному краю, разрушенному обрывом; стенки сохранились плохо. Только северная стенка, совпадающая с концом верхней террасы, обрисовывается довольно четко, боковые стенки определяются с достаточной долей вероятности по грядкам камней на западной и восточной оконечностях. Южная стенка не сохранилась вовсе. Примерные размеры жилища — 8×5 м (рис. 54).

Основу сохранившейся планировки жилища составляет отопительная система. Она представляет собой сочетание очага с Г-образным каном, сложенным на полу жилища из ровных камней. Очаг расположен в юго-восточной части жилища. Он имеет вид ямы округлой формы, верхние края которой выложены камнем. Диаметр очага 1,3 м при глубине до 0,40 м. Стены его отвесные (кое-где сохранились камни кладки), дно ровное, покрытое слоем пережженной почвы. Отверстие для топки у этого очага, по-видимому, когда-то прикрытого сверху, находится с юга и обрамлено двумя камнями. С северо-западной стороны очаг соединяется с отверстием отопительного дымохода или дымоходов — на отдельных участках кана замечены следы второго дымохода, параллельного первому. Основное колено дымохода тянется в северо-западном направлении на 4,2 м, параллельное ему — на 4,6 м. Дымоход сложен из двух рядов камней (размер их 15—20 см), средняя ширина его 25 см, а всего кана (два дымохода) 90 см.

¹ См.: М. В. Воробьев. О работах Ворошиловского отряда в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959.

ширина его свыше 4 м, длина раскопанной части 8 м. В первом помещении у западной его стены на участке 2×3,5 м раскоп доведен до материка. В отличие от раскопов 1 и 2 здесь помещения были заполнены почти чистым песком с небольшими гумусными прослойками. Стены несколько раз перестраивались. Раскоп не дал сколько-нибудь интересных находок, но показал, судя по керамике, что здание основано не ранее IX в., так как даже в самом нижнем слое у материка найдена поливная керамика IX в.

Раскоп 4 расположен к северу от раскопа 1. Площадь раскопа 12×13 м. Здесь обнаружены остатки небольшого дома, в котором расчищены четыре комнаты. Стены сохранились на незначительную высоту (не более метра, в среднем 0,4—0,6 м). Здание подвергалось ремонтам и перестройкам, сильно менявшим планировку. Тщательное их исследование позволило выяснить взаимосвязь помещений в различные периоды.

Раскопки привели к важному заключению, что здание относится к более раннему периоду, чем остальные, раскопанные нами: нижний слой относится к началу VIII в. (его датирует дирхем 92 к. х. (710—711 гг.)), а верхний — не позже IX — начала X в.

Нижний слой дал фрагменты интересной поливной керамики, вероятно, наиболее ранней в Средней Азии — с поташной поливой и росписью черной и зеленой красками. Полива в большинстве случаев полностью осыпалась, и керамика производит впечатление росписной неполивной. Роспись — в виде геометрического и растительного орнамента. Среди других интересных находок на этом раскопе следует выделить круглую стеклянную гирию, которые вообще крайне редко встречаются среди находок.

Вокруг северного комплекса караван-сарая расположено несколько кирпичеобжигательных печей. Севернее раскопа 4, в самой северной части развалин, были расчищены остатки такой печи, разрушенной земляными работами. Печь имела большую прямоугольную камеру, от которой сохранился только под, давший представление о размере печи (2×2,5 м), и ее устье, заложённое кирпичом. Обследование остатков других печей показало, что все они были построены для обжига кирпича, из которого сооружались караван-сарай.

Работы, проведенные на Хауз-хане весной 1961 г., позволяют утверждать, что Хауз-хан как крупная караванная станция сложилась в основном в IX в. Однако какие-то постройки существовали здесь уже к началу VIII в. Следов более ранних построек обнаружить не удалось.

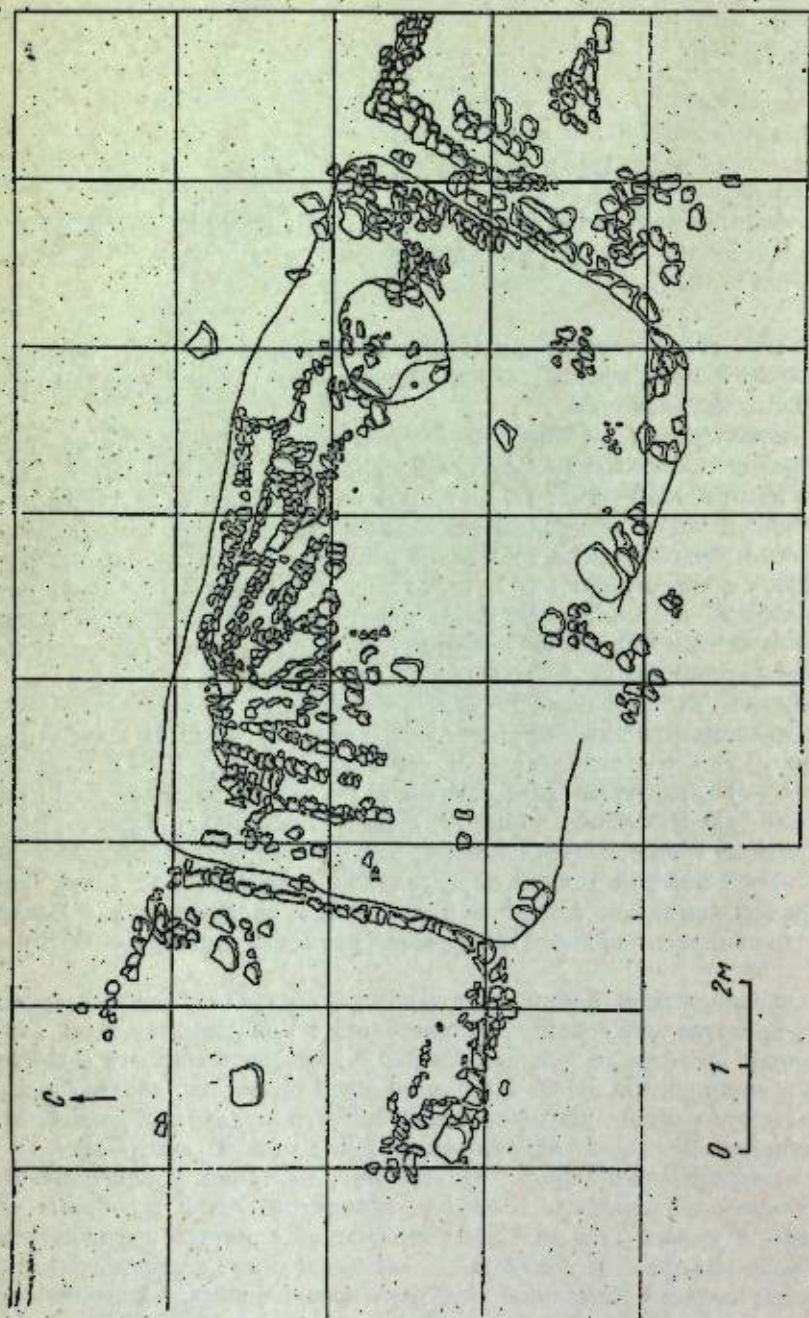

Рис. 54. Красноярская крепость в Приморье. Жилище № 2 (5). План

В северо-западном углу жилища канн поворачивает под углом $60-70^\circ$ и далее тянется почти в южном направлении на протяжении 2,4 м. Стенки кана выложены на ровной поверхности пола: на четырехметровом протяжении высотные отметки у основания кана колеблются в пределах 3—5 см.

В очаге, в ряде мест в дымоходах, в углу, образованном коленом дымоходом, найдены обломки керамики: твердой серой, кирпично-красной и в одном случае черной лощеной.

Судя по планировке, юго-восточная стенка жилища либо близко подходила к стенке жилища 1, либо была общей для двух этих жилищ. Северо-западная стенка плохо сохранилась, но жилище с этой стороны как-то было ограничено П-образным рядом камней, положенных в один ряд вплотную друг к другу. Значение этой выкладки из-за плохой сохранности недостаточно ясно.

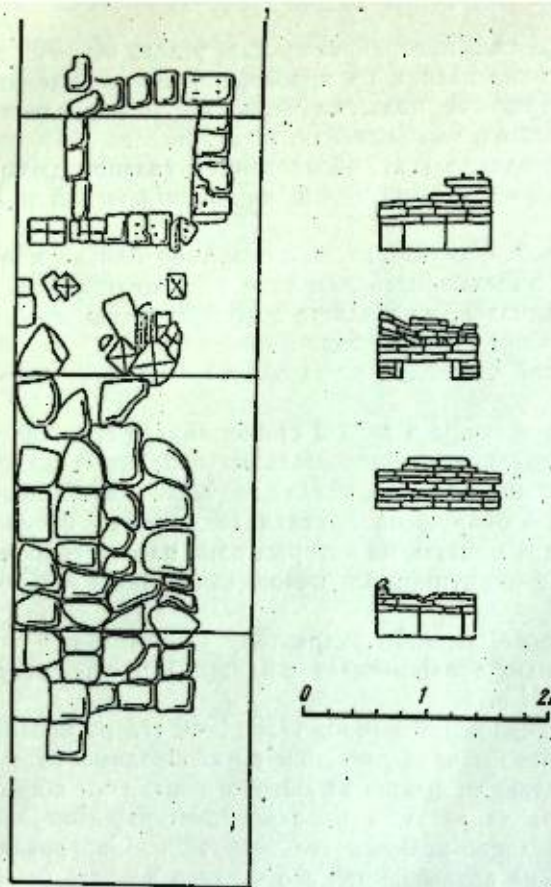
На полу в отдельных местах жилища в завале стенок внутри его найдены фрагменты керамики уже описанного типа, железные изделия (гвозди, долото, ушко сосуда, кольцо, стамеска, части котла) и шлаки, отдельные обломки черепицы и кирпича. Обнаружена круглая голубоватая бусина из непрозрачного материала и две монеты, из которых одна плохой сохранности и не определима, а другая — «чуннин чжунбао», выпущена в 1102—1103 гг.

Таким образом, по планировке, размеру, характеру отопительной системы, составу находок это жилище напоминает жилище 1 и относится, судя по найденным монетам, к XII в.

Здание 2 исследовалось неоднократно в 1956, 1958, 1960 гг., раскопано менее трети его площади. С самого начала раскопки по необходимости носили разведочный характер и ставили целью выяснение контура и общей планировки сооружения на двух террасах, а в дальнейшем изучение его отопительной системы и установление времени его постройки. Оно располагалось во внутреннем городе, на возвышенной его части и некогда было видно издали. Для постройки здания был выбран ровный участок бок о бок со зданием 1, насыпаны две ровные невысокие террасы, спускающиеся к югу. Наружный край нижней террасы, ограниченный полуметровым обрывом, укреплен грядой крупных необработанных камней. Террасы и само здание ориентированы на юг (точнее на 190°). С запада и востока оно окружено низким (около 40 м) оплывшим валом шириной 4—5 м, служившим, возможно, основанием для ограды. Площадка под здание представляет собой параллелограмм размером 52×28 м, в юго-восточном углу которого имеется выступ. На западном участке северного вала имеется понижение, за которым расположен водоем диаметром 7 м. Площадка, обрамленная валами, сильно оплыла в глубину, что и дало колебания в высотных отметках между северной и южной ее оконечностями до 6 м. Под дерном толщиной 15 см залегал бурый слой, содержащий находки, а под ним слой желтой глины толщиной 20 см, служивший полом. Замеры на уровне пола доказали его горизонтальный характер. Южная терраса расположена на 35—40 м ниже северной. Сразу же под дерном оказались скопления кровельной битой черепицы, по преимуществу гладкой. Наличие только битой черепицы, а также отсутствие баз для колонн, без которых здание не могло существовать (найжены лишь две вывороченных базы), говорят о том, что после разрушения здания его строительные материалы были использованы для иных целей.

В центрально-восточной части здания в полу обнаружена кирпичная печь с прилегающей к ней каменной вымосткой (рис. 55). Все сооружение занимает площадь $5,2 \times 1,9$ м. Сама печь в плане почти квадратная — $1,4 \times 1,3$ м, а внутренняя ее полость квадратная — $0,8 \times 0,8$ м при глубине 0,6 м (от сохранившегося верхнего края печи до ее пода). Печь сложена из крупных обожженных кирпичей ($33 \times 22 \times 55$ см) с желто-бурым, реже серо-синим и красным черепком. Способ кладки двоякий: западная и северная

стенки в основании сложены из кирпичей, положенных на длинное ребро, восточная и южная — из кирпичей, лежащих плашмя. В нижней части южной стенки выложено прямоугольное отверстие — начало дымохода, уходящего под вымостку. Во всех случаях кладка произведена с продольной перевязкой швов, по-видимому, без скрепляющих материалов и сохранилась на высоту восьми рядов. В печи найдены фрагменты серой керамики, черепицы, железные гвозди и скобы, комки пережженной почвы и угольки. Вымостка выложена из крупных аморфных необработанных камней, у которых ровная лишь одна сторона — верхняя. Камни положены плотно друг к другу и промазаны глиной.

В здании 2 найдены разнообразные железные поделки: крюки, пластинки от панциря, наконечник стрелы, стерженек, гвозди разных размеров, половина не крупного диска из яшмы, мелкие фрагменты селадона, множе-

Рис. 55. Красноярская крепость в Приморье. Вымостка и печь в здании 2

ство обломков гладких серых сосудов с венчиками «улиткой», части глиняных архитектурных деталей с изображением драконов, черепица гладкая подстилающая, капельники, ornamentированная стреховая и т. п.

Наиболее интересными результатами раскопок двух этих сооружений на нынешней стадии их исследования является обнаружение строительной системы типа кана в разных ее вариантах. Кан — особая система отопления дымом идущим от очага по специальным дымоходам — канам, расположенным в теле лежанок по стенам (собственно кан) или под полом (ондоль) и выходящим за пределами жилища из дымовой трубы или из отверстия в грунте. Эта оригинальная система создана тунгусо-маньчжурскими племенами Приамурья, Приморья, Маньчжурии и Северной Кореи. В первые века нашей эры она уже была в употреблении: когуресцы — «простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты»². В здании 5 в восточной столице бохайцев (Дунцзинчэне) есть два больших кана, идущих поперек всего здания под прямым углом к северной стене и выходящих за пределы здания с некоторым повышением — для лучшей тяги, так как наружная выводная труба отсутствовала, как почти у всех зданий дворцового или административного типа. Ширина этого кана 3 м, а длина 15 м³.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 100.

³ Мурата Дэиро. Мансю-но сисэки (исторические памятники Маньчжурии). Токно, 1944, стр. 164—165.

Этнографические наблюдения над бытом тунгусо-маньчжур позволили установить целую серию разновидностей дымового отопления⁴. Традиционными формами, уходящими в далекое прошлое, являются главным образом Г- или П-образные каналы, а также каналы, проходящие под полом — в отдельных его местах или повсюду (ондоль). Каналы не всегда должны были топиться из очага, они могли иметь специальную топку или печку у начала канала. Они необязательно имеют высокую выводную трубу, часто оканчиваются простым отверстием в грунте или склоне. Каналы в собственном смысле слова, т. е. дымоходы в теле лежанки, устраиваются всегда вдоль стен, кроме стены с выходом или дверью. Ондоль этому правилу не следует. По-видимому, такие разновидности этой системы, как кан вдоль одной лишь стены, как несоединяющиеся каналы вдоль двух противоположных стен, как узкий кан в тупике сеней и т. д. — сравнительно недавнего происхождения.

На Советском Дальнем Востоке на археологических памятниках эпохи чжурчженей прослежены все классические разновидности дымового отопления: Г-образная — в жилище 1 (4), П-образная — в жилище 2 (5), типа ондоля — в здании 6 на Красноярской крепости. Разнообразие разновидностей системы дымового отопления на памятнике одной эпохи лишний раз подтверждает тот факт, что именно чжурчженей разработали эту отопительную систему с основными ее вариантами и широко распространили ее в зоне своего обитания, вплоть до крайних ее пределов — в Приморье и Приамурье⁵.

⁴ Каваэ Сиро. Маммо-но фудзюку сюкан (Нравы и обычаи маньчжур и монгол). Токно, 1939, стр. 119—121.

⁵ П-образные каналы открыты также в пади Большой Дурал и у Хабаровска (см.: А. П. Окладников. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре. СА, XV, 1951, стр. 299 сл.; он же. Археологические раскопки в районе Хабаровска. «Вопросы географии Дальнего Востока», 1963, стр. 6).

Р. Х. СУЛЕПМАНОВ

О НУКЛЕУСАХ ИЗ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ ОБИ-РАХМАТ

Настоящая заметка представляет собой попытку характеристики ядрищ, относящихся к единому комплексу каменной индустрии, при помощи точного количественного анализа.

Материалом для анализа послужила группа нуклеусов, добытых в пещерной стоянке Оби-Рахмат. Этот памятник находится в 70 км к северо-востоку от Ташкента, в западных отрогах Тянь-Шаня. Индустрия этой мустьерской культуры своеобразна и характеризуется преобладанием пластинчатой техники расщепления.

В технике культуры четко выделяется применение трех основных принципов расщепления:

1. Все типы нуклеусов, преследующие цель получения пластин с параллельными или слабо конвергентными гранями, объединены нами в единую серию, называемую призматической или пластинчатой. Это нуклеусы одноплощадочные, двухплощадочные, конусовидные, подтреугольные.

2. К серии леваллуазской отнесены нуклеусы с круговой подправкой рабочей плоскости, некоторые из них имеют удлиненные пропорции.

3. Кубовидные нуклеусы со скалыванием под прямым углом со всех сторон без предпочтительной ориентации представляют технику ортогональную.

Эти приемы расщепления известны на многих памятниках эпохи мустье и верхнего палеолита и достаточно полно описаны в литературе. Интересующий нас комплекс нуклеусов представляет картину количественного соотношения различных приемов расщепления, зафиксированную в камне и относящуюся к одному историческому моменту.

Классификация нуклеусов произведена на основе выделенных приемов расщепления с дополнительной градацией, вытекающей из последовательности трудовых процессов техники каменной индустрии в целом. Этот технический процесс можно разделить на два этапа. Первый этап состоит из двух стадий, добычи сырья и оформления его. Второй этап, заключающийся в процессе срабатывания нуклеуса, также делится на две качественно различные стадии: стадию систематического основного расщепления и стадию бессистемного завершающего расщепления.

На рис. 57, 1 представлена схема классификации, состоящая из четырех стадий (I—IV), с указанием количества ядрищ в процентах, относящихся к той или иной стадии.

I стадия соответствует выбор естественного куса подходящей формы или предварительное расщепление, поставившее массивные подпрямоугольные сколы в виде брусков, которые служили в качестве заготовок нуклеусов. Она выделена в значительной степени условно и составляет 0,8% от всего комплекса.

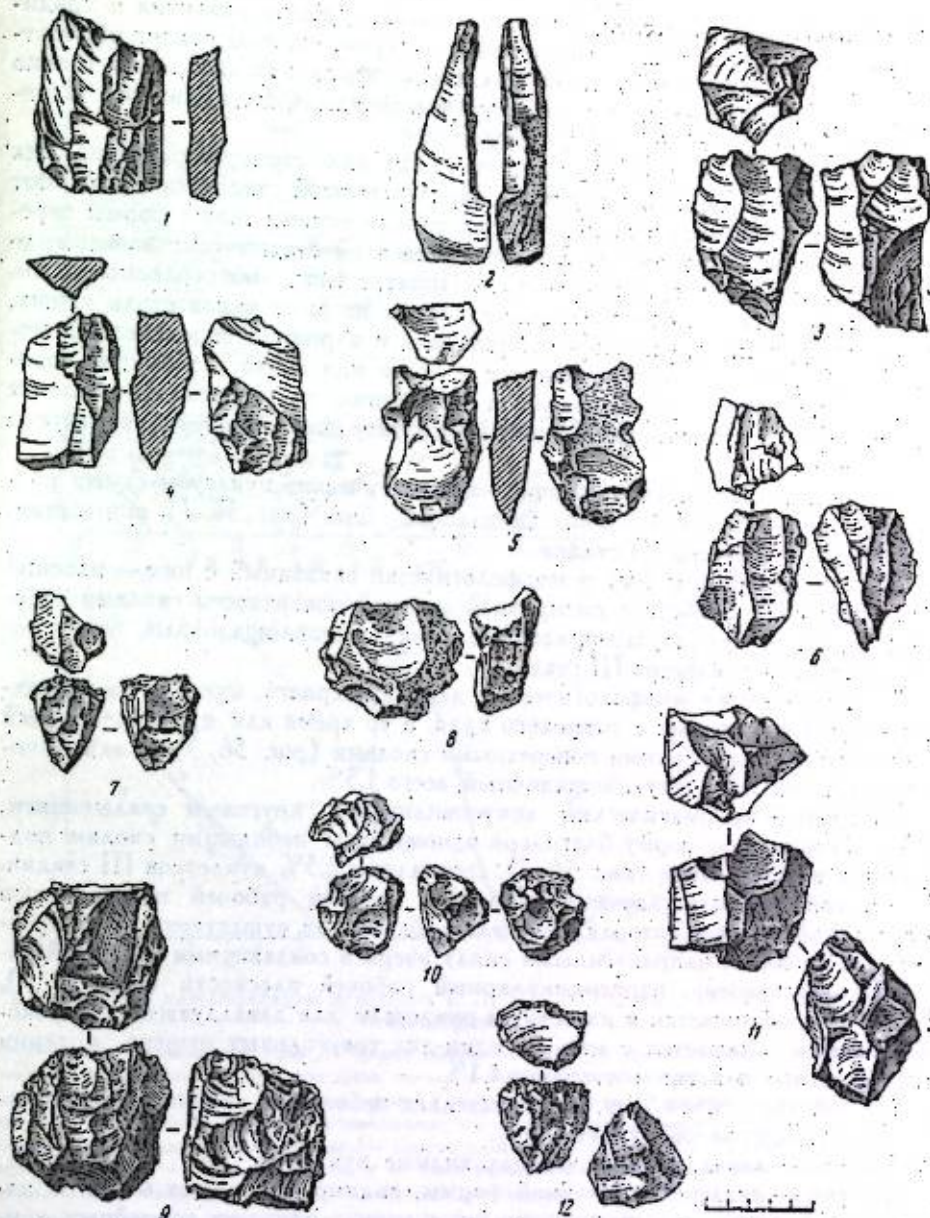

Рис. 56. Основные типы нуклеусов

1—2—1-й тип обычных; 3—1-й тип прямоугольный; 4—1-й тип Джеббер; 5—3-й тип; 6—5-й тип; 7—4-й тип; 8—7-й тип; 10—8-й тип, IV стадия; 11—12—нуклеусы стадии переформирования

II стадия заключается в предварительной подготовке рабочей плоскости и ударной площадки на заготовке. Обработка этой ступени носит, как правило, номинальный характер, подправлялась только та часть поверхности, которая намечалась для использования. Дальше поверхность подправлялась по мере срабатывания нуклеуса. Очень редко, когда исходные куски были совершенно бесформенны, они оформлялись более тщательно. К этой стадии относится 8,6% нуклеусов от всего комплекса, она иллюстрирует приемы предварительной подготовки в чистом виде, цель ее заключалась в создании на куске камня, форма которого могла бесконечно варьировать,

тех технических показателей, которые отвечали уровню развития и традиционным стандартам носителей данной индустрии. На этой стадии обработки представлено несколько типов нуклеусов, черты которых лишь только намечены, но ход дальнейшего развития формы уже предугадывается. Ядрища этой стадии составляет 8,6% комплекса.

III стадия составляет 77% комплекса; она иллюстрирует развитие всех возможных форм данной индустрии. Нуклеусы этой стадии представляют наряду с устойчивыми и хорошо выраженными типами также формы переходные, мелкие и случайные. 2/3 нуклеусов этой стадии использованы до предела. Длина их в среднем 6—8 см. Понятие типа, употребляемое нами, до некоторой степени относительно, нуклеусы не дают типов столь явных, как типы орудий, есть приемы расщепления и ядрища в определенный момент срабатывания, группирующиеся в более или менее устойчивые совокупности по характеру ориентации и назначению сколов, вспомогательных или полноценных заготовок. Приводим краткое описание типов нуклеусов III стадии.

1-й тип, — одно-двухплощадочные призматические нуклеусы самых различных пропорций. 60% из них двухплощадочные (рис. 56, 1), они составляют 76,5% нуклеусов III стадии.

2-й тип, близкий к 1-му и морфологически связанный с ним, — плоский призматический нуклеус с подправкой рабочей поверхности сколами с боковых краев. 4 экз. двухплощадочные, 6 экз. одноплощадочные, они и составляют 5,2% нуклеусов III стадии.

3-й тип — также морфологический дериват первого, нуклеус на массивном отщепе со сколами с торцового края, в то время как другой тыльный край затуплен несколькими поперечными сколами (рис. 56, 5). 2 экз. одноплощадочные, 1 экз. двухплощадочный, всего 1,5%.

4-й тип — призматический конусовидный, с круговым скалыванием, имеет законченную форму благодаря одному-двум небольшим сколам подправки в нижней части (рис. 56, 7), составляют 2,5% нуклеусов III стадии.

5-й тип, одноплощадочный нуклеус с плоской рабочей поверхностью треугольной формы, которая получалась благодаря существенной подправке боков сколами, направленными снизу вверх и создающими в нижней части острый гребень, перпендикулярный рабочей плоскости (рис. 56, 6). Этот тип приближается к известным нуклеусам для лаваллуазских острокопечников, но снимается с него не один-два треугольных отщепе, а серия конвергентных пластин, составляет 4,1%.

6-й тип аналогичен 5-му, но обязательно небольшой толщины и с дополнительной подправкой с краев, 1,5%.

7-й тип — лаваллуазские черепаховидные нуклеусы (рис. 56, 8), 2,5%.

8-й тип — нуклеусы случайной формы, видимо фиксируют моменты нарушения системы расщепления нуклеуса в силу каких-то случайных причин, 1,5%.

9-й тип — нуклеусы ортогонального расщепления, форма кубическая, прямоугольная, устойчивой ударной площадки нет (рис. 56, 9), 3%.

10-й тип — нуклеусы грубо дисковидной и веерообразной формы, 1,5%.

Каждая из технических традиций была призвана производить заготовки определенных типов. Основной и традиционной формой заготовки носителей индустрии Оби-Рахмата являлась пластина со слабо конвергентными краями, индекс пластинчатости стоянки 60%. Производство заготовок стандартной формы требовало строгого соблюдения своих технических показателей. Предпринятая нами попытка метрического анализа некоторых углов нуклеусов 1-го типа (представляющих достаточно крупную статистическую совокупность) позволила установить некоторые технические показатели, присутствующие данной индустрии, и несколько уточнить более общие закономерности призматического или пластинчатого расщепления техники каменного отбойника.

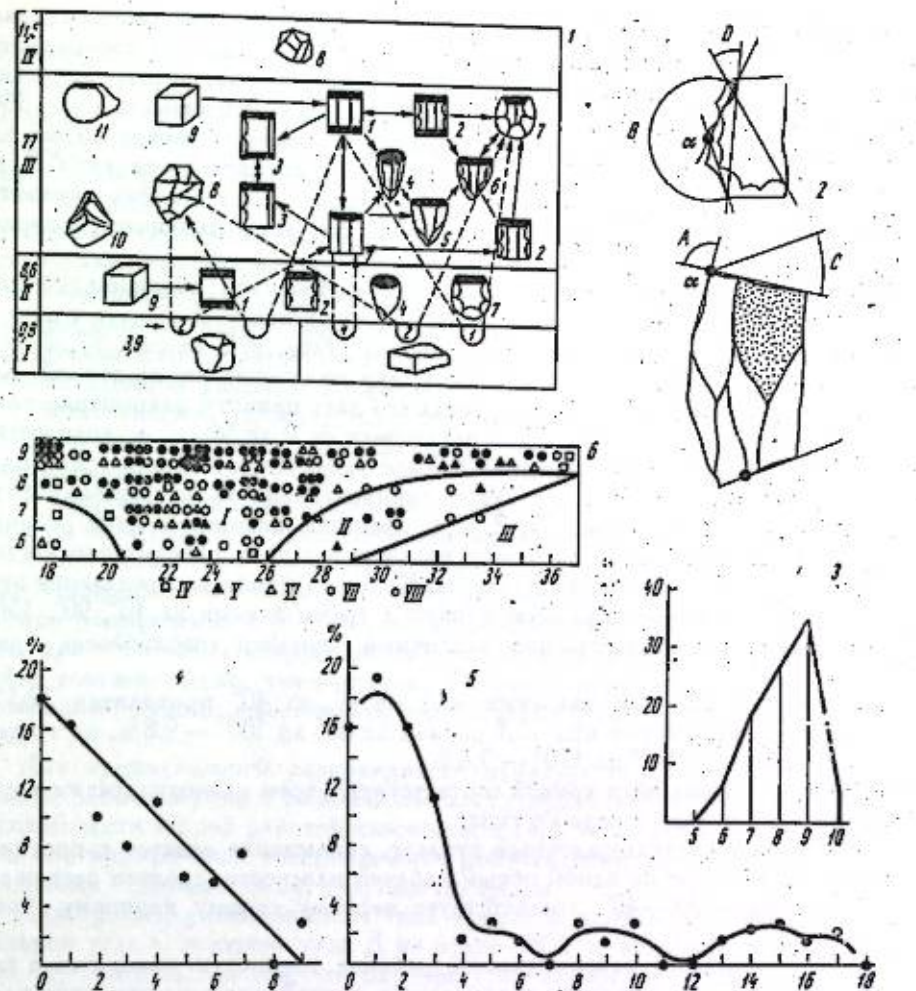

Рис. 57. Схема классификации нуклеусов I, II, III, IV стадий с указанием процентного соотношения их

1-11 — схематические рисунки типов III стадии; стрелки на уровне III стадии указывают возможные направления морфологических переходов, пунктирные стрелки фиксируют случаи переформирования нуклеусов и в полу-круги на уровне I стадии — количество случаев; 2 — условные параметры призматического нуклеуса, A — рабочий угол; B — поперечная дуга рабочей поверхности; C — вертикальное расхождение рабочих углов; D — горизонтальное расхождение рабочих углов; 3 — полигон распределения рабочего угла. По горизонтали — значения угла, по вертикали — количество случаев; 4 — линия распределения C. По горизонтали — значения угла, по вертикали — процентные отношения; 5 — кривая распределения D. По горизонтали — значения угла, по вертикали — процентные отношения; 6 — зависимость дуги рабочей поверхности от значения рабочего угла. По горизонтали — значения C, по вертикали — значения A.

Аппарат анализа построен на четырех основных параметрах, измерение велось в десятках градусов.

Рабочий угол — угол, соединяющий ударную площадку с рабочей плоскостью нуклеуса, — A на рис. 57, 2. Измерялась данная величина через геометрический центр рабочей плоскости, точка alpha на рис. 57, 2, где она имеет максимальную четкость. Это удивительно устойчивая величина, имеющая строго закономерное количественное распределение. На графике (рис. 57, 3) видно, что она варьирует в пределах от 60° до 90°. Максимальное количество приходится на 90°. Рабочий угол является самым важным показателем расщепления, он в совокупности с направлением удара создает оптимальное распределение зоны напряжения, в которой распространялась трещина.

Поперечная дуга рабочей поверхности определяет степень «призматич-

ности» расщепления. Для производства пластин необходимо было создание на нуклеусе выпуклой и поперечном сечении призматической поверхности, которая при расщеплении срезалась плоскостью откола. Этот выпуклый угол, варьирующий от 180° (т. е. плоская рабочая поверхность) до 360° (скалывание по всей окружности площадки), измеряется между двумя линиями, идущими от центра рабочей поверхности до двух краев ее $\angle B$ на рис. 57, 2. В Оби-Рахмате наибольшее количество частот данного показателя приходится на 230° , что свидетельствует о сугубо призматическом характере пластинчатой серии.

Следующие два показателя являются спецификой двухплощадочных нуклеусов и определяют соотношение их рабочих углов.

Угол вертикального расхождения рабочих углов, $\angle C$ на рис. 57, 2. Это показатель наклона одной ударной площадки по отношению ко второй. Количественное распределение в процентах его дает прямую, равномерно убывающую по мере увеличения этого показателя от 0 до 90° , т. е. количество нуклеусов равномерно уменьшается по мере увеличения наклона одной площадки к другой (рис. 57, 4). Угол горизонтального расхождения двух рабочих углов, $\angle D$ на рис. 57, 2, т. е. взаимное положение двух рабочих поверхностей. Измеряется он между хордами дуг двух рабочих плоскостей при вертикальном положении нуклеуса. Количественное распределение этого показателя дает своеобразную кривую с тремя пиками на 10° , 90° , 150° , указывающую на количественно различный характер совокупности (рис. 57, 5).

На первый пик при значении $\angle D$ от 0° до 40° приходится 72,5% нуклеусов, на второй пик при $\angle D$ равном от 80° до 100° — 9,8%, на третий при $\angle D$ равном от 140° до 170° — 9,8%.

Три выявленных пика кривой соответствуют трем разновидностям двухплощадочного нуклеуса первого типа:

а) обычный двухплощадочный нуклеус, скалывание ведется с противоположных площадок на одной общей рабочей плоскости, среднее расхождение площадок — 30° — 40° , соответствует первому самому крупному пику (рис. 57, 5);

б) прямоугольная разновидность, рабочие плоскости находятся в поперечном сечении под прямым углом одна к другой, расхождение двух площадок не превышает 50° , отклоняются они в разных плоскостях, соответствующих двум рабочим плоскостям, соответствует среднему пику (рис. 57, 5);

в) противоположная разновидность, скалывание ведется с двух площадок в двух противоположных плоскостях, в продольном сечении имеет вид скошенной трапеции, соответствует последнему пику (рис. 57, 5). Эта разновидность совпадает с нуклеусом типа Джрабер, описанного В. П. Любным¹.

При истощении вторая и третья разновидности часто теряли свои характерные параметры и превращались в обычные.

Корреляция величин рабочего угла и поперечной дуги рабочей плоскости позволила выявить закономерную связь между ними, вытекающую из необходимости сохранения рабочего угла в его оптимальных пределах от 60° до 90° .

На корреляционной таблице (рис. 57, 6) представлены случаи сочетания различных значений рабочих углов (по вертикали) с различными значениями поперечных дуг рабочих плоскостей, при этом достаточно четко выделяются три области: I — область скученности 92%, II — область рассеивания 8% и III — пустота. Различными значками обозначены нуклеусы из разных слоев; как видно из таблицы, характер корреляции для всех слоев был одинаковым.

¹ В. П. Любн. Верхнеашельская мастерская Джрабер. КСИА, вып. 82, 1961. стр. 64.

Техническая сущность этой закономерности заключалась в том, что при абсолютно горизонтальной площадке угол пересечения ее с поверхностью нуклеуса по всей окружности был равен 90° , что давало возможность скалывать в любой части этого угла, в этом случае дуга рабочей плоскости варьирует от 180° до 360° — верхняя строка таблицы $\angle A = 90^\circ$. При наклонной площадке угол пересечения, с одной стороны, оказывался меньше 90° — острый, а с противоположной более 90° — тупой. В этом случае дуга рабочей плоскости локализуется только под острым углом и, дойдя до 90° , останавливается, так как при сообщении импульса по рабочему углу от 60° до 90° энергия удара максимально концентрируется в зоне параллельной рабочей плоскости, при ударе же по тупому углу происходило рассеяние значительной части энергии во всем объеме нуклеуса. Благодаря этому, чем больше скошена ударная площадка по отношению к периметру нуклеуса, тем более плоский характер имеет его рабочая поверхность; при строгой поперечности площадки рабочая поверхность распространяется по всей окружности.

Подправка площадок нуклеусов не обнаруживает особой связи с каким-либо из исследованных признаков, она лишь регулировала точку удара.

Техническая идея двухплощадочного нуклеуса заключается в том, что при истощении одного рабочего угла возрождается второй, так как нуклеус при расщеплении в верхней части срабатывается быстрее, чем в основании, при этом эксплуатируемый рабочий угол увеличивается до 90° , а другой — соответственно уменьшается. Поэтому при расщеплении нуклеус необходимо было переворачивать периодически с одной площадки на другую.

Для прямоугольной разновидности нуклеуса первого типа истощение одного рабочего угла и рабочей плоскости приводило к сужению в плане нижней части второй рабочей плоскости, в силу чего сколы имели треугольный контур, при этом восстановление рабочих углов производится за счет усиленных подправок обеих ударных площадок.

Для третьей разновидности типа Джрабер характерно, что при минимальном угле C значение угла D не равно 180° , а колеблется около 160° . Это обуславливалось тем, что рабочие углы и рабочие плоскости предпочтительно локализовались на углах тех массивных отщепов и плиток, которые служат заготовками для нуклеусов этой разновидности. В случаях остальных типов нуклеусов пластинчатой серии соблюдение правильной формы пластин достигалось с помощью второстепенных вспомогательных сколов, подтеской с боков — типы 2 и 6; подтеской снизу — типы 4 и 5, причем подправка эта неоднократно возобновлялась.

Очень часто (11,5% от общего количества) при предельном истощении нуклеуса, когда габариты его резко противоречили возможности скалывания правильных пластин каменным отбойником, нуклеус вступал в IV стадию развития формы — завершающую стадию хаотического расщепления, IV стадия срабатывания нуклеуса. Суть ее заключается в полном игнорировании тех форм, через которые прошел нуклеус на предыдущих стадиях, и скалывании с любой стороны, где есть угол, позволяющий снять отщеп. Они угловаты и бесформенны, большая часть их превращена в орудия.

Типы нуклеусов могли развиваться с начала до конца самостоятельно, в чистом виде, но могли и перерасти в другой тип. Возможность морфологического перехода была обусловлена пропорциями и габаритами нуклеуса, которые в процессе срабатывания постоянно менялись. Одноплощадочные и двухплощадочные формы призматического нуклеуса — два состояния одного типа нуклеуса. Широкий и плоский нуклеус первого типа в случае заломов угловых сколов с боков требовал снятия их вспомогательными сколами, направленными от края к центру, и переходил при этом в тип 2, при повторном угловом сколе, снимавшем следы поправки, он снова переходит в тип 1. На стадии, близкой к истощению, тип 2 мог перейти в тип 7, когда

одна из площадок использовалась для вспомогательной подтески, но обратный переход исключен; узкий вторичный нуклеус 1-го типа со скалыванием с торцового края, мог перейти в тип 3, для этого достаточно было подтесать слишком выдающийся тыльный край. Массивный нуклеус 1-го типа с низким показателем $\angle C$, по мере срабатывания и сужения одной стороны, переходил в тип 4, тот в свою очередь в случае скалывания только с одной плоскости превращался в тип 5. На рисунке 57,1 стрелками указаны логически возможные пути перехода одного типа в другой в процессе срабатывания, прослеженные на нуклеусах. Для некоторых случаев, например типы 1—2, 6—7, морфологическая связь была обратимой; нуклеус, перешедший в другой тип, мог быть снова возвращен в исходную форму. В иных случаях (типы 1—5—6, 1—4, 2—7) развитие было необратимым, тип нуклеуса мог измениться только в одном направлении, а это предreshалось пропорциями нуклеусов. Помимо этого плавного развития форм, происходившего при одном и том же рабочем угле, отмечены случаи резких переделов в процессе расщепления с полным переоформлением нуклеуса. Это явление происходило в том случае, когда удовлетворительное состояние рабочего угла было трудно восстановимо или приводило к нерациональному использованию массы нуклеуса, при этом рабочий угол переносился на новое место, более удачное, а предыдущий рабочий угол отбрасывался и оказывался случайным обстоятельством по отношению к новому. Нуклеус сводился на уровень необработанной заготовки 1-й стадии и развивался заново. Случаи переоформленных нуклеусов составляют 3,9% III стадии.

Это явление указывает на то, что человек не воспроизводил косно на каждом камне операции, которые были привнесены в его сознание обычаем, но постоянно критически оценивал и переосмысливал свои трудовые операции, и, предвидя конечные результаты их, выбирал или менял решения в границах известных приемов.

Первобытная техника расщепления, как и всякое техническое производство, имеющее свою конечную цель и основанное на естественных исходных данных, осуществляется с помощью определенных приемов, отвечающих им, и каждая из них обладает техническими признаками присущими только ей.

ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
В 1965 и 1966 гг.

В 1965 и 1966 гг. Сектор Средней Азии и Кавказа продолжал работы по проблемам истории Средней Азии, Нижнего Поволжья, Сибири и Кавказа. В связи с этими проблемами систематически ведутся раскопки: в Средней Азии работает Таджикская экспедиция, Дальверзинский отряд, Каракумский отряд, в Сибири — экспедиции в районе строительства Красноярской ГЭС и Саяно-Тувинская экспедиция, в низовьях Волги — Астраханская экспедиция. Сотрудники Сектора принимают участие в экспедициях на Кавказе. Результаты раскопок публикуются в специальных ежегодных сборниках.

В 1965 г. Сектором изданы работа А. А. Гавриловой «Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен VI—VII и X—XVI вв.» и сборники «Трудов Азербайджанской экспедиции» т. II и III (МИА СССР, 125 и 133). В 1966 г. вышла коллективная монография (А. П. Окладников, В. М. Массон, И. Н. Хлопин, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам) «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», в которой даются общие представления о материальной культуре палеолита и эпохи бронзы в Средней Азии, о закономерности исторического развития. Вторая большая монография «Кочевники на пути в Индию» А. М. Мандельштама. Эта монография посвящена изучению Тулхарского курганного могильника Бишкентской долины, связанного с предысторией кушан (последняя треть II в. до н. э. — начало I в. н. э.). Диссертационная работа Я. А. Шера «Каменные изваяния Семиречья» является специальным исследованием древнетюркских каменных изваяний VI—XI вв. в северных районах Средней Азии. «Каменные бабы» сравниваются автором с подобными же памятниками Южной Сибири и Монголии, дается их классификация, исследуются вопросы хронологии, семантики и историко-культурного значения. В выпуске САИ «Андроновская культура» ч. I (составитель В. С. Сорокин) дается сводка всех материалов по андроновской культуре в Южном Приуралье и прилегающих степях Казахстана. В очередном выпуске (XVIII) сборника «Эпиграфика Востока» опубликованы статьи, посвященные вопросам эпиграфики и нумизматики Средней Азии и зарубежного Востока.

В 1966 г. сотрудники подготовили и сдали в издательство несколько больших работ: 1) А. М. Мандельштам «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане». В этой работе будет дана полная публикация могильников эпохи поздней бронзы Бишкентской долины в Южном Таджикистане. В результате исследований этих могильников автором выделяется совершенно новая для Средней Азии «бишкентская» культура эпохи бронзы. 2) Э. Б. Вадецкая «Древние идолы Енисея» — научно-популярная книга о древних каменных идолах, которые исследовались автором в степях среднего Енисея; в книге устанавливается их возраст, выясняется смысл и значение этих изображений в жизни древних сибирских племен. 3) В «Эпигра-

фике Востока» (XIX) так же, как и предыдущем выпуске, публикуются эпиграфические и нумизматические материалы. Кроме того, сотрудники Сектора печатали свои статьи в различных специальных изданиях.

Текущая работа Сектора в 1965 и 1966 гг. шла по плановым темам. Археологи Средней Азии (А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков, И. Б. Бен-тович), занимавшиеся историей феодального города в Средней Азии, закончили монографию «Феодальный город Средней Азии». В. М. Массон работает над большой темой «Древнейшие земледельцы юга Средней Азии. Поселение Джайтун», которая будет завершена в 1967 г. А. М. Мандельштам закончил статью «Культура Туркменистана в античную эпоху» (2 а. л.) для издания в Туркменской ССР. Ю. А. Заднепровский работает над главой коллективной монографии «Древние государства Средней Азии».

Археологи Сибири — М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая — занимаются изучением памятников различных исторических периодов на Енисее, базируясь на материалах раскопок Красноярской экспедиции. Сверх плана работы Сектора М. П. Грязнов, Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая принимали участие в работе над монографией «История Сибири», т. I, под общей редакцией А. П. Окладникова. Ими написаны главы о тагарской, окуневской, андроновской, карасукской и афанасьевской культурах. А. Д. Грач написал главу «Алтай и Тува в скифское время». А. Д. Шер начал большую работу (выпуск САИ) «Наскальные рисунки Среднего Енисея». В. П. Шилов готовит к печати «Труды Астраханской экспедиции «Новоникольский могильник». Археологией Кавказа в Секторе занимаются К. Х. Кушнарера и Р. М. Джанполадян. Первая работает над темой «Древнеземледельческая культура Южного Кавказа в V—III вв. до н. э.», а Р. М. Джанполадян изучает стеклоделание в средневековой Армении.

После успешной защиты диссертационных работ в Сектор были зачислены аспиранты Э. Б. Вадецкая («Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее») и А. Я. Щетенко («Энеолит Центральной Индии»). Обе работы готовятся к изданию.

В 1965 г. было проведено 25 научных и организационных заседаний Сектора, а в 1966 г. — 30. На заседаниях Сектора обсуждались плановые темы сотрудников, диссертации аспирантов, отчеты о летних раскопках работ и доклады сотрудников из республик Средней Азии и смежных учреждений. Особое внимание было уделено обсуждению докладов, представленных на конгресс историков в Праге в августе 1966 г.

В декабре В. М. Массон выступал в Отделении истории АН СССР на симпозиуме, посвященном теме «Пути перехода от доклассового к классовому обществу» с докладом «Пути становления раннеклассового общества на Древнем Востоке (так называемый азиатский способ производства)».

В декабре 1966 г. исполнилось десять лет со дня смерти старейшего сотрудника Сектора А. Н. Бернштама. Сектор отметил эту дату специальным заседанием, на котором товарищи и ученики А. Н. Бернштама сделали научные доклады и сообщения.

Сотрудники Сектора активно участвуют в ежегодных отчетных сессиях и пленумах института.

В Сектор поступил архив покойного А. А. Иессена, который обрабатывается К. Х. Кушнарера; в 1967 г. он передан на постоянное хранение в архив ЛОИА.

Младший научный сотрудник О. Г. Большаков перешел из Сектора на работу в арабский кабинет ЛО Института народов Азии.

И. Б. Бентович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМ — Абаканский музей
ВАУ — сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КМ — Кяхтинский музей Бурятской АССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МАЭ — Монгольская археологическая экспедиция
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МК — (Махмуд Кашгарский, турецк. пер). «Divanü Lugat-it-türk tetcümesi», 111, Türk Dil Kurumu, çeviren Besim Atalay, Ankara, 1942
ММ — Минусинский музей
МЭ — Материалы по этнографии, изд. Государственного русского музея.
НМ — Нерчинский музей, Читинская область
РСЛ — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1888—1911
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САИ — Свод археологических источников
СМ — Сретинский музей, Читинская область
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
ТКАЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ТОВ — Труды отдела Востока изд. Государственного Эрмитажа.
 ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 ЧОМ — Читинский областной музей
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 AI — Ancient India. Bulletin of the archaeological Survey of India.
 MDAFA — Memoires de la delegation archeologique francaise en Afghanistan
 IA — Ingian Archaeology. A. Review.
 ILN — Illustrated London News.
 QBN — R. R. Arat, Kutadgu bilig. 1 (Наманганский список). Istanbul, 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и дискуссии

В. И. Сариниди. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке	3
Ю. С. Гришкин. К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье	10
Е. Е. Кузьмина. Клад эпохи бронзы из Каракола	13
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок Кара-Корума	16
А. А. Гаврилова. Новые находки серебряных изделий периода господства киргызов	24
А. М. Щербак. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника над Поляной	31
В. И. Распопова. Византийские поясные пряжки в Согде	34

II. Полевые и лабораторные исследования

Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. Новые находки каменного ве- ка в Северном Бадхызе	37
А. Я. Щетенко. Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении	39
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски	46
Г. И. Андреев, П. П. Пашкин. Археологические находки в пос. Туре	50
Л. С. Гликман, А. Н. Мелентьев. Стоянка эпохи бронзы у станицы Сакса- ульской	54
Л. А. Иванова. Могильник Подсуханка и некоторые особенности афанасьев- ских надмогильных сооружений	58
С. А. Рахимов. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде	70
Л. П. Хлобыстин. Липовая Курья — поселение «андроноидной» культуры Юж- ного Зауралья	76
Н. А. Членова. Карасукские находки в первой излучине Чулыма	84
В. А. Могильников. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка II	94
Т. Н. Троицкая. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибир- ской обл.	99
А. Д. Грач. Древнетюркские курганы на юге Тувы	105
О. Г. Большаков. О раскопках средневекового городища Хауз-хан в 1961 г.	112
М. В. Воробьев. Два строения с каннами в Красноярской крепости в Приморье	119
Р. Х. Сулейманов. О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат	124

III. Хроника

Работа Сектора Средней Азии и Кавказа в 1965—1966 гг. (И. Б. Бенгтович)	131
Список сокращений	133

Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии

КСИА, № 114

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Г. В. Моисеенко
Технические редакторы В. Д. Прилепская, С. Н. Тихомирова

Сдано в набор 30/У-1968 г.
Подписано к печати 9/ХІІ-1968 г.
Формат 70×108/16. Бумага № 2.
Физич. печ. л. 8,5+1 вкл. Усл. печ. л. 11,9
Уч.-изд. л. 10,7 (10,5+0,2 вкл.) Тираж 2400 экз.
Тип. зак. 69. Т-17620

Цена 67 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К А

Стр.	Строчка	Напечатано	Следует читать
119	5 св.	Красноярской	Красноярской

КСИА, 114. Знак 690